

СП 12357

ПРОЗЕРКА
2007

ПРЕДИСЛОВИЕ.

К работе над Основными Началами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик я приступил еще летом 1925 г. Вчерне она была почти готова, когда осенью того же года появился проект Уголовного Кодекса РСФСР, содержащий в своей общей части ряд существенных отклонений от Основных Начал. Представлялось необходимым выждать итогов сессии ВЦИК'а, которая должна была состояться в октябре 1925 г. Ряд принципиальных вопросов уголовного права, поднятых ВЦИК'ом, в свою очередь, должен был получить окончательное разрешение на очередной сессии ЦИК'а Союза в конце апреля 1926 года.

Постановления ее по вопросам уголовного законодательства явились несколько неожиданными. Внесенные Совнаркомом Союза (по инициативе ВЦИК'а) и обработанные комиссиями сессии ЦИК'а Союза ССР проекты об изменении Основных Начал уголовного законодательства Союза и союзных республик, Положение о контр-революционных преступлениях и наиболее опасных для Союза ССР преступлениях против порядка управления сессия постановила передать на предварительное обсуждение союзных республик и, с учетом мнений последних, внести на рассмотрение ближайшей сессии ЦИК'а Союза.

Медлить далее с окончанием работы не представлялось возможным. По существу тех вопросов, которые были выдвинуты ВЦИК'ом, сессия ЦИК'а Союза так или иначе высказалась. РСФСР проделала огромную законодательную работу. Утвержденный 24 октября 1925 г. Уголовный Кодекс явился итогом не механического восприятия Основных Начал, а органической проработкой последних. Правда, именно вследствие этого он не был введен в действие в ожидании последнего слова Союза. Оно еще не сказано, а потому общая часть Уголовного Кодекса РСФСР в редакции 1925 г. не может получить силы закона и в настоящее время. Возможно, что в таком виде она вообще не станет действующим законом. Но тем не менее этот кодекс навсегда останется памятником советского законодательства определенной исторической эпохи, знакомство с которым необходимо для понимания развития союзного уголовного законодательства. Поэтому параллельно с постановлениями Основных Начал мы приводим соответствующие нормы УК 1925 г. Это сопоставление дает возможность лучше понять Основные Начала.

Только в мае 1926 г., благодаря случайно попавшему в Москву Грузинскому Уголовному Кодексу на русском языке, удалось узнать, что

в октябре 1925 г. Всегрузинский ЦИК утвердил УК, переработанный согласно Основным Началам. О работах в Белорусской ССР над УК дает, правда, слабое, представление стенографический отчет сессии Белорусского ЦИК'а (октябрь 1925 г.).

Что касается украинского проекта УК, выработанного НКЮ Украины, сведения о нем были почерпнуты из статьи Трахтерева „Проект Уголовного Кодекса УССР“ („Вестник Советской Юстиции“, 1926 г., № 8/9). В каком положении находится вопрос в Туркменистане, а также в Армении и Азербайджане, сведениями не располагаем за отсутствием материалов на русском языке.

Грузинский УК, Узбекский УК,¹ а также белорусский проект следуют почти механически за Основными Началами; вдумчивое отношение в истолковании отдельных постановлений Основных Начал проявлено Украиной.

Постановлением Президиума ВЦИК'а от 22 ноября 1926 г. Уголовный Кодекс РСФСР 1925 г. введен, наконец, в действие с 1 января 1927 г., как Уголовный Кодекс „редакции 1926 г.“. В этой своей редакции Кодекс отказался в значительной части от отступлений от Основных Начал, допущенных в редакции 1925 г. Но этот отказ не является принципиальным. Он вызван соображениями о необходимости ввести в действие кодекс, санкции которого приведены, по выражению объяснительной записки к проекту 1825 г., „в равновесие с правовым сознанием времени 1925 г.“.

Сопоставление законодательной проработки Основных Начал указанными союзными республиками дает возможность в заключение сделать выводы о желательном содержании общесоюзных норм и поставить вопрос о создании Основных Начал, которые могли бы стать общей частью Уголовного Кодекса любой союзной республики.

К проекту Основных Начал, внесенному на сессию ЦИК'а, не было приложено объяснительной записки. Между тем для уяснения ряда норм последних прекрасным материалом являются последовательные проекты их. Поэтому на ряду с текстом Основных Начал, утвержденных 31 октября 1924 г., в нашей книге помещены три проекта их. Первым является проект, составленный весной 1924 г. Комиссией ЦИК'а Союза ССР по выработке основных положений по пп. „н“, „п“, „р“, „с“ ст. 1 Конституции Союза ССР. Председателем ее состоял Курский, членами — Скрыпник, Крыленко, Каплан, Яхонтов, Антонов-Саратовский, Красиков. Комиссия впоследствии стала называться „Конституционной“ (отсюда в дальнейшем: проект КК). Проект КК был рассмотрен в Комиссии законодательных предположений при СНК Союза. Проект последней (проект КЗП) был подвергнут обсуждению в самом Совнаркоме и, наконец, составленный последним проект (проект СНК) был внесен на сессию ЦИК в октябре 1924 г.

Чтобы облегчить изучение Основных Начал, под текстом каждой их статьи указаны соответствующие статьи Уголовного Кодекса РСФСР 1922 г. и всех трех проектов. Ссылка на УК 1922 г. представляется совершенно необходимой, потому что от него исходил первый проект

¹ В Узбекской ССР Уголовный Кодекс утвержден 16/VI 1926 г. и введен в действие с 1 июля 1926 г.

(КК) Основных Начал. Тем самым устанавливается преемственная связь Основных Начал 1924 г. — через УК 1922 г. — с Руководящими Началами по уголовному праву 1919 г.

Несколько слов о характере настоящей работы. Она должна являться своего рода вступительной статьей к тексту Основных Начал. Размеры ее несколько разрослись по сравнению с первоначальным планом. Но нам не представлялось возможным уложить в меньший объем с более или менее полным освещением огромный законодательный материал не только самого Союза, но и отдельных союзных республик, не говоря о том, что пришлось отказаться от изложения истории советского законодательства до Основных Начал. Желаясь пополнить этот пробел может обратиться к нашей „Общей части уголовного права РСФСР“ (1925 г.), в которой содержится наиболее полный в современной литературе исторический очерк послереволюционного уголовного права (стр. 53—97). Пришлось отказаться и от главы, посвященной вопросу о „заглажении вреда“ — мере социальной защиты, не вошедшей в Основные Начала. Этот и связанный с ним вопрос „о гражданском иске в суде уголовном“ составляет содержание статьи, напечатанной в журнале „Советское Право“ (1926, № 3).

В порядке изложения содержания Основных Начал, в соответствии с задачами своей работы, я старался придерживаться системы самих Основных Начал. По тем же соображениям, по общему правилу, я не касался иностранного законодательства и литературы, используя, по возможности, исследования по советскому праву. Но все же некоторые вопросы были слишком увлекательны, чтобы не остановиться на них более подробно, чем это, быть может, требовалось для теоретического комментария, каковым, по существу, и является настоящая работа.¹

¹ Об изменениях, внесенных в Основные Начала сессией ЦИК Союза в феврале 1927 г., см. „Послесловие“.

СП6ГД

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Образование Союза ССР и необходимость выделения общесоюзных основ уголовного права.

Образование Союза ССР поставило в порядок дня вопрос о союзном уголовном законодательстве. РСФСР, ранее других союзных республик закончившая гражданскую войну, первая могла приступить к кодификации революционного права. Нормы УК явились „кристаллизированным правосознанием судебных работников эпохи военного коммунизма“ (из речи Д. И. Курского на сессии ВЦИК'а в мае 1922 г.); общность наиболее характерных черт этого периода русской революции отодвигала на задний план бытовые особенности в жизни отдельных республик. Вполне понятно поэтому, что все остальные советские республики в качестве самостоятельных кодексов переиздали тот же Уголовный Кодекс 1 июня 1922 г.

Во второй половине 1922 г. почувствовалась настоятельная необходимость отлить в более четкие юридические формы существовавшее федеративное объединение советских республик. 30 декабря того же года делегациями от РСФСР, УССР, ЗСФСР и БССР был подписан „Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик“. В нем была намечена законодательная компетенция Союза, в частности к ней отнесено „установление основ судостроительства и судопроизводства, а также гражданское и уголовное законодательство“ (ст. 1, п. „о“).

Но Союзная Конституция 6 июля 1923 г. говорит уже об „установлении основ судостроительства и судопроизводства, а также гражданского и уголовного законодательства“ (ст. 1, п. „п“).

Проф. Котляревский считает, что в пункте „п“ мы имеем „лишь редакционные изменения“.¹ Но это не так. Незначительное, казалось бы, изменение в редакции было обусловлено весьма серьезными социально-политическими причинами. О них говорил нарком юстиции УССР Скрыпник в заседании сессии ЦИК'а Союза (вечернее заседание 22 октября). „Сравните,—сказал он,—пункт „п“ ст. 1 (Конституции) в этом окончательном тексте с первоначальным, и вы увидите, что произошли небольшие изменения: вместо „ое“ стало „ого“. Вместо того, чтобы к ведению Союза было отнесено целиком все уго-

¹ „Союз ССР и союзные республики“, 1924 г., стр. 10.

ловное и гражданское законодательство, теперь приняты только основы уголовного и гражданского законодательства“.

Изменение же произошло потому, что „между первым и вторым Съездами Советов Союза состоялся съезд РКП, который определил партийную линию“ (в области национального вопроса). Далее Скрыпник приводит „клочок истории“. „На предшествующей сессии ЦИК'а Союза,— сказал он,— впервые было постановлено разработать эти основы. Первоначально имелось следующее предложение: взять один из кодексов, уголовный кодекс РСФСР, и объявить его при помощи союзного законодательства обязательным для всех республик. Мне пришлось выступить против этого предложения. Предложение это было в комиссии советской и партийной отвергнуто. Сессия ЦИК'а постановила: для выработки основ, общесоюзных директив законодательства образовать комиссию, по два представителя от каждой союзной республики...“ (448).

Мы видим, таким образом, что, несмотря на тождественность уголовных кодексов, высший союзный орган отверг идею единого союзного кодекса, решив провести в союзном порядке лишь основы его.

Две основные идеи проведены в декларации, принятой в заседании I Съезда Советов Союза 30 декабря 1922 г. и вошедшей без изменений в Конституцию. „Восстановление народного хозяйства,— говорится в ней,— оказалось невозможным при раздельном существовании республик... Неустойчивость международного положения и опасность новых нападений делают неизбежным создание единого фронта советских республик перед лицом капиталистического окружения...“ С другой стороны, декларация провозглашает, что „Союз является добровольным объединением равноправных республик... что новое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных еще в октябре 1917 года основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов...“

Проф. М. А. Рейснер находит, что на Союзной Конституции „сказалось влияние новой экономической политики с ее пристрастием к праву и правовым конструкциям“, что в ней „ничего похожего на революционную декларацию прав трудящихся и эксплуатируемых народов не имеется, но зато рисуются весьма далекие от классовой борьбы „взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное сожительство и братское сотрудничество народов“.¹

Но уже программа РКП, принятая на VIII съезде в марте 1919 г., указывала, что „со стороны пролетариата тех наций, которые являлись нациями угнетающими, необходима особая осторожность и особое внимание к пережиткам национальных чувств у трудящихся масс наций, угнетенных или неполноправных...“²

Вполне понятно поэтому, что в то время как такие стороны жизни Союза, как представительство в международных сношениях, объявление войны и заключение мира, организация и руководство вооруженными силами Союза и т. п., всецело отнесены к ведению Союза,— в той области, где больше всего сказываются культурные особенности отдельных советских республик, Конституция говорит об установлении

¹ „Право“, 1925 г., стр. 229.

² См. также резолюции XII съезда по национальному вопросу.

верховными органами Союза „общих начал“ (народное просвещение) или „основ“ гражданского и уголовного законодательства.

Было бы, однако, глубоко ошибочным думать, что Союзная Конституция ставит национальное начало выше классового. Правильно отмечает проф. Магеровский, что „Союз ССР не есть просто союз наций, а союз наций, руководимых пролетариатом“, что „принцип диктатуры пролетариата есть превалирующий принцип по отношению к национальному в союзном строительстве советских республик“. Это нашло отражение и в Конституции: состав Совета Национальностей утверждается Съездом Советов Союза. „Классовое представительство, — замечает Магеровский, — первенствует по отношению к национальному представительству“. ¹

Если для Союза в настоящей исторической обстановке неприемлем единый уголовный кодекс, то, вместе с тем, не возникало сомнений, что основы, основные положения уголовного права должны быть едины для всех союзных республик. Совещание наркомюстов союзных республик (21—23 декабря 1923 г.) выразило эту мысль весьма отчетливо. „В виду тождественности стремлений борющихся за свое социальное освобождение трудящихся масс всех советских республик, — говорит резолюция, — основные принципы карательной политики и основные начала производства судебных и следственных дел во всех советских республиках по существу одинаковы“. ²

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Пределы союзного уголовного законодательства.

(Ст. 3, чч. 1 и 2; ст. 13, прим. 2-е, ч. 2.)

1. Вопрос на сессии ЦИК'а Союза в октябре 1924 г.

В заседании 20 октября 1924 г. сессия заслушала докладчиков СНК Союза: председателя Верховного Суда Союза Винокурова „об основах судостройства и судопроизводства“ и прокурора того же суда Красикова „об основных началах уголовного законодательства“.

22 октября по этим докладам открылись прения, редкие по страстности. Взявший слово к порядку обсуждения Рейхель указал, что между проектами СНК и таковыми же проектами КК имеются весьма существенные разногласия, не доложенные сессии. Объяснительная записка также отсутствует. В виду этого Рейхель просил предоставить первому по списку оратору, т. Крыленко, 30 минут „для изложения и обоснования этих разногласий“ (393).

Крыленко, хотя и касался в своей речи только проектов о судостройстве и судопроизводстве, но ярко выявил основное возражение: несогласованность всех проектов СНК как с Союзной Конституцией, так и с партийной линией по национальному вопросу.

¹ „Союз Советских Социалистических Республик“, 1923 г., стр. 33.

² „Вестник Советской Юстиции“, 1924 г., № 2.

В развернувшейся в дальнейшем дискуссии по вопросам материального уголовного права атака и оборона сосредоточились главным образом на ст. 3 Основных Начал.

Проекты КК и КЗП ясно устанавливали в „вводной“ статье, что „каждая союзная республика имеет свой самостоятельный кодекс, исходящий... из общих и обязательных для законодательства каждой из союзных республик основных положений“.

Беглый просмотр проекта КК убеждает, что в него вошли почти все нормы, составляющие содержание общей части уголовных кодексов. Кроме того, „в целях единства борьбы с нарушителями установленного законом порядка, несения военной службы и выполнения вооруженными силами своего назначения“, проект предусматривал раздел о воинских преступлениях, подлежащий включению в уголовные кодексы в качестве их обязательной части. Наконец, в особом разделе (V) содержались „основные начала уголовной политики в отношении отдельных видов преступлений“.

Проект КЗП разделил точку зрения КК. Он даже более точно формулировал ее в ст. 6 (ст. 5 проекта КК), подчеркнув, что „отдельные виды преступлений указываются в уголовных кодексах союзных республик“.

Если же мы обратимся к ст. 3 проекта СНК, то увидим, что согласно ей отдельные виды преступлений и порядок применения к ним мер социальной защиты определяются уголовными законами союзных республик за исключением преступлений государственных, воинских и тех, которые, как нарушающие правопорядок, установленный общесоюзным законодательством, определяются законами Союза ССР. Соответственно устремлению СНК расширить пределы союзного законодательства им был составлен и проект постановления ЦИК'а Союза ССР о введении в действие положений... об основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик... (см. прил. № 4). Статьей 8-й этого постановления Президиуму ЦИК'а и Совнаркому Союза предоставлялось право впредь при утверждении общесоюзных законов устанавливать, в случае необходимости, меры социальной защиты против нарушителей указанных законов, на основе положения об основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Заключительная же ст. 21 этого проекта предоставляла указанным органам „...в целях дальнейшего уточнения упомянутых положений... право издания постановлений в развитие этих положений с внесением в подлежащих случаях на утверждение ЦИК'а Союза“.

Первым подверг жесточайшей критике ст. 3 проекта СНК Яхонтов: „Если вы спокойно продумаете, — сказал он, — что предлагается проектом, и только посчитаете, сколько статей вам предлагается превратить в союзные законы, в виде основ уголовного законодательства, то вы увидите, что нам действительно предлагают перейти от отдельных республиканских кодексов к единому союзному кодексу... Вам далее говорят, что нужно, чтобы наше текущее законодательство сопровождалось каждый раз соответствующими указаниями, какому наказанию подлежит тот, кто нарушил союзные законы, т.-е. нам предлагают установить порядок, по которому Союз будет день за днем создавать статью за статьей будущего союзного уголовного кодекса“ (406).

Согласно подсчету оратора, почти половина статей кодекса РСФСР, „самых основных и важных, превращается в кодекс союзный“. Другими словами, „мы будем иметь союзный уголовный кодекс и к нему небольшие приложения, так называемые кодексы союзных республик“. Если, вопреки всем прежним решениям партийных и советских ответственных органов, в настоящее время приходят к выводу, что нужно создать единый уголовный кодекс, а республикам предоставить право издать только некоторые дополнения к нему, то нужно прямо об этом заявить и мотивировать это. „Но тогда нужно идти до конца — действительно к единому союзному кодексу, а не предлагать нечто убудочное — два параллельно существующих кодекса, союзный и республиканский, к чему фактически приводит предлагаемый пункт“ (407).

„Наша формула, — говорил Рейхель, выступавший после Яхонтова, — и формула Конституции: основы плюс ничего, все остальное относится к союзным республикам. Формула же проектов и резолюции¹ такова: основы плюс одиннадцать законодательных актов или серии их, плюс все, что Союзу заблагорассудится. Это не слова“. Цитируя ст. 21 проекта, о которой мы говорили выше, оратор сказал: „в развитие этого „Положения“ можно издавать все, что угодно, при чем даже не все, что будет издаваться, будет вноситься на утверждение ЦИК'а!“ (410).

Отмечая противоречие вводного закона Конституции, Курский и допуская возможную необходимость пересмотреть и изменить некоторые ее нормы. „Но, — указал Курский, — лучше стать на такую точку зрения, чем то, что мы делаем сейчас, когда явно отступаем от этих норм, и указания на то, что мы Союз и т. д., что очень импонирует, не убедят в том, что мы не отступаем от той позиции, на которой мы стояли, когда составляли Конституцию“ (412).

Эта мысль горячо была поддержана и Скрыпником. „Разбираем мы, — сказал он, — юридические вопросы, которые обычно членов нашего ЦИК'а не интересуют. До революции вопросы права, суда, прокуратуры были чужды и враждебны рабочим и крестьянам. Право было обращено против рабочих и крестьян. И посему мы все до революции относились к вопросам права, к юридическим вопросам с враждебностью, с ненавистью. Пережитки этого сохраняются и теперь, когда мы к этим вопросам относимся с пренебрежением“.

„Нужно иначе относиться, — замечает оратор. — Право не только отражает жизнь, но и является ее концентрацией. Наша Конституция — не просто формальность, не просто нечто такое, что мы можем походя изменить, но является основой нашей жизни, оформлением тех стремлений, из-за которых борются рабочие и крестьяне советских республик. Поэтому к вопросам изменения Конституции относиться походя, свысока, с презрением, как к чему-то, что можно между прочим или практикой изменять, — разумеется, нельзя“ (413 и сл.).

Члены ЦИК'а, защищавшие точку зрения СНК, за исключением Красикова и Антонова, вообще не останавливались на ст. 3. Красиков указал, что если в первые моменты жизни советской власти фактически законодательство все же было объединено, то в настоящее время мы еще более нуждаемся в обобщении известных норм. Он пред-

¹ Рейхель имел в виду проект „Постановления о введении в действие...“

ложил обсуждать нормы проектов по существу: целесообразны ли они по существу, т.-е. помогают ли развитию нашей страны, обобщают ли известную деятельность. В качестве примера Красиков указывает на таможенные преступления, контрабанду, подделку монеты и задает вопрос, нарушают ли эти преступления интересы отдельных республик, или хозяйственную и правовую систему всего нашего Союза. „Ясное дело, — говорит он, — что стоит только поставить такой вопрос по отдельным конкретным ведомствам и отдельным конкретным областям государственной жизни, как вы увидите, что общесоюзные интересы нарушаются и могут быть регламентированы каждый в том или ином случае в общесоюзном масштабе“ (372 и сл.).

Антонов указал, что СНК неоднократно сталкивался с положением, когда в республиканских уголовных кодексах совершенно не предусмотрены преступления по нарушению тех законодательных норм, которые создает Союз. „Здесь, — сказал Антонов, — возникает очень серьезный вопрос: должны ли нарушители союзного закона отвечать, или это беззащитные законы? Закон Союза должен обладать всей силой защиты, всей силой санкции, и поэтому Союз имеет право по отношению к тем законам, которые он издает, указывать даже в самом законе, что за нарушение его граждане подвергаются такому-то наказанию. Это каждому товарищу губисполкомщику понятно. Что это было бы за обязательное постановление, если бы не было сказано, что его нарушение карается? Это было бы не обязательное постановление, а декларация, и ни один гражданин не стал бы с ним считаться. Ставить в смешное положение законодательство Союза нельзя. Наоборот, его надо поддержать и усилить“ (452).

Но все соображения как Красикова, так и Антонова о целесообразности предоставления Союзу права снабжать издаваемые им законы уголовными санкциями не устраняют возражения, что такой порядок недопустим при наличии Конституции в ее настоящем виде. И напрасно члены ЦИК'а, защищавшие точку зрения СНК, представляли Курского, Крыленко, Скрыпника и др., как любителей „юридических тонкостей“ (Калинин, 417 и сл.); только в пылу полемики можно было договориться до того, что противниками проектов СНК „вопрос понимается демагогически, схоластически, этимологически и т. д.“ (Красиков, 457).

Выше мы приводили историческую справку о происхождении текста Конституции. Но если бы даже Крыленко и другие сражались только из-за того, чтобы „походя“ не нарушали Конституцию, то и в таком случае они были бы глубоко правы. Совершенно основательно напомнил Каплан, как в свое время Калинин разъяснял разницу между революционной законностью и революционной целесообразностью. „Никаких других законов, — сказал Каплан, — кроме целесообразных, у нас быть не может и не должно. Как только закон перестает быть целесообразным, он должен быть тотчас же отменен и заменен другим. Однако это не значит, что вопрос о том, применять или не применять существующий закон, должен решаться лишь в зависимости от взгляда того или иного товарища, какой бы удельный вес в советском строительстве он ни имел, на то, целесообразен ли данный закон, или нет. Вопрос о целесообразности закона решается коллективным разумом

законодателя, а не разумом отдельных товарищей, которые могут в тысяче и тысяче случаев расходиться друг с другом по этому вопросу" (425).

Тем более необходимо бережно относиться к Основным Законам, к Конституции. „Мы не формалисты, — говорил Крыленко, — но когда вы хотите сделать нечто, из чего проистекают серьезные последствия, то тогда мы ставим вопрос. Потрудитесь к нему внимательно отнестись. Есть разница, — продолжал Крыленко, — между текущими законами, которые можно менять каждый день, походя, и конституционными законами, которые мы в своей Конституции, как и в буржуазных парламентских странах, обставили особой гарантией и сказали: изменить можно, но только особым порядком. Мы и просили этот порядок применить, а если вы считаете нужным изменить Конституцию, то нельзя с конституционным законом обращаться так, как со всяким остальным“ (370).

После обсуждения в Союзном Совете и в Совете Национальностей проект Основных Начал был подвергнут в комиссиях обеих законодательных палат „тщательному и детальному рассмотрению, при чем получившиеся в дальнейшем разномыслия и разногласия были детально рассмотрены согласительной комиссией“. Но, как указал докладчик последней Скрыпник, „в виду сложности вопросов детальное редактирование еще не вполне закончено“. Поэтому в заседании 29 октября были доложены те основные изменения, которые внесены обеими комиссиями и согласительной комиссией в проект СНК, принятый постановлениями обеих палат за основу (597).

Наиболее важное, по словам докладчика, изменение коснулось ст. 3 проекта СНК. В итоге длительной работы был принят следующий текст ее: „Отдельные виды преступлений и порядок применения к ним мер социальной защиты определяются уголовными законами союзных республик, за исключением преступлений государственных и воинских“ (первая часть ст. 3 Основных Начал).

По объяснению докладчика, было признано необходимым установить в союзном порядке и предложить затем Союзу, как обязательные и одинаковые во всем Союзе, виды государственных и воинских преступлений.¹

Вместо же заключительных слов ст. 3 проекта СНК: „и тех, которые...“ согласительная комиссия приняла вторую часть ст. 3 Основных Начал в следующей редакции:

„Президиуму ЦИК Союза ССР предоставляется право в необходимых случаях указывать союзным республикам роды и виды преступлений, по которым Союз ССР считает необходимым проведение определенной линии единой карательной политики“.

„Такая формулировка, — сказал докладчик, — с одной стороны, дает возможность Союзу ССР охватывать единой волей борьбу с преступлениями, а с другой стороны — устанавливает направление указаний республиканскому законодательству со стороны Союза ССР“ (599).

¹ Напомним, что и проект КК нормы о воинских преступлениях понимал не как директивы, а как одинаковые и обязательные для всех уголовных кодексов союзных республик. Вряд ли бы стали возражать авторы проекта против таковой же формулировки контр-революционных преступлений.

2. На сессии ВЦИК'а РСФСР в октябре 1925 г. и на апрельской сессии ЦИК'а Союза в 1926 г.

Когда сессия ЦИК'а принимала ст. 3 в редакции согласительной комиссии, то никто не задумывался над содержанием понятия „государственных“ преступлений. Во всяком случае нельзя было под этот заголовок подводить главу первую Особенной части УК 1922 г. — „государственные преступления“. Эта глава охватывает не только контр-революционные преступления, но и т. н. преступления против порядка управления. Среди же последних, на ряду с такими серьезными преступлениями, как массовые беспорядки, бандитизм, изготовление фальшивой монеты, затрагивающими безопасность государства как такового, предусмотрены деяния, носящие характер небольших проступков: напр., самоуправство, уклонение от обязанностей свидетеля и т. п. Вряд ли согласительная комиссия думала и об этих преступлениях, как государственных. Правдоподобнее всего предположить, что под государственными разумелись исключительно контр-революционные преступления.

Таковы были взгляды НКЮ РСФСР. Поэтому, хотя в проект УК 1925 г. и были внесены контр-революционные преступления, но соответствующие нормы предлагалось ВЦИК'у принять „как проект, который войдет в жизнь лишь тогда, если и когда его примет ЦИК Союза ССР“ (из доклада Крыленко на сессии ВЦИК'а, с. 359). „Государственные преступления, — продолжал докладчик, — это есть контр-революционные преступления, не больше. Наоборот, преступления против порядка управления, в том числе варка самогона и всякие иные бытовые преступления, имеющие место в нашей деревне, это — не дело общесоюзных органов, это — дело ВЦИК'а это — пределы его компетенции“ (там же, с. 360).

К сожалению, проект НКЮ сохранил прежнее название главы I Особенной части, содержащей те же два раздела, что и в УК 1922 г.: контр-революционные преступления и преступления против порядка управления.

Против сужения понятия государственных преступлений выступил Винокуров. Утверждение его, что „в „Основах“ точно указано, что государственные преступления есть те, которые направлены против основ советского строя“, совершенно голословно. Если считать, далее, как полагает Винокуров, что „превышение власти, за которое проект дает расстрел“, является тоже государственным преступлением, то в такой же степени колеблют „основы“ государства взятка, квалифицированная растрата и т. п. Словом, чуть ли не треть кодекса будет занята „государственными“ преступлениями.

Но формальное возражение оратора трудно было бы отпарировать: „Государственные преступления только контр-революционные. Почему вы прямо это не написали?“ (там же, с. 380).

В качестве докладчика комиссии, выбранной сессией, Крыленко признал, что формально к государственным преступлениям надлежит отнести преступления против порядка управления, среди которых имеются и такие преступления, как самогон и т. п.

„Исходя из того, — сказал он, — что такое понятие государственных преступлений слишком широко и не отвечает действительному содержанию их, комиссия решила признать и запротokolировать, что она считает государственными преступлениями только те, в которых преступник сознательно направляет свою волю против государства, стремится его разрушить, уничтожить установленную власть или заменить ее каким-нибудь другим порядком. Те же преступления, в которых преступник не имеет такой цели, а только нарушает порядок, установленный государством, не относятся к государственным преступлениям“.

Комиссия постановила просить ЦИК Союза войти в обсуждение вопроса, что надлежит понимать под государственными преступлениями. Но так как последний не имел еще случая высказаться, как он понимает сущность государственного преступления, а, с другой стороны, отнесение к государственным преступлениям только контр-революционных находилось бы в некотором формальном несоответствии с Основными Началами,¹ то комиссия предложила весь раздел о государственных преступлениях оставить так, как он есть в УК 1922 г., и не вводить в жизнь раздела „о преступлениях против порядка управления“ до рассмотрения ЦИК'ом Союза вопроса о том, что нужно понимать под государственными преступлениями“ (585).

Сессия согласилась с предложением комиссии.

Союзный Совнарком, куда перешел вопрос, не согласился с точкой зрения ВЦИК'а. Как заявил докладчик на сессии ЦИК'а Винокуров, он нашел, что то, что понималось раньше под государственными преступлениями, — шире, чем преступления контр-революционные. Сюда надо отнести также и те наиболее опасные, имеющие общесоюзное значение преступления, которые имеются в разделе против порядка управления („Бюлл.“ № 15, стр. 13).

КЗП, разрабатывавшая по поручению СНК проект о государственных преступлениях, предусматривала в Положении о них два раздела: I — контр-революционные преступления и II — преступления против порядка управления. Ко второму были отнесены 12 статей. В первой давалось общее определение понятия преступления против порядка управления (ст. 74 УК 1922), в остальных предусматривались: массовые беспорядки (ст. 75), бандитизм (ст. 76), массовый отказ или уклонение от внесения налогов или исполнения повинностей (ст. 78), агитация или пропаганда (ст. 83), подделка монеты (ст. 85), недонесение (ст. 89), квалифицированная контрабанда (ст. 97, ч. 2),² способствование переходу границ (ст. 98, ч. 2), нарушение монополий (ст. 136), нарушение правил о валютных операциях (ст. 138), злостное повышение цен на товары (ст. 137).

Когда проект поступил в СНК, в последнем возник вопрос о заголовке, нужен ли общий заголовок, или нет; назвать ли „государственные преступления“, или этот термин отбросить.³

¹ „В частности, — добавил докладчик, — после заседания комиссии т. Калинин и другие товарищи указывали на это формальное несоответствие и на особую необходимость для РСФСР, как республики, представляющей собой громаднейшую часть нашего Союза, быть особенно лояльными в отношении формального права, конституционного права...“

² При введении в действие Таможенного устава Союза Президиум ЦИК'а предложил уже союзным республикам на основании ст. 3 (часть 2) при пересмотре соответствующих статей уголовных кодексов установить за отдельные виды контрабанды указанные Президиумом санкции (пост. от 12 дек. 1924 г.)

³ Противником точки зрения СНК (отказ последнего от названия „государственные преступления“) явился на сессии Рязанов. Проекту СНК посвящены две статьи: Крыленко „Положение о государственных преступлениях“ („Известия ЦИК“ 1926 г., от 28 марта) и Винокурова „О государственных преступлениях“ (там же, от 3 апреля). В конце 1925 г. в „Вестнике Верховсуда Союза ССР“ № 1 напечатана статья Антонова-Саратовского „К вопросу о государственных преступлениях“ и там же Васильева-Южина „О государственных преступлениях“.

Противником понятия „государственные“ преступления является Пионтковский (статья, напечатанная до сессии, „Система особенной части уголовного права“ („Сов. Право“, 1926 г., № 2).

Останавливаться на теоретической стороне вопроса здесь мы не считаем возможным.

В СНК Союза, по словам докладчика Винокурова, говорилось, что споры о принадлежности к государственным преступлениям только контр-революционных или, кроме них, и преступлений против порядка управления, — „споры схоластические“. „Высказывалась необходимость другого подхода, именно с точки зрения общесоюзного характера этих преступлений, общесоюзного значения их. Если они затрагивают в целом, необходимо нормировать их в общесоюзном порядке и выступать единым фронтом, т.-е. единой однообразной политикой“ (там же, стр. 14).

СНК внес на сессию два Положения: о контр-революционных преступлениях и „о преступлениях против порядка управления, нормируемых согласно ст. 3 Основных Начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик“.

Сессия все же признала необходимым объединить оба положения в одно, в Положение о преступлениях государственных, т.-е. преступлениях контр-революционных и наиболее опасных для всего Союза ССР преступлениях против порядка управления.

По существу на сессии не было высказано возражений против нормирования общесоюзным законодательством тех преступлений, которые содержались в проекте СНК во втором Положении.¹ Учитывая только, что борьба с нарушениями некоторых монополий ведется в порядке законодательства союзных республик (напр., с самогоном), сессия признала, что нарушение положений о государственных монополиях должно повлечь за собою применение мер социальной защиты согласно постановлению или ЦИК'а Союза ССР, или же, на основании постановления ЦИК'а Союза, законодательствами союзных республик („Бюлл.“ № 33, стр. 13).²

УК РСФСР 1926 г. отказался от заголовка „Государственные преступления“, включив в главу первую — „Контр-революционные преступления“ и в главу вторую — „Преступления против порядка управления“. Впредь до утверждения ЦИК'ом Союза Положения о государственных преступлениях в УК 1926 г. (статьи 58¹ — 58¹⁸) даны соответствующие статьи УК 1922 г. То же сделано и в отношении тех преступлений против порядка управления, которые отнесены апрельской сессией ЦИК'а к компетенции Союза (статьи 59¹ — 59¹²).³

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Пределы действия уголовных законов.

1. Действие уголовного закона во времени.

(Ст. 3 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик).

Следуя законодательной традиции союзных республик, нормы о действии уголовного закона во времени как проектами, так и Основными Началами не предусматриваются. Они содержатся в Основах

¹ По сравнению с проектом КЗП, проект СНК выбросил статью о злостном повышении цен. Вообще же на анализе отдельных составов преступлений, их отличий от УК 1922 г. мы не считаем необходимым останавливаться в данном труде.

² См. также изменение, внесенное согласительной комиссией в прим. к ст. 13 проекта СНК — ныне прим. 2 к ст. 13 Основных Начал.

³ См. Послесловие.

уголовного судопроизводства. Согласно ст. 3 последних, „применение мер социальной защиты определяется уголовными законами, действовавшими в момент совершения преступления. Законы, отменяющие вовсе применение мер социальной защиты к данному деянию или смягчающие эти меры, имеют обратную силу“.

Эта статья воспроизводит с небольшими редакционными изменениями первую часть ст. 2 УПК РСФСР. Казалось бы, таким образом, союзное законодательство не внесло ничего нового. Но в виду того, что эта норма вошла в Основы союзного законодательства, необходимо сделать вывод, что союзные республики не в праве придавать законам, устанавливающим репрессию или усиливающим меры социальной защиты, обратную силу.

2. Действие уголовного закона в пространстве.

(Ст. 1 Основных Начал).

24032
Этому вопросу посвящен раздел первый Основных Начал, содержащий всего одну статью (ст. 1). При отсутствии союзного кодекса, прежде всего надлежало вполне ясно установить, в каких случаях применяются материальные законы той или иной союзной республики. Основные Начала выдвигают верховенство территориального принципа. Все лица, находящиеся на территории Союза, кроме пользующихся экстерриториальностью иностранных граждан, подлежат за совершенные ими на территории Союза преступления ответственности по уголовным законам места совершения преступления. Поскольку лицо судится судом той республики, где оно совершило преступление, вопрос и ранее не возбуждал сомнений, и в этом отношении Основные Начала не внесли ничего нового. Но зато теперь совершенно ясно сказано, что суды союзной республики, поскольку они судят лицо за преступление, совершенное в пределах другой союзной республики, применяют уголовные законы этой последней. Таким образом, возможно привлечение к следствию и суду за преступление, не наказуемое по законам данной союзной республики. В связи с Основными Началами вполне последовательным является и правило, изложенное в ст. 32 Основ судоустройства, согласно которому все приговоры судебных учреждений, распоряжения прокуратуры и постановления следственных властей Союза ССР и союзных и автономных республик подлежат приведению в исполнение всеми судебными, следственными и административными органами по всей территории Союза.

Вполне сознательное проведение начала применения законов места совершения преступления подчеркивается тем, что проект СНК выдвигал иное начало: места задержания или предания суду.¹ Правда, докладчик Красиков отметил, что в данном случае имеется „крупная редакционная неточность и нужно будет внести соответствующее исправление в смысле подсудности не по месту задержания, а по месту совершения преступления“ (197). Но из доклада Скрыпника видно, что в согласительной комиссии формулировка проекта СНК „была отверг-

¹ Проекты КК и КЗП говорили о законах места совершения преступления.

нута после длительного обсуждения и заменена формулировкой, сходной с той, которая имела в Положении о Верховном Суде Союза¹ и которая устанавливает в таком случае разбор дела и ответственность преступников" (599).

Граждане Союза за преступления, совершенные за его пределами, подлежат ответственности, в случае их задержания на территории Союза, по законам места задержания или предания суду или следствию (вторая часть ст. 1).

Эта формулировка, как более практическая, заслуживает предпочтения перед проектом КК (а равно и КЗП), выдвигавшим в данном случае начало ответственности по законам той республики, гражданином которой является лицо, совершившее преступление.

Ничего не говорят Основные Начала об ответственности иностранцев за преступления, совершенные ими за пределами Союза.

Проекты КК и КЗП предусматривали ответственность в случае совершения иностранцами преступлений, направленных против основ государственного строя или союзных республик.

Проект СНК не включил подобной нормы. Ни Красиков, ни Скрыпник не останавливались на этом вопросе.

Следует признать, что в данном случае мы имеем дело не с упущением, а с вполне сознательным желанием союзного законодателя не говорить об ответственности иностранцев, и, возможно, по чисто практическим соображениям. При разрешительной системе въезда в Союз советская власть просто не допустит нежелательные элементы. Случайно же проникнувшие могут быть высланы,² или же — по общеуголовным преступлениям — выданы.

Мы полагаем, что уголовные кодексы союзных республик не могут содержать статьи, говорящей об ответственности иностранцев за преступления, совершенные ими за границей.

Наконец, третья часть ст. 1 указывает, что вопрос об уголовной ответственности иностранных граждан, пользующихся правом внешности, разрешается дипломатическим путем.

Вообще, все вопросы, так или иначе связанные с международными отношениями, сессия ЦИК'а отнесла, в полном соответствии с пунктом „а“ ст. 1 Конституции, к исключительному ведению союзных органов. Так, согласно Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, в случае необходимости выполнения вне пределов Союза ССР отдельных процессуальных действий по уголовным делам, находящимся в производстве судебных учреждений Союза и союзных республик, судебные учреждения сносятся с подлежащими судебными или административными органами иностранных государств через Народный Комиссариат по иностранным делам. В свою очередь, и советские судебные учреждения могут принимать аналогичные поручения от иностранных судебных мест не иначе, как через посредство Нар. Ком. по иностранным делам.

¹ Ст. ст. 13 и 16.

² Таковое удаление было, напр., применено к свидетелю на процессе германских студентов-фашистов (1925), прибывшему из Германии, в действиях которого Верховный Суд установил состав контр-революционного преступления.

Выдача преступников допускается только в случаях и порядке, установленных договорами, соглашениями и конвенциями Союза ССР с иностранными государствами, или по специальным соглашениям союзного правительства с иностранными, а также специальным законом, издаваемым в порядке общесоюзного законодательства (ст. 16).

То обстоятельство, что сессия ЦИК'а обошла молчанием вопрос об ответственности иностранцев за преступления, направленные против советского государства, не могло не отразиться при пересмотре уголовных кодексов союзными республиками.

УК 1925 г. в ст. 4 говорит об ответственности иностранцев за преступления, совершенные за пределами Союза, если эти преступления были направлены против основ государственного строя и военной мощи Союза.

Но так как эта норма „если и не находится в противоречии, то и не находит формального юридического обоснования в Основных Началах“ (Крыленко, 580), то сессия ВЦИК'а постановила войти с ходатайством в ЦИК Союза о соответствующем изменении ст. 1 Основных Начал.

Грузинский УК 1925 г. не задумываясь ввел подобную статью в действие. Белорусский проект включил ее в общую часть, но Украинский воздержался. Узбекский УК последовал за Основными Началами.

Полная ясность в вопрос внесена апрельской (1926 г.) сессией ЦИК'а Союза. Крыленко доложил, что предложение ВЦИК'а было отклонено союзным СНК, что последний не признал нужным изменять действующий закон, так как он был принят в октябре 1924 г.

„Мотивы этого решения, — сказал докладчик, — были следующие. Наш закон РСФСР написан в 1922 г., написан в тех условиях, когда наши общие международные отношения были иными. В настоящий момент нет необходимости в такого рода специальной угрозе, в такого рода специальном законе. Эти преступления подлежат сейчас нормированию иным путем, в порядке целого ряда тех специальных соглашений, которые на этот предмет сейчас существуют и которых не было в 1922 г.“¹ Вполне понятно, что УК РСФСР 1926 г. отказался от сохранения ст. 4 УК 1925 г.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Декларативные статьи Основных Начал.

(Вводная статья, ст. 4).

1. Задачи уголовного законодательства.

До принятия ЦИК'ом Союза Основных Начал союзные республики более двух лет применяли уголовные кодексы, содержавшие ряд декларативных статей. В них советская власть формулировала свои взгляды на задачи уголовного законодательства, на сущность преступления, указывала цели, которые преследуются наказанием и мерами социальной защиты.

¹ Докладчик добавил, что когда он обратился к протоколам комиссии, которая заседала во время сессии ЦИК'а Союза в 1924 г., то он увидел, что в комиссии этот вопрос стоял очень серьезно, что комиссия долго его обсуждала и признала тогда уже, осенью 1924 г., ненужным специальное принятие такого рода мер охраны нашего государства, считая, что этот вопрос должен регулироваться иным путем.

Союзный законодатель счел необходимым продолжить традиции, начатые еще Руководящими Началами по уголовному праву 1919 г., и сохранил в Основных Началах ряд декларативных положений.

За XIX век буржуазный законодатель (в отличие от законодательства XVIII и XVII веков) разучился говорить таким языком. Поэтому некоторым криминалистам казались излишними декларативные статьи наших кодексов. Но вот появляется в начале 1925 г. проект Общегерманского Уголовного Кодекса. В нем встречается статья, касающаяся опубликования приговора (§ 19). „Суд может постановить об опубликовании приговора за счет осужденного, дабы удержать его или других от совершения таких же или подобных преступлений.

„Суд может также разрешить потерпевшему, дабы доставить ему удовлетворение, опубликовать приговор за счет осужденного“.

Новшество германского проекта следует объяснить стремлением его сделать язык закона более понятным, более народным. Эта слабая пока попытка во всяком случае лишней раз подтверждает целесообразность нашей законодательной техники.

Вводная статья Основных Начал воспроизводит ст. 5 УК и формулирует задачи уголовного законодательства как „защиту государства трудящихся от общественно-опасных деяний, подрывающих власть трудящихся или нарушающих установленный ею правопорядок. Задача эта осуществляется путем применения к правонарушителям мер социальной защиты...“¹

Таким образом, как и в УК 1922 г., прежде всего выдвигается идея защиты, идея целесообразности, а не идея возмездия. Не довольствуясь выражением этой мысли в вводной статье, Основные Начала подчеркивают ее, кроме того, в ст. 4: „задач возмездия и кары уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик не ставит. Все меры социальной защиты должны быть целесообразны“. Слова „и кары“ были добавлены согласительной комиссией. По словам докладчика Скрыпника, „согласительная комиссия везде, где были еще допущены в проекте выражения: „карается“, „карательный“, „наказание“ — заменила выражением: „применяются меры социальной защиты“,² тем самым окончательно расквитавшись со старой теорией буржуазного уголовного права, ставившего в основу своей уголовной деятельности карательное воздействие на преступника вместо исправительно-трудового воздействия, которое ставится задачей нашего суда, наших мер социальной защиты в наших проектах и в нашем законодательстве“ (600).

Безусловно, наш законодатель всемерно подчеркивает основную тенденцию советского уголовного права, но признать, что в настоящее время нашей уголовной системе совершенно чужд карательный элемент, мы все же не можем, поскольку те же Основные Начала сохраняют в качестве мер социальной защиты — расстрел, конфискацию или объявление врагом трудящихся с лишением гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза навсегда.

¹ См. также ст. 1 Основ Судостроительства Союза ССР и союзных республик: „Задачами суда являются: а) ограждение завоеваний пролетарской революции, рабоче-крестьянской власти и правопорядка, ею установленного; б) защита интересов и прав трудящихся и их объединений...“

² Комиссия все же просмотрела выражение „карательная“ политика в ст. 3, ч. 2.

Такова тенденция законодателя. Но нельзя закрывать глаза на то, что в народной толще жива еще идея мести, возмездия.

Говоря о давности и указывая, что давность в отношении ст. 67 УК до новеллы 10 июля 1923 г. не применялась, и что лица, привлекаемые по этой статье, приговаривались к высшей мере наказания или, в крайнем случае, к строгой изоляции, Винокуров объяснял это тем, что „гнев рабочих и крестьян был слишком велик, чтобы давности можно было покрыть лиц, которые принесли столько страданий рабочему классу“ (182).

Что и сейчас еще эти настроения не изжиты, свидетельствует и прокурор Уг. Касс. Колл. Верховуда РСФСР Н. Нехамкин: „Бывают случаи, — пишет он, — когда суд... мысленно как бы переносится в ту обстановку, в которой происходили события (обстановку гражданской войны), проходящие перед судом. Вполне понятно: незабываемо все то, что было в те годы. И суд совершенно несознательно отдается чувству мести, чувству классовой мести. Это понятно. Но политически это вредно. Суд победившего пролетариата мстить не должен“.¹

Уголовный Кодекс говорил о правовой защите. Основные начала уточняют, говоря о судебно-правовой защите.

Как и действующее право, Основные Начала открыто провозглашают, что советское уголовное законодательство защищает государство трудящихся и установленный властью трудящихся правопорядок.

2. Определение понятия преступления.

Основные начала не дают определения преступления в отдельной статье, подобно УК 1922 г. (ст. 5). Это определение можно извлечь из „вводной“ статьи, говорящей об „общественно-опасных деяниях, подрывающих власть трудящихся или нарушающих установленный ею правопорядок“. Не говорят Основные Начала и о том, что этот порядок установлен „на переходный к коммунистическому строю период времени“. Хотя это и само собой разумеется, но все же не лишне было бы подчеркнуть. Во всяком случае уголовные кодексы могут полностью воспроизвести ст. 6 УК, что и сделано, между прочим, УК РСФСР 1925 г., грузинским УК 1925 г. и УК РСФСР 1926 г. (ст. 6).

УК 1922 г. говорит о всяком общественно-опасном действии или бездействии, как о преступлении. История нашего уголовного права показывает, что это выражение следует понимать ограничительно: преступлением является лишь деяние, предусмотренное уголовным кодексом (с применением аналогии, конечно). Основные Начала предполагают наличие в уголовных кодексах союзных республик особенной части. Ст. 3 говорит о том, что „отдельные виды преступлений определяются законами...“

Правда, на сессии ЦИК'а промелькнула „тьнь прошлого“ в виде выступления Ларина заявившего, что „вместо свода уголовных законов, вместо уголовного кодекса можно иметь только то основное „Положение“, которое мы принимаем, об основах уголовного законодательства“.

¹ Два определения Верховного Суда РСФСР. „Ежен. Сов. Юст.“, 1925 г., № 17.

ства, где сказано вкратце, какие наказания полагаются, а подробности этих наказаний представить судьям на местах". „Не опутывать их,— продолжал Ларин,— целую сетью сотен подобных статей, что за кражу 5 рублей тюрьма на столько-то дней, а предоставить судье судить по его революционному правосознанию в духе общих утвержденных в центре директив" (431).

На предложении Ларина придать Основным Началам характер Руководящих Начал 1919 г. никто во время дискуссии даже не оставался.

Как и УК 1922 г., Основные Начала мыслят особенную часть в связи со статьей об аналогии.

Докладчиком Красиковым было кратко отмечено, что „nulla crimen sine lege" (нет преступления без закона) категорически отмечается как принцип буржуазного законодательства" (193).

Остановился на этом вопросе и докладчик согласительной комиссии Скрыпник. Прочитывая третью часть ст. 3, воспроизводящую ст. 10 УК, он сказал: „Внесением этой статьи в наш Кодекс мы кончаем с тем походом, который буржуазные юристы вели против знаменитой ст. 10 УК. Введением этой статьи мы кончаем с кампанией, которую вели уголовные юристы" (601).

По поводу внесения аналогии в Основные Начала мы писали, что все же признаем за ней не принципиальное, а технико-юридическое значение.¹ В связи с переработкой уголовных кодексов союзных республик нам хотелось бы только отметить, что не следует полагаться на аналогию как на какое-то всеильное средство. Нужно помнить, что аналогия является одним из наиболее тонких приемов толкования закона. Недостатки законодательной техники, на которую у нас, к сожалению, обращают слишком мало внимания, всей тяжестью давят как раз на низшие суды, с наименее подготовленным составом. При отсутствии юридической подготовки наши судьи зачастую просто не умеют пользоваться той же аналогией.² Совершенно правильно отмечает Сольц, что „рабочие-судьи больше интеллигентов смущаются отступать от буквы закона. Не успев изучить эти законы, овладеть ими, они робеют перед буквой, а времени изучать дело нет".³

УК 1922 г. делит преступления на две категории: направленные против основ советского правопорядка или признаваемые советской властью наиболее опасными и все остальные преступления. В первом случае в соответствующих статьях особенной части указывается санкция „не ниже", во втором — „до" (ст. 27).

Проект КК, в связи с общей тенденцией нашего законодательства к смягчению репрессии, наметил другое деление. К первой категории относятся только преступления, направленные против основ совет-

¹ „Общая часть уголовного права РСФСР", 1925, стр. 163.

² Влестькую иллюстрацию этого положения находим в статье народного судьи Н. Панкратьева „О пробелах ст. 182 УК" („Еженед. Сов. Юст.", 1925 г., № 2). Квалифицированные случаи грабежа без насилия следовало бы судить по ст. 10 и 180 п. „б" и т. д., но автор статьи — и практика на местах — даже не ставит вопроса об аналогии.

³ А. Сольц и С. Файнблит, „Революционная законность и наша карательная политика". Сборник докладов и статей. 1925 г., стр. 36.

ского строя. Этот принцип проведен во всех проектах и в Основных Началах — ст. 2.

Таким образом, при предстоящем пересмотре кодексов союзных республик должны быть исключены санкции с минимумом в главах о личных и имущественных преступлениях и значительно сокращено число таких санкций и в других главах Кодекса, за исключением разве контрреволюционных преступлений. На такой путь и стал УК РСФСР 1925 г. и 1926 г.¹

3. Цели, преследуемые мерами социальной защиты.

Принцип целесообразности, провозглашенный еще Руководящими Началами 1919 г., выраженный в ст. 26 УК 1922 г., формулирован в Основных Началах (вторая часть ст. 4). Основные Начала, как и предшествовавшее им уголовное законодательство, подчеркивают, что целесообразность должна сочетаться с гуманностью. Все меры социальной защиты, говорят Основные Начала „не должны иметь целью причинение физических страданий и унижение человеческого достоинства“ (также проект СНК, ст. 4).

Эта редакция имеет и свои недостатки и достоинства по сравнению с УК. Закон говорит о физических страданиях, как будто безразлично относясь к психическим страданиям. Имелось, конечно, в виду, чтобы меры социальной защиты были „лишены мучительства“ (так проект КК, ст. 6). Элемент же „страдания“ присущ всем мерам социальной защиты, применяемым по отношению к вменяемым лицам, хотя бы и в самой слабой форме — „общественного порицания“. Поэтому заслуживает предпочтения редакция УК 1922 г., запрещающего причинять преступнику бесполезные и лишние страдания (такова редакция и проекта КЗП — ст. 7, часть вторая). Ценной является декларация Основных Начал, что меры социальной защиты не должны иметь целью „унижение человеческого достоинства“. Эта формула несколько ранее уже была включена в Исправительно-Трудовой Кодекс РСФСР 1924 г. (ст. 6). В последнем она имеет огромное практическое значение.

В вопросе о целях, преследуемых мерами социальной защиты в отношении вменяемых, играет огромную роль соотношение между общим и специальным предупреждением. (Ясно, что меры социальной защиты по отношению к невменяемым или малолетним и, частично-несовершеннолетним, преследуют задачи специального предупреждения.)

В ст. 8 УК выделен и момент общего предупреждения (равно и в проектах КК и КЗП); в ст. 4, ч. первая Основных Начал, он, конечно, предполагается, но отдельно не выражен. В общем редакция Основных Начал повторяет действующее право.

¹ Грузинский УК за умышленное убийство, как простое, так и квалифицированное, оставил все же санкцию „не ниже“, также при имуществ. преступлениях, совершенных должностными лицами Узбекский УК воспроизводит ст. 2 Основных Начал (ст. 7), но в особенной части не считается с ней совершенно.

О соотношении же общего и специального предупреждения ни действующее право, ни Основные Начала (и проекты) не говорят. Оно, конечно, не имеет безусловного характера, а зависит от совокупности данных исторических условий. На этом соотношении довольно подробно остановился Красиков в своем докладе.

„Из самого определения, что наша карательная политика есть применение мер социальной защиты, ясно,—сказал он,—против кого эти меры социальной защиты нами применяются. Прежде всего самые суровые меры применяются к нашим классовым врагам, окружающим нас и пытающимся сделать в той или другой форме, грубо или тонко ту или другую интервенцию. Как в механике, так и в обществе всякое действие вызывает соответствующее противодействие. Наша карательная политика, ее суровость и вся ее репрессивность всегда прямо пропорциональны тому натиску и тем нападениям, которые мы ощущаем извне и от внутренних контр-революционных сил. По мере ослабления этих сил, по мере ослабления натиска со стороны наших врагов и упорядочения всего нашего общественного хозяйства наша уголовная политика, таким образом, будет все более и более приближаться к мерам воспитательным, к мерам медико-педагогического и исправительного характера. Ясное дело, что эта задача долгая и длительная и не зависит только лишь от нас, а зависит от хода и исхода дальнейшей мировой борьбы, которую мы ведем“ (198).

Правильное положение Красикова не охватывает, однако, вопроса во всем его объеме. Советской России приходится иметь дело с преступностью не только буржуазных элементов, но в значительно большей мере с преступностью трудящихся классов. На этой стороне докладчик совершенно не остановился. Не бесполезно поэтому будет привести те положения, которые выдвинула группа криминалистов-марксистов в своем воззвании об организации Международного Союза советских криминалистов:

„В первый период пролетарской диктатуры меры социальной защиты не могут ограничиваться исключительно осуществлением специального предупреждения, а должны преследовать и общее предупреждение. Последнее имеет значение не только по адресу свергнутой буржуазии (устрашение), но равно и по отношению самих трудящихся (подчеркнуто нами. *М. И.*) в целях укрепления общественно-трудовой дисциплины и солидарности трудящихся и их правового воспитания.

„В дальнейшем в борьбе с преступностью трудящихся на первый план выдвигаются исключительно задачи специального предупреждения.

„Что же касается до преступности представителей буржуазии, совершивших преступления в силу классовой психологии, то общее предупреждение сохраняет и впредь свое значение.

„Меры социальной защиты, рассчитанные как на специальное, так и на общее предупреждение, должны быть целесообразны. Как показал опыт русской пролетарской революции, интенсивность мер социальной защиты тесным образом связана с напряженностью классовой борьбы, и по мере ослабления последней снижается и первая“.¹

¹ Воззвание-декларация. Впервые опубликовано в „Правде“ 7 июля 1925 г. Перепечатано в „Ежен. Сов. Юст.“ 1925 г. № 30.

Понятие социальной опасности преступного деяния и преступника.

1. Социальная опасность деяния.

Руководящие Начала по уголовному праву 1919 г. отказались от понятия „вины“ („наказание не есть возмездие за „вину“, не есть искупление вины“ — ст. 10). Но правильно замечает Е. Пашуканис: не достаточно провозгласить понятие вины и виновности предрассудком, чтобы сразу же на практике перейти к такой карательной политике, которая делала бы эти понятия действительно ненужными („Общая теория права и марксизма“, 1924 г., стр. 156).

УК 1922 г. избегает употребления слов: „вина“, „виновный“. Зато УПК кишит производными от коренного слова „вина“: обвинение, обвиняемый, виновный. О виновных, виновном говорят статьи 105, 202, 204 УПК РСФСР, о явке с повинной ст. 91 и т. п.¹

Можно было бы сказать, что в этих случаях простой редакционный недосмотр, который избегнут, напр., в ст. 320 УПК.

Но именно эти редакционные промахи весьма характерны. Они отражают представления, прочно осевшие если не в области сознания, то, во всяком случае, подсознания.

Противопологая наказание мерам социальной защиты в тесном смысле, УК 1922 г., несомненно, тем самым поддерживал взгляд, что ему не совершенно чуждо понятие вины. Терминология кодекса вызвала в советской литературе не мало довольно-таки схоластических споров и теорий, различающих наказание от мер социальной защиты в тесном смысле, видящих, между прочим, различие в том, что предпосылкой наказания является вина в формальном или материальном смысле, а условием применения мер социальной защиты — опасное состояние личности.

Само по себе слово „вина“ не представлялось бы таким уже страшным. В толковом словаре Даля на первом месте этому слову дается объяснение: „начало, причина, источник, повод, предлог“ и т. п. и только на втором: „провинность, проступок, преступление, прегрешение“ и т. п. Но „вина“ в уголовном праве слишком уже срослась с представлением о классической школе, с представлением о справедливом возмездии, о нравственной оценке деяния, с представлением, наконец, о сухой абстрактной „формальной“ вине, за которой упускалась из виду личность преступника — его „опасное состояние“.

Нельзя поэтому не приветствовать, что Основные Начала не только не знают „вины“, но отказались и от „наказания“. Предпосылкой же применения мер социальной защиты — и только их — является опасное состояние преступника. В зависимости от источника этого состояния

¹ Статьи 106 и 110 УК говорят об „отягчающих вину обстоятельствах“, но именно в отношении УК, в противоположность УПК, можно сказать о допущении чисто редакционной ошибки.

и применяются те или иные меры социальной защиты: судебно-исправительные, медицинские и медико-педагогические.¹

Но не является ли при „опасном состоянии“ излишней особенная часть в уголовных кодексах, с ее перечнем определенных преступных деяний, как это полагает, напр., Пашуканис (указ. сочинение).

К решению этого вопроса необходимо подходить диалектически, не абстрактно.

Понятие „опасного состояния“ в эпоху военного коммунизма имело одно содержание. Социально-опасным могло быть признано судом, руководовавшимся своим революционным правосознанием, не только то или другое деяние, а просто классовая или групповая принадлежность данной личности. Мы этим не хотим сказать, что эпохе военного коммунизма вообще было чуждо представление о „составе“ известных общественно-опасных деяний, считавшихся таковыми со стороны суда. Судебная практика постепенно вырабатывала эти составы, и творцы Уголовного Кодекса 1922 г. создавали особенную часть его, обращаясь именно к практике, а не к западно-европейским кодексам или к русскому дореволюционному праву. Составы эти, порой в довольно непричесанном виде, и перешли на страницы „писанного“ права.

Теория опасного состояния, как она сложилась в эпоху военного коммунизма, не могла не отразиться в Уголовном Кодексе, подвергшись, однако, известным видоизменениям. Так, в смысле признания тех или иных деяний общественно-опасными, т.-е. преступлениями, правотворчеству суда были поставлены известные границы в виде особенной части с ее составами преступных деяний. Но эти границы „прорывались“ статьей 10 — об аналогии, ст. 49 о высылке, статьей 12 о приготовлении в ее новой редакции.

Значительно больший простор предоставлялся теории опасного состояния в области применения наказания и мер социальной защиты: руководящая ст. 9, статьи 24, 36, 28, 15 УК.

Упоминание в Уголовном Кодексе о мерах социальной защиты на ряду с наказанием побудило советских криминалистов, не углубившихся в историю уголовного права первых лет русской революции, проводить параллели с западно-европейским законодательством, видеть сходство в Уголовном Кодексе с буржуазной теорией опасного состояния, теорией, сложившейся в эпоху „мирного“ развития капитализма (до 1914 г.).²

Между тем несравненно плодотворнее искать корни теории опасного состояния действующего советского уголовного права в революционной почве и такой же — в условиях новой экономической политики — революционной подпочве.

На второй сессии XI созыва 16 октября 1924 г. ВЦИК принял отдельное постановление:

„Поручить Президиуму (ВЦИК'а) разобрать вопрос о возможности прекращения дел по незначительным проступкам до судебного разбирательства по мотивам целесообразности“.

¹ В настоящей главе речь идет об опасном состоянии, вызывающем применение мер социальной защиты судебно-исправительного характера.

² Правда, и сами составители Кодекса думали, что они вводят в него понятие „опасного состояния лица“, как оно сложилось в западно-европейской доктрине. См. доклад Черлуначкевича на IV Всер. съезде деятелей советской юстиции (15 и сл.).

Постановление это было вынесено по предложению самой сессии. По словам докладчика Бранденбургского, „практика выявила необходимость обсудить вопрос о возможности прекращения уголовных дел до судебного разбирательства не только по соображениям формального свойства, но и по мотивам целесообразности“ (Стеногр. отчет, стр. 439).

9 февраля 1925 г. Президиум ВЦИК'а дополнил Уголовно-Процессуальный Кодекс знаменательной статьей 4^а и соответствующими статьями 203^а и 222^а. Согласно этой новелле, следователь, прокуратура и суд имеют право отказать в возбуждении уголовного преследования, а равно прекратить производством уголовное дело в тех случаях, когда деяние привлекаемого к уголовной ответственности лица хотя и содержит в себе признаки преступления, предусмотренного Уголовным Кодексом, но не может признаваться общественно-опасным (ст. 6 УК) вследствие своей незначительности, маловажности и ничтожности своих последствий, а равно когда возбуждение уголовного преследования или дальнейшее производство дела представляется явно нецелесообразным.

Размах в новелле, как видим, значительно больший, чем постановление 16 октября 1924 г.

Правда, практика знала и до этого постановления нередкие случаи прекращения комиссиями по разгрузке мест заключения и судов дел отнюдь не маловажных и не с ничтожными последствиями, но здесь мы имеем дело с общей законодательной нормой.

Несмотря, таким образом, на полный состав преступления, данное преступное деяние может быть признано не общественно-опасным, т.-е. не угрожающим основам советского строя и правопорядка (ст. 6 УК). Сама ст. 6 УК, содержащая материальное определение понятия преступления, в связи с новеллой 9 февраля получает новое, более яркое освещение. Материальное определение понятия преступления, даваемое нашим действующим правом, еще более резко противопоставляется формальному определению буржуазного уголовного права (преступлением является деяние, запрещенное во время его учинения законом под страхом наказания).

Для понимания новеллы 9 февраля является весьма ценным Директивное письмо Верховного Суда РСФСР от 14 января 1925 г.¹, вышедшее ранее утверждения постановления от 9 февраля, но имеющее в виду, конечно, эту новеллу (проект ее).

„Если в действиях данного лица, — разъясняет Директивное письмо, — формально и имеются признаки преступления, но по существу эти действия никогда не являлись общественно-опасными, или же, если ко дню разбора дела действия, а также и личность подсудимого более социально-опасными не являются и не влекут за собой никаких общественно-опасных последствий, то суд должен рассмотреть дела в судебном порядке прекратить“.

Как на примеры „формального“ подхода к определению уголовного преступления, Директивное письмо указывает на осуждение одной

¹ „Еженед. Сов. Юст.“, 1925 г., № 6. См. там же статью предс. УКС Верхсуда Челышева „Еще о карательной политике наших судов“.

работницы на год лишения свободы за то, что она оказала сопротивление финангенту, выразившееся в том, что, когда он пришел забрать ее шкаф за неуплату налога в сумме 5 рублей, она ухватилась за него и не дала забрать; или случай осуждения проводника вагона за контрабандный провоз двух пар ботинок, двух вязаных кофт и т. п. для себя, не на продажу, к полутора годам лишения свободы.

„Ясно, — говорит письмо, — что опасность для советского правопорядка от действия осужденных в приведенных примерах настолько ничтожна, что не требует уголовного суда, а в крайнем случае применения дисциплинарного воздействия или административного взыскания“.

Н. Нехамкин приводит в „Ежен. Сов. Юст.“ (№ 17 от 3 мая 1925 г.) два определения Верховного Суда РСФСР, которыми были прекращены одно дело по ст. 64 УК, другое — по ст. ст. 68 и 69 ч. 2, вследствие того, что подсудимые в настоящее время никакой социальной опасности не представляют.

Тщетно стали бы мы искать источники подобной теории опасного состояния личности в западно-европейском законодательстве и литературе. Но если мы обратимся к Руководящим Началам по уголовному праву 1919 г., то мы найдем в них ст. 16, которую далеко не излишне привести полностью:

„С исчезновением условий, в которых определенное деяние или лицо, его совершившее, представлялись опасными для данного строя, совершивший его не подвергается наказанию“.¹

Эта норма является обратной стороной медали: права суда, руководствующегося своим революционным правосознанием, признавать то или другое деяние преступным или не преступным. Она казалась настолько тесно связанной с отсутствием определенных законом составов преступных деяний, что не перешла в Уголовный Кодекс.

Но потребность в этой норме тем не менее остро ощущалась на практике и при господстве писанного права. В общих и частных амнистиях, в деятельности разгрузочных комиссий² проявлялась та же норма Руководящих Начал, сказывалось влияние теории опасного состояния, характерной для эпохи военного коммунизма.

Новелла 9 февраля „узаконила“ наконец эту норму предшествующего исторического периода.

Ни Основные Начала, ни Основы уголовного судопроизводства не содержат нормы, подобной ст. 4^a УПК. Но этот пробел является чисто случайным. Практика (по крайней мере в РСФСР) шла по линии этой будущей новеллы. Не будь так короток промежуток между принятием ВЦИК'ом постановления от 16 октября (в это время проекты Основных Начал и т. д. были уже разработаны союзным СНК) и сессией ЦИК'а

¹ Проект УК 1920 г., составленный комиссией общеконсультационного отдела НКЮ (опубл. в „Материалах НКЮ“, вып. VII, 1920 г.), вообще чрезвычайно ярко отразивший уголовное право эпохи военного коммунизма, говорит в соответствующей (6) статье: необходимость наказания отпадает с устранением опасности для общества со стороны правонарушителя, будет ли это вызвано изменением уклада общественных отношений, истечением времени или фактическим изменением настроения правонарушителя.

² См. сборник Сольца и Файнблита.

Союза, на которой обсуждались Основные Начала и Основы, мы убеждены — ст. 6 Основ уголовного судопроизводства Союза и союзных республик пополнилась бы соответствующим пунктом. Но мы не сомневаемся и в том, что в основных своих чертах новелла 9 февраля должна получить союзную санкцию.

Объяснительная записка к проекту УК 1925 г. выражала сожаление, что новелла 9 февраля не нашла своего отражения в общей части проекта, и говорила, что соответствующее дополнение будет представлено на обсуждение непосредственно сессии ВЦИК'а.

Но этого не последовало. И когда один делегат остановился вскользь на ст. 4 а УПК, то Крыленко с места подал реплику: „Мы ее выкинем“ (392).

Применение ст. 4 а УПК на практике поставило ряд вопросов: о желательном объеме этого применения, об инстанциях, должностных прекращать дела по этой статье, и т. п. На страницах „Ежен. Сов. Юстиции“ возникла целая дискуссия по этому поводу.¹ На апрельской сессии ЦИК'а Союза вопрос о ст. 4 а УПК не был затронут.

Но в УК РСФСР 1926 г. мысль, заключающаяся в ст. 4 а УПК, получила более отчетливое выражение. Учтя опыт более чем годичного применения ст. 4 а, пленум Верховного Суда РСФСР формулировал „то, что было здорового в применении ст. 4 а УПК“, в двух статьях, которые и предложил президиуму ВЦИК'а включить в УК 1925 г. (Постановление пленума Верховного Суда от 28 июня 1926 г.; напечатано в „Ежен. Сов. Юстиции“ 1926 г., № 29).

В УК 1926 г. эти статьи составили примечание к ст. 6 и ст. 8.

Прим. к ст. 6 указывает, что „не является преступлением действие, которое хотя формально и подпадает под признаки какой-либо статьи Особенной части настоящего Кодекса, но в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий лишено характера общественно опасного“.²

Если для применения этой нормы решающим является отсутствие социальной опасности с точки зрения самого деяния (и — косвенно — деятеля), то ст. 8 подчеркивает другие моменты, которые указывались ст. 16-й Руководящих Начал 1919 г.

„Если конкретное действие, — говорит ст. 8, — являвшееся в момент совершения его согласно ст. 6 настоящего Кодекса преступлением, к моменту расследования его или рассмотрения в суде потеряло характер общественно-опасного вследствие ли изменения уголовного закона, или в силу одного факта изменившейся социально-политической обстановки, или если лицо, его совершившее, по мнению суда, к указанному моменту не может быть признано общественно-опасным, действие

¹ Галкин. „Прекращение уголовных дел в кассационных инстанциях“ (1925 г., № 48/49); Кронберг, „Вперед или назад“ (1926 г., № 7); Крыленко „Пределы применения ст. 4-а УПК“ (там же, № 8) и др. См. также „Итоговую сводку материалов с мест по применению ст. 4-а УПК“ (там же, № 10).

Теоретическое освещение вопроса дано Гродзинским: „Начало целесообразности в обвинении“. („Вест. Сов. Юст.“, 1925 г., № 6.)

² В постановлении Верховного Суда от 28 июня 1926 г. разъяснялось, что ст. 4 а УПК не должна применяться к делам частного обвинения. Это разъяснение стало в настоящее время законом. (См. постановление президиума ВЦИК'а и СНК РСФСР о внесении изменений в УПК РСФСР от 22 ноября 1926 г., опубликованное в „Известиях“ от 22 декабря 1926 г.)

это не влечет применения меры социальной защиты к совершившему его“.

Не трудно усмотреть, что ст. 8 существенно смягчает строго формальные давностные сроки. (О противоречии прим. ст. 6 и ст. 8 со статьей 35 Основных Начал см. главу двенадцатую.)

2. Социальная опасность деятеля.

(Ст. 22).

УК 1922 г. говорит (ст. 5) о защите государства трудящихся не только от общественно-опасных деяний, но и от общественно-опасных элементов. Проекты Основных Начал в редакции КК и КЗП говорили об „общественно-опасных лицах“. Проект Основных Начал в редакции СНК сознательно не упоминает в соответствующей статье ни об „элементах“, ни о „лицах“. Докладчик на сессии ЦИК'а Красиков кратко указал, что в вводной статье ударение поставлено на деянии, т.-е. проведена та же точка зрения, что и во всем проекте: меры защиты принимаются не против отдельных лиц, а против опасных деяний (193).¹

Но, к сожалению, вопреки заверению докладчика, подобная точка зрения не проведена ни в проекте СНК, ни в Основных Началах, и последним отнюдь не чуждо понятие так называемой уголовной неблагонадежности.

В УК 1922 г. вопрос о последней ставился в связи со ст. 49. Редакция этой статьи возбуждала и в литературе и на практике сомнения, но затем практика установила возможность высылки и при оправдательном приговоре, но вместе с тем требовалось привлечение в качестве обвиняемого по определенной статье Особенной части.

Проект КК стал на последнюю точку зрения, допуская удаление лиц, признанных социально-опасными по своей преступной деятельности или по связи с преступной средой в данной местности, „и в том случае, если суд оправдает их в том преступлении, по которому они привлекались в качестве обвиняемых“.

Проект КЗП пошел значительно дальше. Согласно проекту, данная мера социальной защиты может применяться к этой категории лиц „независимо от привлечения их к судебной ответственности за совершение определенного преступления“. Проект СНК воспроизвел формулу КЗП, дополнив ее указанием, что данная мера социальной защиты может применяться судом „по предложению прокуратуры“.

Сессия ЦИК'а не внесла в проект СНК никаких изменений.

В печати, насколько нам известно, не имеется данных, как часто применяется ст. 49 вообще и в случаях оправдательных приговоров — в частности.

Интересно было бы также знать, насколько часто применялась судом ст. 12 УК о приготовлении в редакции, принятой 2-й сессией

¹ Через четыре страницы мы читаем у того же докладчика: „Из самого определения, что наша уголовная политика есть применение мер социальной защиты, ясно, против кого эти меры социальной защиты нами применяются. Прежде всего самые суровые меры применяются к нашим классовым врагам и т. д.“ (стр. 197).

ВЦИК'а X созыва (10 июля 1923 г.). Редакция статьи о приготовлении в проекте КК возвращается скорее к первоначальному тексту ст. 12 УК: „приготовление к преступлению является основанием для применения мер социальной защиты в случаях, особо указанных уголовным кодексом союзных республик“ (ст. 14). Проект КЗП еще более уточнил эту мысль, говоря о случаях, „указанных в Особенной части уголовных кодексов союзных республик“ (ст. 15).

Проект СНК в вопросе о приготовлении (в связи с этим и о покушении) стал на совершенно новую точку зрения. „Говоря о стадии совершения преступления, — заявил докладчик Красиков, — проект ставится на некоторую новую точку зрения, где все эти стадии представляется определить самому суду мерою приближения к совершению преступления. Таким образом, теоретические дебаты и споры о преступлении и его стадиях отходят на задний план, и суду уже представляется считаться при выборе именно со степенью осуществления преступления и со степенью участия в преступлении“ (194).

Ст. 11 Основных Начал, имеющая в виду и приготовительную деятельность, дает суду несравненно больший простор, чем ныне действующая ст. 12 УК. Суд может по поводу приготовительных действий принимать все меры социальной защиты, значение учета социальной опасности „элементов“, „лиц“, а не „деяний“, несомненно, усиливается.¹

Повторяем, при отсутствии статистических данных трудно судить, насколько судебная практика действительно нуждается в понятии уголовной неблагонадежности. Но думаем, что сильное движение в Союз к насаждению революционной законности не особенно гармонирует с этим понятием.

Основные начала допускают по отношению к оправданным, но тем не менее социально-опасным личностям меру социальной защиты в виде высылки или ссылки (ст. 22). Но законодательство союзных республик, по нашему мнению, не является связанным в этом отношении. Почему оно не может предоставить суду применение к подобным общественно-опасным элементам таких мер, как запрещение занятия той или иной должности или занятия той или иной деятельностью или промыслом (Осн. Нач., ст. 13 п. „и“)? И чем эти меры социальной защиты по существу различны от поражения прав (ст. 13 п. „д“)?

Словом, идя последовательно, можно притти к отрицанию Особенной части, к принятию предложения Ларина, заявившего, как уже было отмечено, при обсуждении Основных Начал, что „вместо свода уголовных законов, вместо уголовного кодекса можно иметь только то основное „Положение“, которое мы здесь принимаем, об основах уголовного законодательства, где сказано вкратце, какие наказания полагаются, а подробности применения этих наказаний предоставить отдельным судьям на местах“ (431).

Любое положение уголовного права всегда должно расцениваться с точки зрения его целесообразности в данных исторических условиях.

¹ С точки зрения интересов общего предупреждения мы считаем более целесообразным образование из подготовительных действий к наиболее опасным преступлениям самостоятельных деликтов. Так поступает и действующее право, напр., в области контр-революционных преступлений.

В эпоху военного коммунизма можно было прекрасно обходиться без Особенной части. Уголовный Кодекс 1922 г. немислим без нее. Нельзя выбросить ее и в 1925 г. Это настолько очевидно для нашего законодателя, что на сессии ЦИК'а никто даже не счел нужным отвечать Ларину.

Но зато 1925 г. ввел в систему писанного права норму: не всякое формальное нарушение уголовного закона представляет общественную опасность. Каковы же социальные корни новеллы 9 февраля?

Со времени издания УК советский правопорядок укрепился в достаточной мере. Под него подведен уже основательный экономический базис. Советская власть в значительной мере добилась от граждан должного представления о желательном в смысле ее правопорядка поведении. С каждым годом и месяцем усиливается мотивационное воздействие мер не уголовно-репрессивного характера, а таких, как школа, печать, ликвидация общей и политической неграмотности, профсоюзная дисциплина. Вырастают десятки миллионов юных граждан, не знавших иной власти, кроме советской.

При таких условиях, следуя принципу экономии уголовно-правовых мер воздействия, советская власть может смело выдвинуть новеллу 9 февраля 1926 г. (теперь: прим. к ст. 6 и ст. 8 УК РСФСР 1926 г.) и применять ее там, где, с одной стороны, это целесообразно по соображениям специального предупреждения, и где это не противоречит задачам общего предупреждения в условиях данного времени. Так, было бы неправильным применение ст. 4^а в условиях 1925 г. по отношению к растратам профсоюзных, кооперативных и т. п. средств. Но как только растраты (не без влияния и уголовной репрессии) из массовых станут единичными, применение к ним в соответствующих случаях статей 6 прим. и 8 станет целесообразным.

Является ли необходимым для настоящего времени расширять понятие социальной опасности до уголовной неблагонадежности? Мы не видим, чтобы были представлены соответствующие доказательства как теоретического, так и практического характера. Наоборот, колебания проектов Основных Начал в этом вопросе, как мы видели, были довольно значительны.

Но это вовсе не означает, что мы хотели бы понятию социальной опасности, его содержанию в условиях 1925—1926 года придать вечный, неизменный характер. Нельзя забывать, что мы еще живем в условиях капиталистического окружения и что наша внешняя безопасность, — а с нею связана и внутренняя, — может быть всегда нарушена. Тогда вполне мыслимо возвращение в области уголовного права, более или менее полное, к понятию опасного состояния эпохи военного коммунизма.

По мере же дальнейшего, не нарушаемого извне, развития советского государства, по мере уменьшения потребности в общем предупреждении, вполне мыслимо все большее и большее значение специального предупреждения и тем все более возрастающая „эмансипация“ от Особенной части, как таковой.

Проект УК 1925 г. в ст. 18 предоставлял суду право при недоказанности обвинения все же применять к лицам, признанным судом социально-опасными по их прошлой деятельности или по связи с преступной средой, меры на срок не свыше трех лет в виде поражения политических и отдельных гражданских прав, удаления из пределов

РСФСР или отдельной местности, увольнения от должности, запрещения занятия той или иной деятельностью и предостережения.

Расширение, по сравнению с Основными Началами, весьма значительное. Там говорилось о преступной деятельности, здесь говорится о „прошлой деятельности“ вообще. В арсенал репрессивных мер, которые суд может применить по отношению к лицам, оправданным им же самим по обвинению в определенном деянии, вошли почти все меры, предусмотренные Кодексом. Отсутствуют расстрел, конфискация, изгнание и лишение свободы. При полной неопределенности понятия „прошлой“ деятельности, по поводу незначительного обвинения гражданина (оправданный) рискует быть лишенным политических или гражданских прав по суду.

Ст. 36 ч. 1 проекта дополняла ст. 18. Она предоставляла суду право применять удаление из пределов Союза ССР или из пределов РСФСР, или за пределы отдельной местности, с обязательным поселением в иных местностях или с запрещением проживать в отдельных местностях или без такового — все на срок не более 5 лет — „в отношении привлеченных по делу лиц также и в случаях недоказанности предъявленных им обвинений, если суд признает, что по своей прошлой деятельности или связи с преступной средой оставление этих лиц в данной местности является общественно-опасным“.

Ст. 36, ч. 2, гласила следующим образом: „Обвинение в общественно-опасном состоянии может быть возбуждено прокуратурой в отношении таких лиц самостоятельно (следовало бы сказать, как в Основных Началах: независимо от привлечения их к судебной ответственности за совершение определенного преступления. М. И.) и подлежит рассмотрению судом в особом, Уголовно-Процессуальном Кодексом определенном, порядке“.

В своем докладе Крыленко подчеркивал, что статьи 18 и 36 Проекта „отражают основные идеи, на которых построен весь проект“, и что эти статьи являются лишь развитием ст. 22 Основных Начал (348).

Против статей 18 и 36 резко выступил на сессии Рязанов, высказывая опасения, что при малокультурности судей подобные нормы могут обрушиться на всю массу рабочих и крестьян (384). В своем заключительном слове Крыленко указывал, что и сейчас у нас имеется высылка в административном порядке, без конкретного рассмотрения дела по существу, при наличии двух-трех приводов, а не только двух краж.

„Когда мы ставим вопрос о введении судебного порядка, что это значит?“ — спрашивает Крыленко и отвечает: „Это значит, мы хотим, чтобы этого человека хотя бы посмотрели тот судья и два народных заседателя, которые будут решать вопрос о его высылке. Это есть не насаждение произвола, а борьба против произвола“ (407).

Докладывая о результатах работы комиссии по Уголовному Кодексу, Крыленко указал, что комиссия первоначально стала на точку зрения проекта. „Однако затем, по заявлению группы товарищей, потребовалось пересмотреть этот вопрос в виду чрезвычайной важности его. Комиссия в окончательном своем выводе решила, что предоставление такого права всем народным судам было бы неосторожным при слабости нашего судебного аппарата и при трудности установить правильные формы применения этого широкого права“. Но так как в ст. 22 Основных Начал говорится о том, что суды „могут“, а не о том, что они „должны“ пользоваться этим правом, то комиссия постановила исключить статьи 18 и 36 (по тем же соображениям) и войти в порядке законодательной инициативы в ЦИК Союза ССР об исключении ст. 22 Основных Начал (582 и сл.). Но в постановлении ВЦИК'а по докладу о проекте новой редакции УК РСФСР (от 24 октября 1925 г.) в п. 5 ничего не говорится о ст. 22 Основных Начал.

Грузинский Кодекс указывает в ст. 7, что „порядок и случаи, в коих суд в праве применить к отдельным лицам, признанным им общественно-опасными, меры социальной защиты, если этими лицами не совершены действия, предусмотренные Уголовным Кодексом, определяются законом“. Кроме того, ст. 18¹ и ст. 34 содержат те же нормы, что и статьи 18 и 36 ч. 1 проекта УК РСФСР 1925 г.

Остается неясным (при отсутствии других материалов, кроме текста УК), являются ли ст.ст. 18¹ и 34 тем „законом“, о котором говорится в ст. 7, или же должен быть издан особый закон, своего рода Кодекс не только „без вины и наказания“, но и без „преступлений“.

Белорусский проект, насколько можно судить по докладу о нем, предусматривает высылку при оправдании, равно возможна она (по суду) по ходатайству прокурора без привлечения к уголовной ответственности.

Украинский проект тоже говорит только о высылке в таких же случаях, как и Белорусский проект. Узбекский УК повторяет в ст. 38 Основные Начала.

К сожалению, на апрельской сессии ЦИК'а Союза вопрос об уголовной неблагонадежности не был совершенно затронут.

УК РСФСР 1926 г. разрешает суду применять высылку и ссылку — до 5 лет— „в отношении тех совершивших преступление лиц, оставление коих в данной местности признается судом общественно-опасным (ст. 35). Ссылка может применяться лишь при преступлениях, точно указанных в ст. 36 УК.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Понятие о невменяемости. Вопрос об уменьшенной вменяемости.

(Статьи 7, 15, 29.)

Как и все проекты, начиная с КК, Основные Начала выделяют среди мер социальной защиты — меры социальной защиты медицинского характера. Последние применяются, согласно ст. 7, по отношению к лицам, совершившим преступление в состоянии невменяемости или впадшим в таковое состояние в стадии уголовного процесса или исполнения приговора.

Определение невменяемости Основные Начала заимствуют из УК (ст. 17), внося известное редакционное улучшение. Основные Начала исключают вменяемость не только тогда, когда лицо не могло давать себе отчета в своих действиях вследствие хронической душевной болезни, временного расстройства душевной деятельности или (вообще) болезненного состояния, но и тогда, когда оно вследствие этих же причин не могло руководить своими действиями. УК не упоминал об этом исключаящем вменяемость условии.¹ Тем не менее, в русской правовой литературе понятие невменяемости без всяких колебаний дополнялось и этим признаком.²

Согласно УК 1922 г. меры социальной защиты, применяемые в отношении невменяемых, заключались: 1) в помещении в учреждения для умственно-или морально-дефективных и 2) в принудительном лечении (ст. 46 пп. „а“

¹ В ст. 148 УК (содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица заведомо невменяемого) состояние невменяемости определялось как „неспособность понимать свойство или значение совершаемого или руководить своими поступками“. Эта статья воспроизводит ст. 463 Уголовного Уложения 1903 г. Но в последнем такая же формула невменяемости содержалась и в общей части (ст. 39).

² Так, Ж и жиленко, в комментарии „Право и Жизнь“, Паше-Озерский, в комм. Канарского, Пионтовский УК, стр. 127.

и „б“). Эти меры применялись в том случае, когда суд признавал опасным пребывание лица на свободе (ст. 47).

Основные Начала к мерам социальной защиты относят: принудительное лечение и помещение в медико-изоляционные учреждения (ст. 15). В отличие от УК 1922 г. Основные Начала не ставят условием применения этих мер опасности пребывания данного лица на свободе. Редакция Основных Начал представляется более правильной. По своему существу меры социальной защиты медицинского характера могут и должны быть применяемы во всех случаях, когда состояние лица требует соответствующего лечения. Методы же последнего отнюдь не связаны с обязательным помещением психически больного в какое-либо медико-изоляционное учреждение. Современная психиатрия допускает лечение и на дому с отдачей больного под наблюдение родственников или близких лиц. Поэтому важно указать в законе лишь на начало принудительного лечения. Методы его устанавливаются медициной и видоизменяются в связи с развитием и успехами последней.

В отечественной литературе в достаточной мере указывалось на пробел нашего законодательства, совершенно оставляющего открытым вопрос о т. н. уменьшенной вменяемости.¹

Ни проекты, ни Основные Начала не остановили своего внимания на этом вопросе. Исправительно-Трудовой Кодекс РСФСР 1924 г. учитывает, видимо, это состояние. Так, в ст. 46 он содержит примерный перечень учреждений мер социальной защиты медицинского характера и упоминает, между прочим, колонии для психически неуравновешенных.

Совершенно правильно И.-Т. Кодекс устанавливает (ст. 195), что порядок применения медико-санитарных мероприятий в местах заключения и надзор за ними регулируются соглашением Наркомздрава с главным управлением местами заключения. Но принципиальные положения о необходимости особого режима для уменьшенно-вменяемых заключенных все же должны бы получить законодательную санкцию и, предпочтительнее, в общесоюзном порядке. Так поступили, напр., общегерманские „Основные Начала о порядке отбывания лишения свободы“ 1923 г.

Руководители советской пенитенциарии прекрасно уясняют себе все значение учреждений медицинского характера и видят в развитии их углубление пенитенциарной системы. „Как жизненный опыт, — говорит Е. Г. Ширвиндт, — так и наука давно уже установили, что среди заключенных имеется значительный процент дегенератов, лиц психически-ненормальных и больных самых разнообразных категорий“.² Особенное внимание, как подчеркивает Ширвиндт, следует обратить на заключенных психопатического типа, на которых администрация мест заключения часто смотрит как на здоровых.

УК 1922 г. оставляет открытым вопрос о возможности применения принудительного лечения к лицам душевно-здоровым, но представляющим социальную опасность вследствие, напр., венерической болезни. Можно ли применить в данном случае принудительное лечение хотя бы

¹ См. обстоятельную статью проф. Жижиленко „Спорные вопросы уменьшенной вменяемости в Уголовном Кодексе РСФСР“. „Право и Жизнь“, 1924 г., № 7/8.

² „Наше исправительно-трудовое законодательство“. 1925 г., стр. 60.

к осужденным за половые преступления? Можно ли применять к алкоголикам, морфинистам и т. п. принудительное лечение в дополнение или взамен наказания (ст. 46, а также ст. 50 УК)? Вопрос в нашей литературе, комментирующей действующее право, спорный.

Основные Начала не внесли, к сожалению, достаточной ясности в этот вопрос. Как и проекты, они указывают, что меры социальной защиты медицинского характера (равно как и медико-педагогического), если таковые не были применены соответствующими органами до судебного разбирательства, могут быть применены судом в случае, если он признает не соответствующим данному случаю применение мер социальной защиты судебно-исправительного характера (ст. 29).

Поскольку мы будем придерживаться буквального толкования Основных Начал (ст. 7) и будем считать, что меры социальной защиты медицинского характера могут быть применяемы лишь в отношении невменяемых — ст. 29 получит скорее процессуальное, чем материальное значение. Но такое толкование противоречило бы общему духу Основных Начал, идее целесообразности мер социальной защиты вообще.¹ Несмотря, далее, на то, что норма, предоставляющая законодательству союзных республик устанавливать „и иные меры социальной защиты“, помещена в качестве прим. 1 к ст. 13 Основных Начал, содержащей перечень мер социальной защиты судебно-исправительного характера, нет никаких сомнений, что такое же право должно быть признано за союзными республиками и в отношении мер медицинского характера (равно и медико-педагогического).² Именно в этой области союзному законодателю менее всего чуждо стремление связать инициативу отдельных республик. При пересмотре последними уголовных кодексов следует, во всяком случае, разрешить вопросы как об уменьшенной вменяемости, так и о применении в известных случаях принудительного лечения и к вполне вменяемым преступникам.

УК во второй части ст. 17 говорил, что действие ст. 17 (первой части ее) не распространяется на лиц, которые привели себя в состояние опьянения для совершения преступления.

Ни проекты, ни Основные Начала нормы, которая соответствовала бы второй части ст. 17 УК, не содержат. Вместе с тем известные указания по этому вопросу кодексы союзных республик должны дать.

Господствующее мнение (Жижиленко, Пионтковский, Немировский) считает, что вторая часть ст. 17 имеет в виду те случаи, когда приведение себя в состояние опьянения было сделано именно с целью совершения преступления и притом было совершено именно то преступление, которое было задумано.³ Но, как правильно указывал еще Таганцев, даже и при злонамеренном опьянении, достиг-

¹ Трахтерев в статье „Уменьшенная вменяемость в советском уголовном праве“ („Право и Жизнь“, 1925, № 9/10) тоже считает, что ст. 29 расширяет область применения медицинских м. с. з. за пределы, ограниченные ст. 7 Основных Начал.

² Проект КК в ст. 20 имел в виду меры социальной защиты любого характера.

³ Иной взгляд высказывает Паше-Озерский (комм. Канарского). Он полагает, что преступник отвечает, хотя бы в действительности он совершил иное преступление, нежели им было задумано.

Такое — буквальное — толкование ст. 17 привело бы к тому, что тот, кто решится на кражу, но, выпив для храбрости и приия в состояние полного опьянения, совершит убийство, должен отвечать за умышленное убийство.

шем полного развития, учиненное, по общему правилу, не может быть вменяемо, так как разве в исключительных случаях можно утверждать, что выполненное есть действительно осуществление задуманного, что между ними существует причинное соотношение.¹

Иное дело — сознательное приведение себя в состояние опьянения при деликтах бездействия (нарушение повелительных норм) или при непредотвращении результата — содеяние посредством упущения. Но здесь важно вообще приведение себя в бессознательное состояние, умышленно или неосторожно, безотносительно каким путем. Школьные примеры: сторож ложится спать с целью оказать этим содействие вору. Все это случаи, известные в теории уголовного права под техническим названием „*actiones liberae in causa*“, т.-е. случаи, когда „бессознательное состояние представляется одним из звеньев причинности, приведенной в движение в состоянии вменяемости“ (Немировский).

Таким образом, случаи полного опьянения должны разрешаться на основе общего учения об умысле и неосторожности, обнимающего и момент предвидения способа выполнения преступного деяния, и не нуждаются в особой законодательной нормировке. Такова точка зрения и новейшего западно-европейского законодательства.

При неполном опьянении, в зависимости от степени его, мы можем иметь дело с уменьшенной вменяемостью. В этих случаях действительно необходима законодательная оговорка, что подобное состояние, вызванное сознательным опьянением, не освобождает от ответственности. Поскольку такой преступник окажется вообще склонным к злоупотреблению алкоголем или другими наркотиками, необходимо наряду с мерами социальной защиты исправительно-трудового характера применять и меры социальной защиты медицинского характера. В остальных случаях достаточно одних репрессивных мер социальной защиты.

Может быть сделано возражение: с точки зрения общего предупреждения из-под действия формулы о невменяемости необходимо сделать исключение для случаев состояния полного опьянения.

Но, прежде всего, это состояние может вызвать — при склонности данного лица к алкоголизму — применение мер социальной защиты медицинского характера. Затем законодатель должен в борьбе с алкоголизмом установить ряд уголовно-правовых норм. Германский проект 1925 г., напр., предусматривает, как самостоятельный деликт, караемый денежным штрафом или тюрьмой до 2 лет, умышленное или неосторожное опьянение, приведшее в состояние невменяемости, в котором виновный учинил какое-либо преступное деяние (§ 335). Вполне уместны, далее, такие меры социальной защиты, как запрещение посещать пивные и т. п., подкрепляемое санкцией репрессивного характера. Необходимо установить уголовную ответственность за отпуск спиртных напитков лицам, находящимся уже в состоянии опьянения, и т. п.

Такой путь уголовно-правовой борьбы с алкоголизмом несравненно целесообразнее, чем установление в законе фикции, по которой невменяемый пьяный признается вменяемым во имя общего предупреждения.²

¹ Таганцев. Лекции. 1902. Т. I, стр. 466.

² В 1848 г. в сенате разбиралось дело сотника Яковлева. Яковлев страдал периодическим запоем и галлюцинациями. По этому делу министр юстиции признавал,

К сожалению, как мы видим, эти вопросы — чрезвычайно важного практического значения — Основными Началами совершенно не затронуты и при пересмотре уголовных кодексов могут не привлечь должного внимания к себе.

УК РСФСР 1925 г. и 1926 г. воспроизвел в ст. 11 формулу неаменяемости, даваемую Основными Началами в ст. 7, но прибавил примечание, согласно которому действие ст. 10 не распространяется на лиц, „совершивших преступление в состоянии опьянения“. Узбекский УК говорит о лицах, „которые привели себя в состояние опьянения для совершения преступления“ (ст. 16).

Ст. 29 Основных Начал повторена УК РСФСР 1926 г. (ст. 26), но с той разницей, что меры медико-педагогические могут применяться „и в дополнение к судебной-исправительным мерам“.

Грузинский УК к формуле неаменяемости Основных Начал прибавил „примечание“ в том виде, как оно имеется в ст. 17 УК 1922 г., но ст. 29 Основных Начал он не считал почему-то нужным перенести в свою общую часть и таким образом значительно сузил область применения мер медицинского характера по сравнению с УК РСФСР 1926 г. и с Украинским проектом. Последний не принял только теоретически, по его мнению, не оправдываемого „дополнения“ УК РСФСР.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Умысел и неосторожность.

(Ст. 6.)

I.

„Уверенность юристов в том, — иронически замечает И. Д. Ильинский, — что движения человеческой души поддаются точнейшему законодательному учету, подчеркивается еще дроблением умысла на виды, при чем в толкованиях легальных и доктринальных это дробление проводится с изысканной тонкостью“. Ссылаясь далее на две-три новейших работы по психофизиологии, Ильинский замечает, что на фоне их „глубокомысленные рассуждения криминалистов о прямом и эвентуальном умысле производят несколько комическое впечатление“. ¹

Нашего законодателя трудно заподозреть в желании взять на точнейший учет движения человеческой души — и тем не менее он дал в Основных Началах (ст. 6) определение умысла (прямого и даже эвентуального!) и неосторожности. Определение это воспроизводит полностью ст. 11 УК РСФСР 1922 г., включая один новый признак, на котором остановимся ниже.

Правильно ли поступил Союзный ЦИК, или понятия умысла и неосторожности должны составить предмет глубокомысленных рассуждений теоретиков-криминалистов?

что обвиняемый в сущности страдал психическим расстройством, но что подведение его под это состояние было бы опасно „в виду народной нравственности, правосудия и общественной безопасности“. С этим мнением согласился и государственный совет. (Таганцев. Лекции, т. I, стр. 468).

¹ „Введение в изучение советского права“. Ч. I. „Индивидуализм в буржуазной юриспруденции“. 1925 г., стр. 96.

На протяжении XIX в. классическая школа уголовного права не мало поработала над отдельными понятиями общей части, впадая порой (упрек относится, главным образом, к теоретикам середины века) даже в некоторую схоластику. Но упорный труд юридической мысли помог законодателю все более и более сжато формулировать положения, которые являются не чем иным, как отражением действительности и служат чисто практическим потребностям.

При современном состоянии человеческой культуры найдется сравнительно немного первобытных племен, которые не отличают умышленных деяний от неосторожных или от случайных. Громадное же большинство человечества не только различает их, но и не одинаково расценивает степень их социальной опасности. Не нужно быть юристом, чтобы понимать, что одно дело случайное лишение жизни, напр., охотником, который и не мог предполагать, чтобы в лесу находился человек, другое — лишение жизни по неосторожности (неумелое обращение с оружием). Наконец, значительно больше усиливается социальная опасность умышленного убийцы. И здравый смысл, а не какая-либо теория подскажет, что социальная опасность будет одинакова, — если не больше, — когда убийца желал смерти своего ближнего, как и тогда, когда, имея намерение сжечь дом, он с полным равнодушием относился к тому, что там находятся люди, которые могут погибнуть.

Последние же случаи и составляют область т. н. непрямого или эвентуального умысла.

Блестящим доказательством того, что эвентуальный умысел не является схоластическим измышлением, служит ст. 57 УК в редакции, принятой ВЦИК'ом 10 июля 1923 г. Понятие контр-революционного действия формулировано так, что им обнимаются и случаи эвентуального умысла, ранее не охватываемые ст. 57. Чем было вызвано изменение редакции? Период непосредственных, прямых атак на советскую власть миновал, но зато увеличилась опасность подкопов под нее „тихой сапой“. Изменение потребовалось „для эластичности нашей карательной политики и для борьбы со скрытыми формами контр-революционной деятельности, которые до известной степени преобладают“ (из доклада Н. В. Крыленко на 2-й сессии X созыва).

Руководящие начала 1919 г., хотя и не давали определения умысла и неосторожности, но исходили из них, предписывая при назначении наказания различать, между прочим, обнаружено ли совершающим деяние заранее обдуманное намерение... или деяние совершено в запальчивости..., по легкомыслию или небрежности (ст. 17).

В первой редакции проекта УК (осень 1921 г.) Наркомюст не внес в первую часть определения умысла и неосторожности, но во вторую редакцию, под влиянием комиссии, избранной IV Всеросс. съездом деятелей советской юстиции для рассмотрения проекта, он внес определение (в общем заимствованное из проекта общей части УК Института советского права) умысла и неосторожности, перешедшее и в Уголовный Кодекс 1922 г.

Постановления нашего права об умсле и неосторожности на практике не встретили никаких затруднений и в литературе заслужили

безусловное одобрение.¹ Основные Начала сохранили формулировку уголовных кодексов (ст. 6).

Но, как уже выше было указано, Основные Начала внесли в определение умысла дополнительный признак. Дополнение это имело уже в проекте КК (ст. 8) и содержалось во всех остальных проектах. Для умысла согласно ст. 6 требуется, чтобы преступник предвидел не просто последствия своих действий, но общественно-опасный характер их последствий.

Докладчики на сессии ЦИК'а совершенно не останавливались на выяснении этого дополнительного признака.

Возникает весьма серьезный вопрос, какое содержание вложено законодателем в слова: „предвидение общественно-опасного характера последствий своего действия“? Выражают ли они мысль, что отныне необходимой составной частью умысла является т. н. „сознание противоправности“, и, если это так, что следует понимать с точки зрения советского права под „сознанием противоправности“?

Является ли это понятие тождественным с понятием „запрещенности под страхом уголовной угрозы“ (сознание наказуемости), или „противозаконности“ в смысле противоречия писанному праву, или же, наконец, сознание общественной опасности своих действий является еще более широким, охватывая явления советского правопорядка в целом, выходя за рамки писаного права?

II.

У нас стало истиной, юридической поговоркой — правило: „неведением закона никто не может отговариваться“. Очень немногие, однако, знают, что эта „поговорка“ содержалась в Основных государственных законах Российской Империи (Свод законов, т. I, ч. I, ст. 95).² Еще менее известно, что источником этой статьи является законодательство Петра. В введении к уставу воинскому 1716 г. читаем: „... ибо беспорядочный, варварский обычай (отсутствие устава. *М. И.*) смеху есть достойный и никакого добра из оного ожидать возможно. Того ради за благо изобрели сию книгу Воинский Устав учинить, дабы всякий чин знал свою должность и обязан был своим званием и неведением не отговаривался“. В введении же к артикулу воинскому (составная часть воинского устава) говорилось: „И дабы неведением никто не отговаривался, надлежит сей Артикул на смотрах, а особливо при всяком полку по единожды читать в неделю, чтобы всякий своего стыда, наказания и бесчестия удалялся и бегал, против того же (наоборот) о благодеянии, храбрости и повышении прилежание имел“.

Правители, распоряжавшиеся Россией после Петра, „дубинку“ его сумели использовать во-всю, о правовом же просвещении масс много им заботиться, конечно, не приходилось.³ Не случайно поэтому при-

¹ Проф. Трайнин называет формулировку умысла „удачной, сжатой и четкой“ („Этюды по уголовному праву“, „Право и Жизнь“, 1924 г., № 1).

² С весьма существенным добавлением: „никто не может отговариваться неведением закона, когда он был обнаружен установленным порядком“.

³ Под влиянием Беккария, требовавшего, чтобы законы писались не на латинском, а на родном языке, и высказавшего взгляд, что „чем более будет число

шлось Таганцеву отметить, что практика кассационного департамента сената не останавливалась на определении объема и условий применения ст. 62 Основных Законов (ст. 95 изд. 1906 г.) и довольствуется лишь категорической ссылкой на нее.¹ Сам Таганцев разъяснял ст. 62 в том смысле, что она не устраняет права обвиняемого ссылаться на то, что по обстоятельствам данного дела он не только не знал, но и не мог знать запрещенности учиненного, так что его деяние не должно быть рассматриваемо, как вменяемое ему.²

В течение XIX в. уголовное законодательство буржуазных стран, равно как и господствующее мнение в теории проводили начало, что „сознание запрещенности“ не является составным элементом умысла. Но к концу столетия стали ощущаться отрицательные стороны этого положения, покоящегося на юридической фикции о знании или даже возможности знания всех законов. Усложнившаяся жизнь капиталистического общества требовала регулировки путем многочисленнейших правовых норм с известными карательными санкциями. Следить за обильным законодательным и указным материалом оказалось не под силу даже самим господствующим классам. С другой стороны, за век господства буржуазии широкие народные массы были уже в достаточной мере просвещены на счет „запрещенности“ деяний, наиболее опасных для основ капиталистического строя. Уголовно-правовые нормы стали в значительной мере „нормами культуры“ (Kulturnormen).

Поэтому в конце XIX, начале XX в. в теории стали высказываться взгляды, что для умысла требуется сознание если не запрещенности деяния под страхом наказания, то во всяком случае сознание его противоправности, или сознание его противоречия должному (Pflichtwidrigkeit).³ Новейшие проекты тоже отразили эти течения теоретической мысли.

тех, которые будут иметь возможность читать и понимать священный кодекс законов (sacro Codice delle leggi), тем преступления будут реже, ибо нет сомнения, что невежество и неизвестность наказания сильно помогают красноречию страстей“, Екатеринбургский наказ выказал благое пожелание: „уложение, все законы в себе содержащее, должно быть книгою весьма употребительною, и которую бы за малую цену достать можно на подобие букваря. Преступления не столь часто будут, чем большее число людей уложение читать и разумети станут. И для того предписать надлежит, чтобы во всех школах учили детей грамоте попеременно из церковных книг и из тех книг, кои законодательство содержат“ (ст. 158).

В Западной Европе книга Беккарии „О преступлениях и наказаниях“ (1764 г.) вполне соответствовала интересам буржуазии, настроенной во второй половине XVIII в. революционно и, во всяком случае, прогрессивно, и немедленно была переведена на все европейские языки. В Германии появились даже и популярные руководства по уголовному праву, напр.: „Ueber das neue peinliche Gesetzbuch. Ein Buch für Kinder und auch wohl für Erwachsene. Zur Verhütung der Verbrechen“. Wien 1787. (См. Böhmert „Handbuch der Litteratur des Criminalrechts“. 1816, стр. 530 и сл.) „Просвещенные“ мысли Екатерины уживались, как известно, с усилением гнета крепостного права и с распространением этого „права“ на новые сотни тысяч крестьян. Характерным является и то, что Беккария был переведен на русский язык только в 1804 г.

¹ Комментарий к статьям Уголовного Уложения 1903 г., введенным в действие. 1911 г., к ст. 43.

² Лекции. 1902. Стр. 587.

³ См. сводку мнений у Hippel— „Vorsatz, Fahrlässigkeit, Irrtum“. Vergl. Darstellung, Allg. T., B. III, S. 564. Обстоятельно излагается вопрос о сознании противоправности у Sauer— „Grundlagen“ des Strafrechts, 1921, стр. 588—607.

Мировая война, вызвавшая в Германии бесчисленное количество („unübersehbare Menge“ — Лист) новых норм, в частности в области народного хозяйства, налогов и т. п., а также и послевоенные годы — придали разбираемому вопросу в этой стране большую остроту. Так, указ 18 января 1917 г. о преследовании нарушений против хозяйственных мероприятий освобождал от ответственности того, кто, находясь в извинительном заблуждении относительно существования или применимости нарушенного правила, считал данное деяние дозволенным.¹

Проект Общегерманского Уголовного Кодекса 1925 г., следуя примеру проектов 1913 и 1919 гг., содержит постановление об ошибке (Irrtum). В редакции проекта 1925 г. вопрос об ошибке в праве получил следующее разрешение: „Заблуждение, не позволившее лицу понять недозволенность деяния, исключает наказание за умысел. Постановления о неосторожных деяниях применяются в случаях, когда неведение явилось следствием небрежности“ (§ 13).

Объяснительная записка подчеркивает, что незнание наказуемости не идет на пользу деятелю. „Недозволенным (unerlaubt) является то, что запрещено правом или нравственным законом (das Sittengesetz)“. Если лицо знало, что деяние запрещено правом, то не устраняет ответственности ссылка на то, что он считал его нравственно дозволенным.²

После Октябрьской революции нормы нового правопорядка создавались не столько декретами центральной власти, сколько правотворчеством судов и местных властей. Вместе с тем из оборота — в эпоху военного коммунизма — вышли целые области правовых отношений, например, налоговое право. Частно-правовые отношения в деревне свелись чуть ли не к найму пастуха (Гойхбарг). Помимо этого, вопрос о сознании противоправности в эту эпоху не имел практического значения. Все вопросы решались на основании революционного правосознания, и было бы смешно говорить о ссылке представителей бывшей буржуазии, что они были в заблуждении по поводу правосознания представителей революционного класса.

С переходом к новой экономической политике положение изменилось. В интересах самой же советской власти явилось необходимым сколотить костяк из норм писаного права. Последние стали появляться в изобилии — в виде кодексов, положений, декретов, ведомственных инструкций, циркуляров и т. п. При таких условиях требовать от всех граждан знания всех законов — пытаться „объять необъятное“. Смешно даже говорить о том, что юридическое заблуждение, которое может заключаться и в неправильном понимании закона при знании его, не имеет никакого значения для советского правопорядка. Наши же судопроизводственные уставы исходят из вполне естественного предположения, что суды могут неправильно применить, истолковать закон (см. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, статьи 26, 28; УПК, статьи 413, 416 и др.; ГПК, ст. 237).

¹ Begründung zu dem Entwurf eines Allgemeinen Deutschen Strafgesetzbuches“. 1925.

² Begründung, 1925, ст. 15.

„Какой криминалист,—восклицает Hippel,—может в настоящее время сказать о себе, что он знает все уголовные законы, т.-е. что он представляет их себе все в данную минуту (dass sie ihm momentan gegenwärtig seien)? Наверняка—ни один!“ „Кто не знает далее,—продолжает Hippel,—что в очень частых случаях, несмотря на знание законов, думают различно о наказуемости с точки зрения действующего права. Но не юрист считается всегда действовавшим виновно, если он не знал закона или неправильно понимал его?“¹

Над советской же страной продолжается господство юридической фикции, и в украинском комментарии (под ред. Канарского) к Уголовному Кодексу мы находим следующее разъяснение к ст. 11: „Сознание противозаконности совершаемого признается в положительном праве всегда присущим всякому лицу, обладающему вменяемостью. Государство требует от граждан знания своих законов и всякое незнание обращает во вред незнающему. Государство не может поступать иначе и неуклонно карает, как виновника умышленного, всякого совершившего противозаконное деяние, хотя бы и без сознания противозаконности совершаемого“. (Курсив наш. М. II.)²

В свое время сенат разъяснил, что „неразвитость и неграмотность подсудимого не могут служить основанием для извинения незнания закона, так как, принимаясь за какую-либо определенную в законе деятельность, всякий обязан знать и все постановления, какие изданы и обнародованы по отношению к этой деятельности“.³

Советское право таких фикций, бьющих как раз по наименее развитой части трудящихся, допускать не может. Наш УК 1922 г. в ст. 25 предписывает различать, совершено ли преступление с полным сознанием вреда, или по невежеству или неосознанности. Основные Начала в ст. 32 прямо указывают, что в этих случаях должны применяться более мягкие меры социальной защиты. Также УК РСФСР 1926 г. в ст. 48 п. „з“.

III.

Теперь мы можем перейти к раскрытию содержания формулы „предвидение общественно-опасного характера последствий своих действий“.

Не имеется здесь в виду сознание запрещенности деяния под страхом уголовной репрессии. Не потому, что нашему праву известна „аналогия“ (Основные Начала, ст. 3, ч. 3). В буржуазном законодательстве аналогии нет. Казалось бы, там более выполнимо требование знания запрещенности, и, однако, доктрина не считает существенным

¹ Цит. сочинение, стр. 588. Напечатано в 1908 г.

² Иначе смотрит проф. Жижиленко в комментарии „Право и Жизнь“: „В отдельных случаях суд может принять во внимание извинительность незнания запрещенности, поскольку виновный по обстоятельствам дела не только не знал, но и не мог знать о запрещенности учиненного, и таким образом добросовестно заблуждался относительно правомерности совершенного им деяния“.

³ Цит. по комментарии Таганцева к статьям Уложения 1903 г., введенным в действие. 1911, стр. 142.

подобное заблуждение.¹ Такой взгляд обосновывается не только интересами правопорядка, но и тем соображением, что наиболее важные преступления нарушают общепринятые, общеизвестные „нормы культуры“.

Поэтому отпадают соображения тех криминалистов, которые, как Пионтковский, высказываются против включения „сознания противоправности“ в состав умысла, так как они отождествляют это сознание с предвидением наказуемости деяния.²

Имеет значение для формулы Основных Начал сознание формальной противоправности, т.-е. сознание противоречия поведения нормам писаного права. Формальная противоправность не всегда является, вместе с тем, и материальной. Не всегда даже преступное деяние (предусмотренное Уголовным Кодексом прямо или при помощи аналогии) будет материально общественно-опасным в смысле примечания к ст. 6 УК РСФСР 1926 г. Но все же, при сознании формальной противоправности, никто не может сослаться в свое оправдание, что он считал деяние материально не опасным. Сознательного нарушения своего правопорядка советская власть никоим образом допускать не может и, в интересах общего предупреждения, должна так или иначе воздействовать на правонарушение. Но, поскольку деяние не является материально общественно-опасным, отсутствие сознания формальной противоправности должно исключать умышленность деяния.

Случаи этого рода как раз и являются теми, где пресловутое правило: „незнанием закона никто не может отговариваться“ — является как раз наиболее нежизненным и противоречащим духу советского права.

Наконец, не все нормы правопорядка облекаются в форму писаного права, или же они становятся настолько привычными, что у широких слоев населения утрачивается представление о их правовом происхождении и они ощущаются главным образом как нормы общественной морали и культуры, имеющие внеклассовый якобы характер.

После Октябрьской революции пролетариат получил возможность свою классовую мораль превратить в правовые нормы, обязательные и для других классов. „Часть классовых норм уже закреплена в законо-

¹ Буржуазная идеология эпохи до французской революции, говоря о необходимости всеобщего знания законов, несомненно, имела в виду знание уголовных законов. С приходом к власти буржуазия свела формулу „Nullum crimen“ к требованию, чтобы никто не был наказан за деяние, которое до того не было запрещено под страхом наказания. В виду же того, что в век господства „разума и философии“ (la raison et la philosophie) уголовные законы являются верным отражением „публичной нравственности народа и его частных нравов“ (la morale publique et les moeurs privées d'un peuple), нетрудно было — молчаливо — допустить, что уголовно-наказуемая преступность нарушений известных интересов общества является делом само собой разумеющимся.

Богатым материалом для изучения вырождения революционной идеологии буржуазии являются официальные мотивы к Code pénal (См. Code pénal, précédé des exposés des motifs par les orateurs du Conseil d'Etat. Paris, 1810).

² Общая часть, стр. 134. Это положение тесно связано с общим взглядом Пионтковского на формальную противоправность как на поведение человека, которое, нарушая какие-либо юридические нормы, подходит под обрисованный в основной части УК объективный состав того или иного преступления.

Определение — явно слишком узкое: поскольку область права не исчерпывается одним уголовным правом, соответственно должны быть раздвинуты и пределы противоправности.

дательстве советского государства, превратилась в советское право".¹ Но этот процесс еще далеко не закончен. С другой стороны, некоторые нормы вошли настолько в плоть и кровь, что они начинают ощущаться как нормы естественного, так сказать, правопорядка. К таковым можно, напр., отнести нормы, запрещающие эксплуатацию. В этих случаях можно говорить об общественной опасности в материальном смысле, и для наличия умысла достаточно сознание именно этой материальной противоправности, противоречия действия культурным нормам советского правопорядка. Было ли при этом сознание формальной противоправности — безразлично.

Но в дальнейшем возникает весьма серьезный вопрос. Не является ли рискованным с точки зрения общего предупреждения включение в состав умысла сознания материальной противоправности? Несомненно, этим опасением продиктовано положение проекта Ферри (ст. 19), запрещающее ссылку на незнание закона, если преступление влечет за собой строгую изоляцию (последняя назначается на срок от 3 до 20 лет).

Первый из новейших кодексов — норвежский 1903 г., введший в законодательный оборот „ошибку в праве“, — предоставлял суду в этом случае или вообще освободить от наказания, или значительно смягчить его (57). Из мотивов видно, что авторы его считали в вопросе о сознании противоправности необходимым, но вместе с тем и вполне достаточным — наличие неосторожного заблуждения.²

Некоторые новейшие проекты допускают при неосторожном заблуждении в праве смягченную ответственность: так поступает, напр., швейцарский проект 1918 г. (ст. 18) — факультативное смягчение наказания, германский проект 1919 (ст. 12) — обязательное смягчение. Проект Ферри считает деяние правомерным, если оно совершено вследствие такого незнания запрещенности деяния уголовным законом, которое было вызвано ... вследствие существенной ошибки в праве ... не приотекавшей из небрежности (ст. 19, п. 2).

Германский проект 1925 г. стал на принципиально иную точку зрения. Как указывает объяснительная записка, положения проекта 1919 г. не являются приемлемыми, потому что это повлекло бы за собой даже расширение объема ответственности по сравнению с действующим правом. С другой же стороны, признание правовой неосторожности наказуемой вообще находилось бы в противоречии с наказуемостью неосторожных деликтов лишь в виде исключения. Проект допускает поэтому ответственность, при неосторожном заблуждении в праве лишь в тех случаях, когда данное деяние является наказуемым и в качестве неосторожного (§ 13).

Из предыдущего обзора иностранного законодательства видно, как трудно найти удовлетворительную формулу о правовом заблуждении. Во всяком случае несомненно: решение вопроса нельзя перекладывать на плечи судей подобно норвежскому кодексу. Сам законодатель должен ясно сказать, что считает он необходимым и вместе с тем достаточным для признания правового заблуждения существенным. Само собой разуме-

¹ Преображенский, „О морали и классовых нормах“, 1924, стр. 74.

² Hippel, цит. сочинение, стр. 436. Автор вполне справедливо порицает законодателя за то, что это положение не внесено в самый закон.

меется, что этому вопросу должна быть посвящена особая норма, специальная статья в общей части.

Нам лично кажется необходимым, но вместе с тем и достаточным условием ответственности наличие неосторожного заблуждения в отношении противоправности деяния, противоправности в развитом выше понимании. Условие это не явилось бы чрезмерно жестким. Неосторожность (преступная самонадеянность) при оценке правового значения действий тесно соприкасается с эвентуальным умыслом. С другой стороны — понятие простой неосторожности, как оно дается Основными Началами, учитывает субъективный момент: данное лицо не предвидело, но (могло и) должно было предвидеть (общественно-опасные) последствия своих действий.¹ Это дает возможность суду учесть особенности каждого данного случая. Одно отношение будет у суда в вопросе о правовом заблуждении по отношению к опытному коммерсанту, другое — к мелкому частному торговцу. Одни требования может предъявить суд к развитому городскому рабочему, другие — к крестьянину из деревенской глуши.

УК РСФСР 1925 и 1926 г., Грузинский УК и украинский проект (очевидно, и белорусский) в определении понятия умысла и неосторожности воспроизводят формулу Основных Начал. При составлении украинского проекта, видимо, было обращено внимание на дополнительный признак, введенный в определение умысла. Трахтерев в своей статье „Проект Уголовного Кодекса УССР“ отмечает кратко: „Уже комментатору придется выяснить значение этого отличия“. Узбекский УК остался при старой формуле УК РСФСР 1922 г.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Необходимая оборона. Крайняя необходимость. Другие обстоятельства, исключаящие противоправность.

(Ст. 9.)

I.

Одним из существенных признаков преступления как юридического понятия является противоправность его, нарушение данным действием или бездействием нормы правопорядка.

Нам уже приходилось выше останавливаться на понятии противоправности вообще и видах ее: формальной и материальной противоправности.² Поэтому мы можем непосредственно перейти к рассмотрению тех обстоятельств, которые Основные Начала считают исключаящими противоправность.

Следуя УК 1922 г., Основные Начала (также и проекты) говорят только о двух причинах, исключаящих противоправность: необходимой обороне и крайней необходимости (ст. 9).

¹ Умолчание при определении неосторожности (Осн. Нач., ст. 6, п. „б“) об „общественно-опасном характере“ последствий своих действий следует рассматривать как чисто редакционный недосмотр.

² См. главу V, 1, также VII.

УК 1922 г. допускал оборону при посягательствах „на личность и права обороняющегося или других лиц“ (ст. 19). Равно и при крайней необходимости имелось в виду „спасение жизни, здоровья или иного личного или имущественного блага своего или другого лица“ (ст. 20).

В нашей литературе Пионтковский ставит в упрек УК, что, следуя за буржуазным правом, за буржуазными кодексами, постановления которых „обычно рассчитаны на охрану лишь индивидуальных интересов“, он ничего не говорит об охране интересов коллектива (Общая часть, стр. 163). Автор считает необходимым распространить на случаи подобного рода по аналогии ст. 19, а также и ст. 20 УК. Применение ст. 20 по аналогии при спасении общественных и государственных интересов вполне допускает и проф. Жижиленко (комментарий „Право и Жизнь“).

Насколько можно судить по западно-европейской литературе, вопрос о допустимости необходимой обороны коллективных благ не возбуждал сомнений¹ и, если в некоторых курсах он даже и не упоминался, то это можно скорее всего объяснить тем, что при налаженности административного аппарата капиталистического государства в эпоху до мировой войны не ощущалось особенной практической потребности охранять общественные и государственные блага с помощью частных лиц. Что касается крайней необходимости, то не следует упускать из виду, что теоретическое понятие последней охватывает и случаи спасения благ коллективных, хотя бы положительное право упоминало лишь об индивидуальных благах. Так, Oetker перечисляет ряд случаев „неписаного“ права, подходящих под понятие крайней необходимости, как-то случаи столкновения интересов или обязанностей (Interessenkollision, Pflichtenkollision). Немировский считает ненаказуемой помощь, оказываемую третьими лицами, когда спасается высший интерес, близкий и им самим, — и в качестве примера приводит спасение документа, содержащего государственную тайну.

Проект КК (ст. 11) — в отличие от УК — упоминает об обороне „против незаконных посягательств на советскую власть и революционный правопорядок“. КЗП исключила это дополнение, но СНК вернулся к редакции КК. Сессия утвердила проект СНК,² вычеркнув слово „незаконное“, так как не существует никакого законного посягательства“ (600).

Проект УК 1925 г. в формулировке понятия необходимой обороны повторил Основные Начала. Но по предложению депутатов с мест комиссия решила исключить слова: „на советскую власть и революционный правопорядок“.

„Мы исходили из тех соображений, — объяснил докладчик комиссии, — что если мы признаем не подлежащими наказанию случаи, когда вы, обороняясь от нападения

¹ См. напр. Oetker, в V. D., Allg. Teil, B. II, Notwehr u. Notstand: „Die Verteidigungsfähigkeit eignet dem gesamten rechtlich anerkannten Güterstande einer Person (im Sinne von Rechtssubjekt, mit Einschluss der Korporationen, des Staates u. s. w.)“ — стр. 277. См. также: August Köhler, „Deutsches Strafrecht, Allgemeiner Teil“, 1917, стр. 344. У нас: Немировский, „Основные начала уголовного права“, 1917, стр. 479. Еще раньше Таганцев. Лекции, т. I, стр. 539.

² Мотивировки докладчиком не было дано.

или обороняя другое лицо против нападения, причиняете ему ущерб,— скажем, убьете,— то суд в этом может разобраться. Но если мы допустим такое право нанесения ущерба другому лицу при посягательстве, которое это лицо допускает на советский правопорядок, то такая формула явится очень широкой и практически может послужить источником для проявления произвола“ (581).

Сессия согласилась с решением комиссии, но так как оно находилось в формальном противоречии со ст. 9 Основных Начал, то об изменении ее постановлено войти с соответствующим ходатайством в ЦИК Союза.

В виду того, что при обсуждении Основных Начал, как было уже отмечено, введение новой формулы ничем не мотивировалось, мы затрудняемся объяснить, чем она была вызвана. Мы считаем со своей стороны, что старая формула по аналогии могла охватить и случаи обороны коллективных благ. Но соображения комиссии сессии ВЦИК'а, разделенные и самой сессией, соображения чисто практического характера, не лишены значения при том твердом курсе, который взят советской властью в деле борьбы с административным произволом.

Вместе с тем нельзя не пожелать, чтобы вошла в жизнь хотя бы старая формула необходимой обороны.

Изучение Сборника определений УКК Верховсуда РСФСР за 1924 г. заставляет прийти к убеждению, что даже губсуды не имеют ясного представления о необходимой обороне. Так, три несомненные случая ее (стр. 62, 64, 65) квалифицированы ими как умышленное телесное повреждение по ст. 149, ч. 2 и по ст. 151 УК. Верховсуд нашел здесь превышение необходимой обороны (ст. 151 и ст. 145 УК).¹

Грузинский УК перенес формулу Основных Начал о необходимой обороне без изменений (ст. 14), также Узбекский УК (ст. 19) и УК РСФСР 1926 г. (ст. 13). Украинский проект исключил лишь из нее требование процессуального характера: „если судом будет признано“ наличие необходимой обороны.

При обсуждении вопроса об изменении ст. 9 Основных Начал СНК Союза не согласился целиком с сессией ВЦИК'а и предложил исключить только слова: „и революционный порядок“, полагая, что понятие „посягательство на советскую власть“ есть достаточно определенное, тогда как в первом дается слишком широкая формулировка (из доклада Крыленко на сессии ЦИК, бюлл. № 15, стр. 6). Все же точка зрения ВЦИК'а была поддержана многими ораторами (Ветошкин, Тахо-Годи, Сольц), считавшими, что слова „советская власть“ так же растяжимы, как и „революционный правопорядок“, что формула СНК вследствие значительной некультурности нашей может служить источником расправы отдельных лиц с гражданами. Скрыпник горячо поддерживал старую формулировку Основных Начал.

Судя по заключительному докладу Скрыпника, комиссия сессии приняла проект изменения ст. 9 в редакции СНК Союза.

Любопытно отметить, что проект СНК Союза не указал на соответствующее изменение ст. 32 п. „а“, в котором упоминается и советская власть и революционный правопорядок, поскольку имеется превышение необходимой обороны их.

¹ Судя по описательной части приговора, в двух случаях не было, по нашему мнению, и превышения обороны: А спасается бегством от Б, преследующего его с револьвером. Из боязни быть убитым А на бегу выхватывает у С тесак и наносит последним Б удар в левую сторону живота. Рана оказалась смертельной. Губсуд приговаривает А к двум годам лишения свободы. Второй случай: А стреляет из охотничьего ружья в толпу, нападающую на его дом, в котором скрылся брат А, уже „порезанный“ гражданином Б. Выстрелом у Б выбит правый глаз. Приговор: два года лишения свободы.

Спрашивается, в каких же случаях не будет превышения обороны?

II.

В вопросе о крайней необходимости Основные Начала дали обобщенную и поэтому более широкую формулу, чем УК 1922 г. Ст. 20 последнего говорит о спасении „жизни, здоровья или иного личного блага своего или другого лица“. Основные Начала освобождают от ответственности, если действия, предусмотренные уголовными законами, совершены „для предотвращения опасности, которая была неотвратима при данных обстоятельствах другими средствами“.

Как и УК 1922 г., Основные Начала исходят из теории „преобладающего интереса“. Причиненный в состоянии крайней необходимости вред должен являться менее важным по сравнению с предупрежденным вредом¹.

Наша литература, как указывалось выше, распространяет понятие крайней необходимости (ст. 20 УК) и на случаи спасения коллективных благ. Но если даже понятие необходимой обороны недостаточно усвоено нашими судами, то вряд ли применяли они ст. 20 УК при спасении благ коллектива, толкуя эту статью распространительно. В этом отношении интересным является решение УКК Верховного суда, напечатанное в указанном „сборнике“ за 1925 г., которым разъяснялась возможность применения ст. 20 в случае, когда общественное благо могло быть спасено действиями, с внешней стороны являющимися преступлением.²

Формула Основных Начал охватывает и подобные случаи, но законодатель и здесь должен поставить перед собою вопрос, не является ли эта формула чрезмерно широкой и не может ли она послужить источником злоупотреблений, в роде того, как это возможно при ссылке на оборону „революционного правопорядка“.

Совершенно не остановился наш союзный законодатель, как не остановился и УК 1922 г., на вопросе о том, как быть, когда сталкиваются два равноценных блага (напр., спасение жизни одного ценою жизни другого), и вообще на случаях, которые вообще не могут быть решены на основании принципа перевешивающего интереса.

УК РСФСР 1925 г., Грузинский УК, проект Украинского УК, Узбекский УК и УК РСФСР 1926 г. (ст. 13, ч. 2) формулу Основных Начал о крайней необходимости воспроизвели без всяких изменений.

Следуя УК, Основные Начала ограничиваются указанием лишь на необходимую оборону и крайнюю необходимость, на обстоятельства, исключающие применение мер социальной защиты. Между тем жизнь знает и другие обстоятельства, как исключающие противоправность деяния. К таковым относятся исполнение закона, осуществление своего права, исполнение обязательного приказа, согласие потерпевшего, случаи врачебно-оперативного вмешательства.

Если случаи исполнения закона и не вызывают на практике сомнения, то в ней обнаружилась необходимость пополнения закона указа-

¹ Проекты говорят об „охраненном благе“.

² Речь шла о даче взятки должностному лицу, когда у дававшего отсутствовал всякий личный интерес и он действовал исключительно в целях охранения общественного достоинства (дело № 23199 на стр. 11).

ием на то, что использование публичного права исключает возможность привлечения к уголовной ответственности. УК 1926 г. в специальном примечании к ст. 84 указывает, что действие этой статьи не распространяется на лиц, прибывших в СССР без установленного паспорта или разрешения надлежащих властей для использования предоставляемого ст. 12 Конституции РСФСР права убежища для иностранцев, преследуемых за политическую деятельность или религиозные убеждения.

Но ясно, что место этому „примечанию“¹—в виде более обобщенной формулы—не в Особенной части. Равно и вопрос об использовании своих частных прав не может быть разрешен пресловутой статьей о самоуправстве (ст. 103 УК 1922 г., ст. 90 УК 1926 г.), благодаря наличию которой мы имеем каждый год несколько тысяч „преступников“.²

Наконец, такие вопросы, как использование своих частных прав, согласие потерпевшего, должны быть согласованы с общими началами советского права, проникнутого духом коллективизма. Вспомним хотя бы основное положение Гражданского Кодекса, выраженное в его первой статье: гражданские права охраняются законом за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением.

Все эти чрезвычайно важные вопросы общей части не получили разрешения в Основных Началах. Особенно это не должно удивлять, ибо даже УК 1926 г., ближе стоящий к судебной практике, подошел лишь частично к их разрешению и то не в общей, а в особенной части.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Приготовление и покушение.

(Ст. 11.)

В главе, посвященной вопросу об опасном состоянии преступника, мы указывали, что Основные Начала, следуя проекту СНК, отказались от определения в законе понятия покушения, предоставляя суду самому определять „стадии совершения преступления“.

Проекты КК и КЗП давали определения как приготовления, так и покушения (КК, статьи 13 и 14; КЗП, статьи 14 и 15). Оба проекта в отношении приготовления возвращались к первоначальной редакции ст. 12 УК, допуская ответственность лишь в случаях, особо указанных в законе.

В определении покушения проект КК отступил от действующего права. УК в ст. 13 различает, как известно, два вида покушения:

¹ Кстати сказать, отсутствующему в Грузинском и Узбекском Кодексах.

² Понятие „самоуправства“—печальный пережиток устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (ст. 142). Составители уложения 1903 г. отвергли его, как весьма затрудняющее практику по своей неопределенности (Объяснительная записка, т. VI, стр. 484).

Несколько расширенный состав насилия над личностью (ст. 152 УК 1926 г.) охватил бы случаи самоуправства, действительно заслуживающие уголовной репрессии. В остальном же самоуправные действия должны явиться предметом чисто гражданского разбирательства.

не оконченное и оконченное, при чем в первом случае закон выдвигает объективную точку зрения (невыполнение того, что было необходимо), во втором—субъективную (результат не наступил, несмотря на то, что преступник выполнил все, что он считал необходимым). Но и формулу КК нельзя признать особенно удачной. „Покушением на преступление,— говорит ст. 13,— признаются действия, направленные на совершение преступления, когда совершающий сделал все, что было существенно необходимо для приведения своего намерения в исполнение, и когда, несмотря на это, преступные результаты не наступили по причинам, от него не зависящим, или были остановлены по собственному побуждению покушавшегося“. Правильнее было бы сказать о предотвращении результата после того, как было выполнено все, что являлось необходимым для совершения преступления, т.-е. о деятельном раскаянии.¹ Но возможно, что авторы проекта имели в виду лишь покушение, добровольно оставленное. Затем, в виду того, что ст. 14 указывала, что меры социальной защиты определяются в той же мере, что и при совершении преступления, возникал вопрос, исключалась ли ответственность при добровольно оставленном покушении.

Несравненно проще и яснее формула покушения, предложенная КЗП: „покушением на преступление признается действие, направленное на совершение преступления, но не повлекшее за собой преступного результата по причинам, от совершившего данное действие не зависящим“.

СНК, желая прекратить всякие „теоретические дебаты и споры“, отказался от противопоставления приготовления—покушению. Основные Начала полностью воспроизвели точку зрения проекта СНК.

В ст. 11 Основных Начал нет даже терминов „приготовление“ и „покушение“. Ст. 11 говорит просто о начатом преступлении, но не доведенном до конца по каким бы то ни было причинам. Отказ от деления предварительной деятельности на стадии в современном законодательстве является новостью, но старому праву—до XIX века—такой прием был известен.²

Руководящие начала 1919 г. формально различали стадии предварительной деятельности, но так как стадия осуществления намерения совершающего преступление сама по себе не влияла на меру репрессии, которая определялась степенью опасности преступника (ст. 20), то практического значения это различие не имело.

Основные Начала, в отличие от Руководящих Начал, предлагают суду руководствоваться не только „степенью опасности лица, совершившего преступление“, но „и степенью осуществления преступного намерения“.

Формула Основных Начал допускает покушение лишь при умышленных преступлениях: ст. 11 говорит об осуществлении преступного

¹ Заслуживает порицания и тяжелый язык: „преступные результаты не наступили... были остановлены...“

² Большим сторонником этого приема был проф. Сергиевский, предлагавший установить уменьшенную наказуемость за предварительную деятельность вообще и вместе с тем предоставить суду право освобождать от наказания лиц, остановившихся на ступенях, отдаленных от конечного момента („Русское уголовное право. Часть Общая“, стр. 285; цит. по изд. 1905 г.).

„намерения“. Не упоминают Основные Начала о добровольно оставленном покушении. Правда, известное указание содержится в том, что ст. 11 предписывает учитывать „степень опасности лица“. Но в интересах общего предупреждения важно полное освобождение от уголовной ответственности в данном случае. Итальянский проект 1921 г., который никак нельзя заподозрить в любви к юридическим тонкостям, содержит, тем не менее, особое постановление о добровольно оставленном покушении (ст. 15: санкция применяется лишь за действительно совершенное деяние, если оно составляет преступное деяние). Германский проект 1925 г., наряду с покушением добровольно оставленным, освобождает от ответственности покушавшегося, добровольно (aus freien Stücken) предотвратившего наступление результата. Если покушение вообще не могло привести к выполнению преступления, или уже не удалось, то, для освобождения от ответственности достаточно, если покушавшийся, не зная об этом, проявил серьезные усилия, чтобы предотвратить результат (§ 24).

При переработке своих уголовных кодексов союзные республики в праве, по нашему мнению, внести в формулу покушения особую норму о добровольно оставленном покушении.

В УК 1922 г. ничего не говорится специально о покушении с негодными средствами и о покушении над негодным объектом. Господствующее мнение (Жижиленко, Немировский, Пионтковский) считает, что покушение с негодными средствами вполне охватывается ст. 13 УК. Поскольку покушение заключалось в применении суеверных средств, оно, по мнению Пионтковского и Немировского, не должно влечь ответственности, так как лица, прибегающие к ним, не представляют социальной опасности в смысле ст. 7 УК. Жижиленко считает возможным в данном случае применить ст. 28 УК. В вопросе о покушении над негодным объектом мнения расходятся. Жижиленко находит, что в виду отсутствия годного объекта — посяательства — нет вообще состава преступного деяния. Немировский склонен сделать такой же вывод, но приводит решение Верховного Суда УССР от 17/хп 1923 г., которым признано наказуемым покушение, заключавшееся в передаче списка наиболее энергичных членов комнезама военному отряду, ошибочно принятому передававшим список за белогвардейцев, тогда как он был красноармейским. Пионтковский считает, что большинство случаев покушения над негодным объектом в такой же степени выявляет социальную опасность совершившего его, как и всякое другое покушение.

Основные Начала (как и проекты) не оговаривают случаев покушения с негодными средствами или над негодным объектом. Формула ст. 11 настолько широка, что ею могут быть охвачены все случаи этого рода. При наличии такой нормы, как ст. 6 прим. УК 1926 г., от ответственности могут быть, далее, освобождены лица, прибегающие к суеверным средствам. Но все же встает вопрос: не должен ли сам законодатель дать соответствующие указания?

В Германии, где вопрос о негодном покушении — благодаря умолчанию о нем действующего кодекса — породил много практических затруднений и огромную теоретическую литературу, проект 1925 г. дал соответствующую формулу в самом законе. Признавая негодное покушение наказуемым по общему правилу (объяснительная записка, стр. 23),

проект освобождает от ответственности, если лицо предприняло деяние по грубому незнанию законов природы над таким предметом или таким средством, над которым или которым вообще нельзя учинить деяния (§ 23, ч. 4).

Формула покушения в Основных Началах является чрезмерно общей. Можно выдвинуть начало равной ответственности приготовления с покушением, но для чего же избегать этих выражений, которые отнюдь не являются чисто теоретическими понятиями. Наоборот, они чрезвычайно жизненны.

УК 1925 г. и УК 1926 г. в ст. 19 выразили руководящие мысли ст. 11 Основных Начал в несравненно лучшей форме и в редакционном отношении более правильно. „Покушение на какое-либо преступление, а равно и приготовительные к преступлению действия, выражающиеся в прискакивании или приспособлении орудий, средств и создании условий преступления, преследуются так же, как совершенное преступление“.

При выборе мер социальной защиты суд „должен руководствоваться степенью опасности лица, совершившего покушение или приготовление, подготовленности преступления и близостью наступления его последствий, а также рассмотрением причин, в силу которых преступление не было доведено до конца“.

УК остановился и на вопросе о добровольно оставленном покушении: „в случаях,—говорит вторая часть ст. 19,—если преступление не было совершено по добровольному отказу лица, намеревавшегося совершить это преступление, от его совершения, суд устанавливает соответствующую меру за те действия, которые фактически были совершены покушавшимся или приготовлявшимся“.

Грузинский УК перепечатал буквально ст. 11 Основных Начал, но дополнил ее следующей статьей:

„Пособничество и подготовительные по незаконченным преступлениям действия не преследуются лишь в случаях, если преступление не было доведено до конца в силу добровольного отказа самого покушавшегося совершить преступление, либо если совершенные действия по своей незначительности явно не носили общественно-опасного характера. В этих случаях суд в праве действовать лишь в порядке ст. 18¹“. То-есть, если суд признает данных лиц общественно-опасными, то он в праве применить к ним „лишь“ поражение прав, удаление и ссылку, запрещение занимать ту или другую должность или заниматься той или иной деятельностью, увольнение от должности и предостережение.

При таком обилии репрессивных мер воздействия на лиц, добровольно отказавшихся не то что от покушения, но даже от продолжения подготовительных действий,—трудно говорить о создании законодателем „золотого моста“ для правонарушителя.

Украинский проект УК остался на почве УК 1922 г. „По проекту,—говорит Трахтерев,—как и по УК, покушение на преступление и подготовительные к нему действия—разные вещи... Составители проекта считали, что Основные Начала, говоря о „начатом преступлении“, имеют в виду только область покушения, а не приготовления“.

Изложенная выше история ст. 11 Основных Начал показывает несостоятельность такого толкования ее.¹

Узбекский УК перепечатал буквально, но не Основные Начала, а статьи 12, 13 и 14 УК РСФСР 1922 г. При этом не обратили, видимо, внимания, что „меры социальной защиты“, о которых говорила ст. 12, имели ограничительный характер.

Нельзя составить полного представления о значении приготовления и покушения в системе данного уголовного права, если мы будем иметь

¹ По существу мы вполне согласны с замечанием Трахтерева, что в большинстве случаев чрезвычайно трудно учесть по приготовительным действиям степень опасности преступника.

в виду только общую часть уголовного кодекса. Просмотр особенной части любого из них покажет нам, что исчерпывающим образом эти вопросы¹ могут быть изучены лишь тогда, когда мы рассмотрим, как построены составы тех или иных преступных деяний.

Если мы обратимся к УК 1926 г., то увидим в построении (архитектонике) составов ряда преступных деяний отражение весьма седой старины.² Убийство, телесное повреждение, изнасилование, кража, повреждение имущества — в этих и ряде других преступных деяний — состав обрисован так, что оконченным считается преступление с наступлением вреда (наступила смерть, телесное повреждение и т. д.). С внешней стороны эти составы напоминают о тех временах весьма первобытных социальных отношений, когда преступление усматривалось лишь во внешнем, вполне осязательном вреде, хотя бы он был — с современной точки зрения — и случайным. С другой стороны, приготовительные действия, покушение, поскольку они не были сопряжены с причинением вреда, не входили в область преступного.

С усложнением социальных отношений и — тем самым — с ростом общей человеческой культуры — рассматривается как наказуемая предварительная деятельность при отдельных наиболее опасных для данного строя и для данной культуры преступных деяний.

Настоящую же революцию в систему построения „составов“ внес XIX в. с его развитием капиталистических отношений, с революцией в технике производства, транспорта, торговли, кредита.

Буржуазный законодатель не был настолько наивен, чтобы дожидаться наступления „вреда“. Постепенно более и более стала выдвигаться идея „опасности“ действия, самого по себе. Как оконченные деликты рассматриваются нарушение безопасности средств передвижения, поставление в опасность правильного функционирования предприятий, снабжающих водой, теплом, светом и т. д. Параллельно с этим ряд приготовительных действий к наиболее опасным преступлениям рассматриваются как самостоятельные преступления.

Если мы обратимся к нашему УК 1922 г., то мы увидим, что в разделе контр-революционных преступлений состав большинства из них очерчен так, что им охватываются и подготовительные действия, напр.: ст. 58 говорит не о вооруженном восстании, а об „организации“ (следовательно, подготовке) его. Союзный закон о шпионаже 14 августа 1925 г. говорит не только о самой передаче сведений, составляющих государственную тайну; уже одно собиранье подобных сведений является оконченным преступлением. Бандитизм является не только само разбойное поведение, но и организация вооруженной шайки. Изготовление и распространение контр-революционной литературы являются подготовительными действиями к другим контр-революционным преступлениям, но рассматриваются как самостоятельные преступления.

На эту сторону законодательной техники следует безусловно обратить внимание. Проект германского уголовного кодекса 1925 г. —

¹ Равно и другие вопросы общей части, как-то: соучастия, умысла и неосторожности, противоправности.

² Мы здесь имеем в виду именно внешнюю сторону состава и не останавливаемся на классовом содержании преступных деяний.

в целях защиты существующего социального порядка — весьма умело использовал эту технику, учтя опыт гражданской войны в этой стране. Проект не объявляет наказуемыми все подготовительные действия ко всем преступлениям, как это провозгласили Основные Начала, и тем не менее любое уязвимое место социального организма современной Германии поставлено под сугубую охрану уголовного закона.

Чрезвычайно увлекательным является изучение особенной части кодексов с точки зрения богатства или скудости составов преступных деяний и построения этих составов. Наш УК 1922 г. вполне точно отразил экономику нашей страны, только что начавшей выходить из гражданской войны: полуразрушенный транспорт, почти отсутствующая промышленность, зачатки торгового оборота, с одной стороны; с другой — не изжитые еще методы ведения государственного хозяйства предшествующего периода. Охрана безопасности средств сообщения — если не считать разрушения их в контр-революционных целях (ст. 65) — отведено скромное местечко в общей и единственной статье об общественно-умышленном лишь — повреждении имущества (ст. 197), зато среди хозяйственных преступлений находим и трудовое дезертирство (ст. 126) и выдачу заведующим учреждением продуктов и предметов широкого потребления не по назначению (ст. 131).

На УК 1926 г. уже отразился хозяйственный подъем страны. Вычеркнуты такие статьи УК, как 126 и 131, зато появилось понятие наказуемой „недобросовестной конкуренции“ (ст. 178). Санкция за общественно-умышленное повреждение имущества повышена с 5 до 10 лет (ст. 175, ч. 3).

Но сомневаемся, чтобы УК 1926 г. в достаточной мере охранил „народное здравие, общественную безопасность и распорядок“. Нет даже состава неосторожного общественно-умышленного повреждения.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Соучастие.

(Ст. 12.)

Постановления Основных Начал о соучастии отличаются чрезвычайной краткостью. В этом отношении Начала следуют своим проектам. „Меры социальной защиты, — говорит ст. 12, — применяются в отношении всех соучастников (подстрекателей, исполнителей, пособников) в зависимости как от степени их социальной опасности, так и от степени участия в преступлении“. Редакция Основных Начал (проект СНК) полностью воспроизводит ст. 15 проекта КЗП, который является более удачным, чем КК. Последний (ст. 15) противопоставляет „соучастникам“ — „исполнителей“, что совершенно неправильно, так как исполнители наряду с подстрекателями и пособниками и охватываются общим понятием „соучастия“.

Формула Основных Начал весьма кратка. Об этом можно даже пожалеть. Перечисляя виды соучастников, Основные Начала только называют их, не указывая никаких признаков. Это было бы с полбеды, если бы нормы о соучастии УК 1922 г. не возбуждали сомнений, или если бы Основные Начала сделали оговорку, что недоносительство и укрывательство (наиболее практически важные виды т. н. при-

косновенности к преступлению) влекут меры социальной защиты в случаях, особо указанных законом.¹

К сожалению, нормы о соучастии УК 1922 г. возбуждают большие споры, благодаря тому, что ст. 16 к пособничеству относит и содействие сокрытием преступника или следов преступления, а, с другой стороны, в контр-революционных преступлениях говорит об „укрывательстве и пособничестве всякого рода преступлениям, предусмотренным в статьях 57—67, не связанных с непосредственным совершением означенных преступлений“ (более пониженная санкция, чем это вытекало бы из ст. 15 УК). Наконец, ст. 114^a наравне с пособничеством при даче взятки наказывает и „непринятие мер противодействия взяточничеству“ (попустительство — один из видов „прикосновенности“).

К сожалению, союзный законодатель по всем этим вопросам не дал никаких руководящих указаний. Косвенным образом их придется все равно дать при редактировании Союзом контр-революционных преступлений, а также при директивах в порядке ст. 3, ч. 2 Основных Начал.

Как при покушении и приготовлении, так и при соучастии нельзя упускать из виду Особенную часть, где при отдельных преступных деяниях вопросы соучастия могут получать самостоятельное разрешение. Понятия организации-сообщества, банды, шайки, группы, соучастие в массовых преступлениях (преступления толпы), случаи безрезультатного, но тем не менее наказуемого подстрекательства к наиболее опасным преступлениям (см. германский проект 1925 г.)—все это вопросы, в одинаковой мере затрагивающие и общую часть. Основные Начала не дают на них никакого ответа.

Скупость Основных Начал сказывается на переработанных кодексах. УК РСФСР 1925 г. и УК 1926 г. (ст. 17) прежде всего противопоставляют „исполнителей“—соучастникам. По УК 1922 г. и первые обнимались понятием соучастников. УК 1926 г. относит к пособникам и лиц „содействующих.... сокрытию преступника или следов преступления“. УК 1922 г. говорил о содействии „выполнению преступления.... сокрытием преступника или следов преступления“.

Таким образом, УК 1926 г. еще более стирает грань между соучастием и прикосновенностью (укрывательством).

Грузинский УК остался на почве УК 1922 г. Точно также украинский проект и Узбекский УК.

В кодексах РСФСР (ст. 18) и Грузинском оговаривается, что недонесение о совершенном или готовящемся преступлении влечет за собой применение мер социальной защиты в случаях, специально в кодексе указанных. Содержится ли подобная норма в украинском проекте, за отсутствием указаний в статье Трахтерева, сказать трудно. Узбекский УК этой нормы не содержит.

¹ По вопросу о соучастии в нашем праве имеется большая литература: Эстрин, „Соучастие по УК РСФСР“ („Советское Право“, 1922, г., № 3)—наиболее обстоятельный догматический анализ; Паше-Озерский, „К вопросу о соучастии в преступлении“ („Научные Записки Киевского Инст. Нар. Хоз.“, 1923 г., № 1); Исаев, „О наказуемости родственного укрывательства и недонесительства“ („Сов. Право“, 1924 г., № 1). См. также курсы Познышева, Немировского, Пионтковского и комментарии.

Отдельные меры социальной защиты судебно-исправительного характера.

1. Общая характеристика.

Проект КК, решительно порвавший с термином „наказание“, выдвинул тройственное деление мер социальной защиты в зависимости от источника социальной опасности правонарушителя. Те меры социальной защиты, которые в Основных Началах именуются „судебно-исправительными“, назывались в проекте КК м. с. з. „судебного характера“. КЗП отвергла это название, исходя, очевидно, из того, что все м. с. з., упоминаемые в союзных Основах, применяются судом. Соответствующие м. с. з. проект КЗП назвал м. с. з. „репрессивного“ характера. Проект СНК еще более подчеркнул особенности этих мер, назвав их м. с. з. „карательного характера“.

Как мы уже указывали, согласительная комиссия ЦИК, стремящаяся всемерно подчеркнуть отрицательное отношение к понятию „наказание — кара“, внесла соответствующее изменение, остановившись на названии м. с. з. „судебно-исправительного характера“.

Нельзя не признать ценности этой терминологии, если ее рассматривать динамически. Она подчеркивает неукоснительную тенденцию советского уголовного законодательства к смягчению репрессии как в законе, так и в судебной практике.¹

Эта тенденция формулирована докладчиком Красиковым (см. гл. VI, 3).

С точки же зрения статистики терминология Основных Начал может вызвать серьезные возражения. Ни в расстреле, ни в объявлении врагом трудящихся, да и в ряде других м. с. з. Основных Начал никак нельзя усмотреть „исправительного“ характера. В этом отношении несравненно правильнее поступил проект КЗП, говоря о репрессивных мерах.

В ст. 13 Основные Начала дают перечень м. с. з., но он не является исчерпывающим. Примечание первое к этой статье предоставляет союзным республикам право устанавливать и иные м. с. з. „в соответствии с настоящими основами и общими принципами уголовного законодательства Союза ССР“. Особенного творчества союзных республик здесь ожидать не придется в виду того, что Союзом намечен весьма богатый список м. с. з., но все же кое-чем он может быть дополнен: напр., такой м. с. з., как обязанность загладить причиненный вред (ст. 32, п. „к“ УК 1922 г.), рядом отдельных правонарушений.

¹ Эта черта отмечена мною уже в статье „Уголовно-правовые тенденции переходного времени“ („Право и Жизнь“, 1924 г., № 1).

2. Расстрел.

(Ст. 13, прим. 2-е.)

Основные Начала (как и проекты), следуя УК 1922 г., не помещают расстрела в общей лестнице м. с. з. Тем самым подчеркивается временный характер данной меры — „этой тяжелой необходимости, к которой союзные республики принуждены прибегать в настоящих условиях борьбы буржуазии против власти рабочих и крестьян“ (Ск р ы п н и к, 602).

„Полная отмена“ расстрела может быть произведена ЦИК'ом Союза.¹ Это предусматривалось всеми проектами. Но в вопросе о применении расстрела в качестве санкции за те или другие преступные деяния проекты расходились. Проекты КК и КЗП допускали расстрел „в порядке и случаях, особо законами (очевидно, союзных республик. М. И.) определенных“. По проекту СНК эти „случаи и порядок“ устанавливались ЦИК'ом Союза. Согласительная комиссия внесла изменение в проект, сходное с изменением ст. 3 Основных Начал. „Применение в качестве м. с. з. расстрела по суду,—говорится во второй части прим. 2 ст. 13,—подлежит особому регулированию законодательством Союза и союзных республик,—последними в соответствии с директивными указаниями Президиума ЦИК'а Союза“.

В сущности, вторая часть прим. 2 ст. 13 является излишней. Она вполне покрывается второй частью ст. 3 Основных Начал, предоставляющей Президиуму ЦИК'а Союза указывать „роды и виды преступлений, по которым Союз ССР считает необходимым проведение определенной линии единой карательной политики“. Тем более должно быть в Союзе сохранено единство уголовной политики, т.-е. указаны и роды и виды преступлений, по которым кодексы союзных республик могут в виде санкции определить расстрел.

Основные Начала (как и проекты) по сравнению с УК 1922 г. принципиально суживают область расстрела, ограничивая его применение „наиболее тяжкими видами преступления, угрожающими основам советской власти и советского строя“ (1 ч. прим. 2).

При обсуждении УК 1925 г. в сессии ВЦИК'а докладчик Крыленко указал, что применение расстрела сужено по сравнению с УК 1922 г.

„Мы сделали здесь, — сказал докладчик, — пожалуй, слишком смелый шаг, уже вызвавший ряд возражений, как об этом свидетельствует следующая бумага, полученная Президиумом ЦИК'а и переданная мне, как материал, где автор начинает свое послание нижеисследующими словами: „Почти в последнюю минуту перед роковой ошибкой ВЦИК'а, угрожающей гибелью стране и революции вследствие новых выдумок юристов, прошу рассмотреть нижеизложенное прежде, чем принимать или распубликовать намеченное НКЮ изменение УК“.

„Автор находит, — пояснил докладчик, — что смягчение репрессий ставит на край гибели нашу страну, и предлагает нам в последнюю минуту перед совершением роковой ошибки остановиться“.

¹ Воля которого является „выражением объединенной воли всех рабочих и крестьян“ (Ск р ы п н и к, 602).

„Одна из основных задач, — продолжал Крыленко, — которую мы перед собой поставили, заключается именно в том, чтобы привести в определенное соответствие правосознание сегодняшнего дня с теми мерами судебной репрессии, которые содержит старый Уголовный Кодекс. „Основы“, принятые Союзом, нам сказали: впредь расстрел может применяться не за наиболее тяжкие преступления, а только за те из наиболее тяжких преступлений, которые грозят основам советского строя, основам нашего правопорядка, и мы, послушные этому велению, исключили расстрел из ряда статей, по которым он раньше применялся“ (352).

В заключение Крыленко указал, что могут быть сомнения, следует ли применять расстрел за взятки, за растрату. И поэтому сессия ВЦИК должна решить, считает ли она эти преступления подрывающими основы советского строя.

Грузинский и Узбекский УК воспроизводят прим. 2, часть 2, ст. 13 УК РСФСР 1925 и 1926 г. (ст. 21), дополняя формулу Основных Начал указанием, что расстрел применяется „в качестве исключительной меры охраны государства трудящихся“.

Нам кажется, что ст. 3, ч. 2 и ст. 13, прим. 2 ч. 2 Основных Начал не оставляют никаких сомнений, что вопрос о том, какие преступные деяния влекут расстрел, должен быть решен союзными органами. Иначе может получиться, что в РСФСР санкцией за взятку будет расстрел, а в УССР — лишение свободы, или наоборот.

3. Объявление врагом трудящихся.

(Ст. 13, п. „а“, ст. 17.)

Руководящие начала по уголовному праву 1919 г. в числе наказаний упоминали „объявление врагом революции или народа“ (ст. 25, п. „л“);¹ в УК 1922 г. это наказание не вошло.

Проект КК ввел эту меру, соединив ее с изгнанием из пределов Союза ССР навсегда. КЗП сохранила изгнание, но без объявления „врагом трудящихся“. Проект СНК стал на точку зрения КК. Сессия внесла ту поправку, что эта мера социальной защиты может быть применяема в отношении лиц, осужденных за преступления, угрожающие основам советского строя (в проекте СНК говорилось лишь о контрреволюционных преступлениях).

При обсуждении Основных Начал на сессии ЦИК введение этой м. с. з. ничем не мотивировалось. Но эта мотивировка была дана Крыленко на сессии ВЦИК'a при докладе проекта УК 1925 г.

„Эта мера, — сказал он, — практиковалась нами ранее (в 1919—1920 годах), но тогда изгнание из пределов РСФСР, когда мы были окружены блокадой, было фразой, которая не могла иметь большого значения. Мы объявили врагом трудящихся английского консула Локкарта в 1918 году. Но ему тогда от такого объявления врагом трудящихся не было ни тепло, ни холодно.

¹ Кроме того, в п. „о“ той же статьи говорилось об „объявлении вне закона“. Родин указывает, что за второе полугодие 1921 г. объявление вне закона составляло 0,4% всех наказаний, вынесенных ревтрибуналами; за первое полугодие 1922 г. по вошедшим в законную силу приговорам всех революционных трибуналов насчитывается 100 приговоров, — 0,07% всех наказаний. Это наказание, по замечанию Родина, обычно применялось при заочных приговорах. Революционные трибуналы в 1920—1922 гг. („Вестн. Статистики“ 1924, № XII).

„Иное уже было в 1920 году в отношении граждан РСФСР, когда на скамье подсудимых по делу „тактического центра“ сидели Трубецкой и Мельгунов. Угроза объявления их врагами народа и изгнание производило уже тогда достаточное действие....“ „В настоящее время, в 1925 году, по отношению граждан нашей страны, нашего Союза эта мера получает крупнейшее и непосредственное значение, включение ее в скалу репрессий представляется вполне и своевременным, и политически полезным“ (351).

Нетрудно усмотреть, что центр тяжести данной м. с. з. заключается не в объявлении врагом трудящихся, а именно в изгнании из пределов Союза ССР навсегда. Подобное изгнание предусматривается и УК 1922 г. (ст. 32, п. „а“).¹

Новым является в Основных Началах то, что они предписывают в случае невозможности фактически привести в исполнение приговор об изгнании — применять иную меру социальной защиты не ниже, однако, лишения свободы со строгой изоляцией на пять лет.

Ст. 17 неточно говорит: „объявление врагом трудящихся, а равно изгнание“ и т. д. Получается впечатление, что как будто бы при невозможности фактически изгнать суд может все же, приговорив к лишению свободы, вместе с тем объявить врагом трудящихся. Думаем, что это было бы неправильно. П. „а“ ст. 13 говорит об объявлении врагом трудящихся, как м. с. з., в которую органически входят и лишение гражданства и изгнание.

Самовольное возвращение изгнанного по УК влекло высшую меру наказания (ст. 71). Основные Начала предоставляют суду право применять те же м. с. з., что и при фактической невозможности приведения приговора об изгнании в исполнение.²

УК РСФСР 1925 г. ничего не говорит о порядке замены данной м. с. з. Что касается самовольного возвращения, то ст. 103 как санкцию устанавливает лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже двух лет с повышением вплоть до расстрела. УК 1926 г. временно сохранил ст. 71 (ст. 58^{1б}).

Нам кажется, что кодексы союзных республик должны в точности воспроизвести санкцию, указанную союзным законодателем, и поэтому минимальной границей лишения свободы должно явиться 5 лет. (Так — Грузинский и Узбекский УК.)

4. Лишение свободы.

(Ст. 13, пп. „б“ и „в“; ст. 18.)

Основные Начала противопоставляют простое лишение свободы таковому же со строгой изоляцией, не давая никакой характеристики последней. Прием совершенно неправильный, ибо законодательства союзных республик могут вложить различное содержание в эту меру социальной защиты. Вопрос о более точном разграничении обоих видов лишения свободы с точки зрения классовой политики в уголовном праве был поднят на V съезде деятелей советской юстиции РСФСР. Эта классовая точка зрения отразилась и в нормах Исправительно-Трудового Кодекса РСФСР 1924 г. и УССР 1925 г.

¹ Осенью 1925 г. газеты сообщали о применении этой меры владивостокским губсудом к двум японским шпионам.

² См. также ст. 10 Основных Начал в ред. 1926 г.

Согласно п. 4 ст. 47 И-ТК, в изоляторы специального назначения направляются приговоренные к лишению свободы со строгой изоляцией лица, не принадлежащие к классу трудящихся и совершившие преступление в силу классовых привычек, взглядов или интересов, а равно лица, хотя и принадлежащие к трудящимся, но признаваемые особо опасными для республики или переводимые в порядке дисциплинарного взыскания.

И-ТК, изданный ВЦИК'ом, в области уголовного права имеет такое же значение, как и УК РСФСР. Вполне последовательно поэтому, что УК 1926 г. не дает никакой характеристики строгой изоляции, отсылая тем самым к И-ТК. Но между оценкой классового момента в последнем (в вопросе о строгой изоляции) и в Основных Началах (в нормах о влиянии на меру социальной защиты классовой принадлежности — ст. 31, п. „б“ и ст. 32, п. „б“) есть известное расхождение.

Поэтому союзному законодателю следует безусловно сказать свое веское слово о том, какие категории правонарушителей подлежат заключению со строгой изоляцией, и какие черты являются наиболее характерными для этой м. с. з. Тогда и в Особенной части строгая изоляция могла не быть связанной с определенными составами, а суд применял бы ее, руководствуясь Общей частью, оценкой социальной опасности данного правонарушителя.

Основные Начала кратко говорят, что лишение свободы устанавливается на срок не свыше десяти лет и обязательно соединяется с мерами исправительно-трудового воздействия (ст. 18, ч. 1). Максимальный срок установлен в соответствии с действующим правом. Что касается минимального срока, то, как мы видим, Основные Начала его не устанавливают. УК 1922 г. он был определен в 6 месяцев, затем он был снижен до 1 месяца и, наконец, до семи дней. Итти дальше¹ вряд ли представлялось бы целесообразным, просто хотя бы по практическим соображениям. Приговор к лишению свободы на 1 день означал бы напрасную трату сил администрации места заключения по выполнению (и не только формальных) правил приема и освобождения заключенного. Было бы поэтому необходимо, чтобы и минимум был установлен союзным законодателем, равно не мешало бы — в целях единства пенитенциарной политики — наметить основные ее черты.

Постановлением Президиума ЦИК'а и СНК Союза от 5/III 1926 г. (С. З., 1926 г., № 15, ст. 106) ст. 18 Основных Начал дополнена следующим примечанием: военнослужащие рядового и младшего начальствующего состава кадров рабоче-крестьянской Красной армии, приговоренные за воинские или общеуголовные преступления к лишению свободы на срок не более одного года без строгой изоляции и без поражения прав, направляются в штрафные части.

Содержание в штрафных частях на срок, не превышающий двух месяцев, отбывается в порядке, установленном для дисциплинарных арестов.

¹ Как поступил, напр., УК 1926 г., определив минимум лишения свободы в 1 день. Грузинский УК минимум определяет в 10, Узбекский в 7 дней.

5. Принудительные работы без лишения свободы.

(Ст. 13, п. „г“; ст. 19.)

Принудительные работы без лишения свободы, введенные в практику советского уголовного права уже в первые месяцы после революции, предусматриваются и Основными Началами. Последние указывают только максимум их — не свыше 1 года; как и в действующем праве минимум определяется, таким образом, союзными кодексами. В отношении этой м. с. з. не может быть возражений против установления минимума хотя бы в один рабочий день.

Несмотря на то, что практика принудительных работ далеко не является удовлетворительной, на сессии ЦИК не поднимался вопрос, нужно или нет сохранять впредь эту м. с. з. Но на ней довольно подробно остановился Крыленко на сессии ВЦИК'а при обсуждении УК 1925 г. в виду того, что было сделано во время составления проекта предложение ее исключить.

„Наш закон и наша партийная программа говорят, — сказал докладчик, — что принудительные работы без лишения свободы есть мера воздействия, которую мы должны возможно чаще применять в будущем. Она, как более целесообразная, более отвечающая нашим правовым воззрениям, чем лишение свободы, должна заменить собой последнее.

„Практика, однако, показала, что принудительные работы без лишения свободы на девять десятых вследствие несовершенства нашего аппарата, бедности наших финансов — фикция, и что мы до сих пор не сумели их правильно организовать. Поэтому целый ряд мест требовал исключить вовсе принудительные работы из мер репрессий для правонарушителей или установить замену их тюрьмой.

„Мы не сочли возможным пойти на это, — сказал докладчик, — и отказаться от принудительных работ, как меры воздействия. Мы полагаем, что по мере укрепления нашего государственного строя, по мере накопления материальных богатств, со временем мы сумеем дело поправить, но теперь от этой меры, диктуемой партийной программой, мы отказаться не можем“ (353).

Согласно Основным Началам, характер и организация принудительных работ, а также порядок замены принудительных работ лишением свободы определяются законодательством союзных республик. Постановка — глубоко правильная, так как данная м. с. з. связана с местными условиями, в частности условиями городской и сельской жизни той или другой республики или отдельной ее области. Само собой разумеется, что принудительные работы должны быть проводимы в соответствии со второй частью ст. 4 Основных Начал. В примечании к ст. 19 в редакции 1924 г. указывалось, что военнослужащие отбывают принудительные работы в штрафных воинских частях. Постановлением Президиума ЦИК Союза и СНК от 5/III 1926 г. (С. З., 1926 г., № 15, ст. 106) это примечание изменено. Для военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава кадров рабоче-крестьянской армии принудительные работы без лишения свободы заменяются лишением свободы на срок, равный одной шестой подлежащего применению срока принудительных работ.

В УК РСФСР 1926 г. принудительные работы назначаются на срок от одного дня до одного года. Три дня принудительных работ приравниваются одному дню лишения свободы (ст. 30, см. также ст. 29, часть 3). Содержание и порядок отбывания принудительных работ определяются И-ТК.

УК 1926 г. значительно расширил применение принудительных работ. Узбекский УК предусматривает работы на срок от 7 дней до 1 года, Грузинский — на срок не свыше 1 года.

6. Поражение прав.

(Ст. 13, п. „д“; статьи 20, 21.)

Руководящие Начала по уголовному праву 1919 г. в числе наказаний упоминали „лишение политических прав“ (ст. 25, п. „к“), не определяя ближе содержания этой меры социальной защиты. Эпоха военного коммунизма была такова, что на первый план выдвигались обязанности, а не права. Поэтому не удивительно, что лишь декретом 5 мая 1921 г. было указано, при каких преступлениях должен быть поставлен вопрос о том, является ли осужденный опороченным по суду и подлежащим вследствие этого ограничению в правах. Этим же декретом определено и содержание ограничения прав — нормы, составившие в УК 1922 г. статьи 40 и 41, а также отчасти ст. 48.

По УК 1922 г. правопоражения являются наказаниями исключительно дополнительными. Согласно ст. 14 Основных Начал, поражение прав может назначаться не только в качестве дополнительной, но и самостоятельной меры социальной защиты.

Поражение прав по Основным Началам заключается в лишении: а) активного и пассивного избирательного права; б) права быть членом общественных и профессиональных союзов и в) права занимать те или иные государственные должности, исполнять общественные обязанности и носить почетное звание. Проект КК упоминал еще в п. „г“ о поражении „прав имущественных“. Как известно, ст. 40 УК РСФСР в редакции, принятой ВЦИК'ом 10/vii 1923 г., говорила о поражении имущественных прав, переименованных в ст. 5 Гражд. Кодекса. Благодаря такой „огульной“ формуле, пункт „г“ оказался совершенно нежизненным.¹

Ни КЗП ни СНК не упоминают о поражении имущественных прав. Из УК 1922 п. „г“ ст. 40 был исключен постановлением Президиума ВЦИК'а от 11/viii 1924 г.²

Лишение почетного звания введено проектом СНК.

Проект КК предусматривал поражение „всех“ прав (ст. 24) и поражение отдельных прав. Поражение отдельных прав как в отношении перечня, так и в отношении порядка поражения устанавливалось по проекту (ст. 25) законодательством союзных республик. Проект КЗП различал поражение прав и поражение отдельных прав (ст. 17, п.п. „д“ и „е“), но совершенно правильно избегал упоминания о „всех“

¹ Более правильно поступил украинский законодатель, введя (10/x 1923 г.) поражение одного или нескольких из следующих гражданских прав: права участия в обществах и союзах, права владеть домостроениями и арендовать таковые, права совершать те или иные сделки и т. д. (ст. 40).

² В известном объеме поражение гражданских прав в виде м. с. з. тем же постановлением перенесено в ст. 46, п. „в“, — а именно воспрещение организовывать и эксплуатировать комиссионные и торговые предприятия и руководить такими же предприятиями других лиц.

правах, так как это напоминало бы о дореволюционном лишении „всех прав состояния“, „всех особенных прав и преимуществ“.

Основные Начала говорят только о „поражении прав“ (как и СНК, ст. 13, п. „е“), не упоминая о возможности дробить правопоражения, но думаем, что ничто не может помешать союзным республикам прибегнуть к этому. Ибо только при таком условии и получает огромное уголовно-политическое значение применение данной м. с. з. в качестве самостоятельной.

УК 1922 г. в ст. 42 предусматривает поражение прав в том случае, „если суд признает осужденного опороченным по суду“ (формула, перешедшая из декрета 5 мая 1921 г.). Основные Начала (как и проекты) отказались от этой формулы. И совершенно правильно. Прежде всего, сама терминология носит привкус блаженной памяти устава о предупреждении и пресечении преступлений, где целый раздел посвящен „порочному и развратному поведению“ различных категорий российских подданных, который предоставлял „обществу сельских обывателей“ право удалять „вредных и порочных членов“ из своей среды.

Вместе с тем и по существу совершенно неправильно связывать то или иное ограничение в правах обязательно с нравственной оценкой осужденного. Условием применения правопоражений должны явиться характер и степень социальной опасности осужденного, часто ничего общего не имеющие с нравственной оценкой деяния.

В советском праве поражение прав всегда было факультативным.¹ Основные Начала, как и проекты, остались на той же точке зрения. Единственным отступлением является „лишение гражданства Союза ССР“, связанное с объявлением врагом трудящихся и вечным изгнанием из Союза.

Основные Начала (проекты) не содержат указания действующего права (ст. 42 УК) о том, что суд должен обязательно ставить на свое обсуждение вопрос о поражении прав, если в УК за данное деяние указана санкция в виде лишения свободы на срок более года или другое, более тяжкое наказание. Проф. Люблинский считает эту норму имеющей более процессуальный характер, она должна быть понимаема в том смысле, что в приговоре суда должны быть отмечены мотивы, по которым суд назначил в таких случаях, или не назначил правопоражение (комментарий). По нашему мнению, эта норма имеет и большое материальное значение. Она как бы принципиально связывает поражение прав с основным наказанием определенной тяжести. Поскольку же эта м. с. з. может применяться самостоятельно или назначаться как отдельное правопоражение, правило ст. 42 УК теряет всякий смысл.

Для советского уголовного права характерным является срочность правопоражений. Уже декрет 5 мая 1921 г. установил срок ограничений в правах — в пять лет, принятый и УК 1922 г. Исключение составляет ст. 147, ч. 2, не вошедшая в соответствующую статью УК 1926 г. (ст. 139).

¹ Исключение составляли статьи 81д и 140^а УК 1922 г., Ст. 205^в УК, содержащая такое же отступление, потеряла силу с изданием союзного Положения о воинских преступлениях.

Основные Начала (проекты) устанавливают такой же срок. Бессрочным является лишение гражданства Союза ССР по ст. 13, п. „а“.

Вторая часть ст. 20 Основных Начал устанавливает, что при одновременном назначении лишения свободы правопоражения распространяются на все время отбывания заключения и, сверх того, на срок, указанный судом. Правило, воспроизводящее УК 1922 г. (прим. 1 ст. 40).

Не вошло в Основные Начала (отсутствует и в проектах) прим 2 к ст. 40 УК, говорящее о том, что военнослужащие, присужденные к наказанию, соединенному с поражением прав, исключаются из Красной армии и флота на весь срок поражения прав, означенный в приговоре суда.

УК 1922 г. особо упоминал (ст. 41) о лишении ордена Красного или Трудового Знамени. Таковой приговор должен обязательно быть представлен на утверждение ВЦИК'а.

Проект КК при поражении всех прав обязывал, а при поражении некоторых прав — представлял суду входить с представлением в соответствующий ЦИК о лишении ордена Красного и Трудового Знамени и иных знаков отличий, назначаемых ЦИК'ами союзных республик. Лишение прочих знаков отличий или почетных званий зависело от усмотрения суда (ст. 26).

Проект КЗП проводил по существу то же различие (ст. 26). Проект СНК, говорящий вообще о „поражении прав“ (см. выше), обязывает суд входить в этом случае с представлением в соответствующий ЦИК (ст. 21). Основные Начала воспроизвели статью проекта СНК, дополнив ее примечанием, взятым из проекта КК, о том, что лишение прочих знаков отличий или почетных званий производится постановлением суда (ст. 21).

Нельзя не признать, что ст. 21 является довольно-таки неясно сформулированной и допускает различное истолкование. Как мы видели, в первых проектах суд был связан при поражении совокупности прав, а не при поражении какого-либо отдельного права. С точки зрения уголовной политики — прием, наиболее заслуживающий внимания.

Возникает, наконец, вопрос, является ли лишение орденов и пр. бессрочным. Чельцев-Бебутов считает, что необходимо различать лишение приобретенных прав и лишение правоспособности. Последнее всегда срочно, но ордена и почетные звания не возвращаются по истечении срока правопоражений (украинский комментарий).

Мы полагаем, что восстановление в правах (см. ниже, гл. XV) должно охватывать и случаи этого рода.

При обсуждении проекта УК 1925, в ст. 31, говорящую о правопоражениях, внесено существенное изменение. Эта статья предусматривала в согласии с действующим правом и Основными Началами право суда лишать не только политических прав, но и права быть членом общественных и профессиональных организаций.

„Комиссия (сессии ВЦИК'а), — сказал докладчик Крыленко, — стала на ту точку зрения, что в условиях нашего советского государства лишение права быть членом профессиональной организации для трудящегося в большинстве случаев равносильно прекращению источников его существования. Поскольку член профессиональной организации пользуется у нас большими возможностями приложить свой труд в целом ряде отраслей хозяйства, комиссия нашла необходимым исключить такую категорическую формулу, тем более, что сами профсоюзы при поражении политических прав исключают из профсоюза лицо, пораженное в указанных правах. Комиссия поэтому при-

знала нецелесообразным вносить этот пункт в текст нашего закона. Однако в виду того, что ст. 20 Основных Начал содержит этот пункт, мы вынуждены ввести его в текст так, как он есть в Основных Началах, но при этом возбуждаем вопрос о соответствующем изменении ЦИК'ом Союза ССР ст. 20 Основных Начал" (583).

С другой стороны, УК 1925 г. в ст. 31 говорит о поражении не только „политических“, но и „гражданских“ прав, относя к последним: право занятия выборных должностей в промышленных или торговых организациях и обществах (ст. 31, п. „г“) ¹ и лишение родительских прав (УК 1926 г., ст. 31, п. „в“). ²

УК 1925 г. указывает, что поражение прав может назначаться осужденному как полностью, по всей совокупности перечисленных в ст. 31, пп. „а“—„д“ прав, так и по отдельным категориям их (ст. 31, ч. 2).

УК 1925 г. восстановил ст. 42 УК 1922 г., предписывая суду входить в обсуждение вопроса о лишении осужденного прав всякий раз, когда приговор заключается в лишении свободы на срок больше одного года (ст. 34). Сессия добавила ст. 34 указанием, что при назначении более мягкой меры поражение прав не допускается. Это дополнение совершенно не согласовано ³ с возможностью назначать правопоражения в качестве самостоятельных мер соц. защиты (Осн. Нач., ст. 14, УК, 1925 г., ст. 35).

Грузинский УК, проект Украинского УК и Узбекский УК в вопросе о поражении профсоюзных прав остались на почве Основных Начал.

СНК Союза согласился с представлением ВЦИК'а. В проекте, представленном на сессию ЦИК'а Союза, предлагалось исключить п. „б“ ст. 20, т. е. лишение „права быть членом общественных и профессиональных организаций“. На сессии противником этого предложения выступил Крыленко, считавший, что „лишить суд этого права означает уменьшить возможность защиты общества от преступлений“. В заключительном слове Крыленко указал, что „это было бы вторжением в ту область, которая предоставлена профсоюзному движению, знающему лучше, применить или не применить соответствующую статью устава о принадлежности преступника к профсоюзу“.

Сессия приняла проект СНК. Постановлением президиума ЦИК'а и СНК Союза от 13 VIII 1926 г. исключен п. „б“ ст. 20 (С. З. 1926 г. № 55, ст. 401). Соответственно этому УК РСФСР 1926 г. не ввел этого пункта в ст. 31. В остальном УК 1926 г. (см. статьи 31, 32, 33, 34, а также 23) повторяет УК 1925 г.

7. Высылка и ссылка.

(Ст. 13, п. „ж“; ст. 22.)

Основные Начала противопоставляют вечному изгнанию из пределов Союза ССР удаление из пределов Союза на срок. В проекте КК последняя м. с. з. не составляла отдельного пункта, а была помещена на ряду с удалением из пределов отдельной союзной республики и т. д. (ст. 16, п. „ж“). КЗП не упоминала вообще об удалении из пределов Союза. Проект СНК на ряду с объявлением врагом трудящихся с лишением гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР (ст. 13, п. „а“) особо говорил просто об изгнании из пределов Союза с лишением или без лишения гражданства Союза (ст. 13, п. „б“).

¹ Это правопоражение входит в ст. 46, п. „в“, У.К. 1922 г.

² Ст. 46, п. „е“ УК 1922 г.

³ Никак нельзя поэтому его считать „изменением редакционного характера“ (583).

Сессия ЦИК'а стала на ту точку зрения, что „изгнание из Союза, извержение из пределов Союза может иметь место только в случае объявления врагом трудящихся, и в этом случае объект подлежит изгнанию навсегда и бессрочно. Что же касается изгнания из пределов Союза ССР (ст. 13, п. „б“), то таковое может быть только срочным и может являться лишь удалением. Поскольку речь идет о враге трудящихся, мы извергаем таковое лицо из своей среды навсегда, объявляя его врагом и лишая его гражданства Союза. Но, если мы признаем, что данный гражданин не подлежит лишению высокого звания гражданина Союза ССР, то в таком случае мы считаем, что этот гражданин, будучи удален из пределов Союза ССР на определенный срок, находясь вдалеке от Советской Республики, от нашей трудовой обстановки, в условиях капиталистического мира, может притти к сознанию преступности совершенных им деяний, и соответственно сему он может перестать быть социально опасным“ (600).

Проект КК совершенно обошел молчанием вопрос о сроках удаления из пределов Союза, из пределов союзной республики и т. д. Но в ст. 27, ч. 2 он устанавливал, что „высылка за пределы Союза ССР или на территорию другой союзной республики допускается лишь в порядке, особо определяемом общесоюзным законодательством“. В проекте КЗП эта часть статьи (также 27) дополнена указанием, что м. с. з.,¹ упоминаемые в настоящей статье, назначаются на срок не свыше 3-х лет.

Проект СНК восстановил удаление из пределов Союза, включив эту м. с. з. в особый пункт ст. 13 (п. „б“ — изгнание без объявления врагом трудящихся). Но в дальнейшем забыл об этой м. с. з. и не посвятил ей, как это сделано по отношению к другим м. с. з., статьи, обрисовывающей условия ее применения и содержание ее. То же самое получилось и в Основных Началах.

Во всяком случае несомненно, что порядок удаления из пределов Союза определяется общесоюзным законодательством. Это вытекает не только из существа данной меры, но уже из того, что согласно Основным Началам даже удаление из пределов союзной республики определяется законодательством Союза (ст. 22, ч. 2). Этот же союзный закон должен установить и сроки удаления, высылки из Союза. Этим законом должна быть предусмотрена санкция заменяющая и санкция за самовольное возвращение, так как ею не могут быть м. с. з., установленные за самовольное возвращение при вечном изгнании, о которых говорит ст. 17 Основных Начал.

УК 1926 г. предусматривает, как особую м. с. з., „удаление из пределов Союза ССР на срок (ст. 20, п. „е“). В ст. 36 указывается, что удаление за пределы Союза ССР и РСФСР допускается лишь в порядке, особо определенном общесоюзным законодательством. Но противоречием этой норме (Основным Началам) является установление ст. 35 срока удаления (не более 5 лет). Специально для этого вида высылки Союз может установить и больший и меньший срок.

УК 1922 г. знает „удаление из определенной местности“, как м. с. з. в тесном смысле — ст. 46, п. „г“. Эта м. с. з. состоит в том, что согласно ст. 49 УК лица, подвергнутые ей, лишаются права пребы-

¹ Удаление из пределов Союза, как уже было отмечено, не вошло в число мер социальной защиты.

вания в определенных местностях на срок не свыше трех лет. Как разъяснил НКЮ РСФСР, эта мера „должна носить характер лишения права пребывания в определенной местности, но не может быть сопровождаема назначением определенного местожительства (циркуляр от 28/xi 1922 г., № 154. „Ежен. Сов. Юст.“ 1922 г., № 46-47).¹ Приговор приводится в исполнение распоряжением НКВД.

Данная м. с. з. вошла и в Основные Начала (проекты),² несмотря на то, что никаких положительных результатов простая высылка не приносила на практике.

При обсуждении УК 1925 г. Крыленко указал, что в отношении этой меры „со стороны мест поступает целый ряд возражений. Губисполкомы говорят: „избавьте нас от неурегулированного наводнения нашей губернии преступными, неустойчивыми элементами по приговорам нар. судов“. Рязанская, Костромская, Иваново-Вознесенская и другие губернии говорят: „Мы не хотим, чтобы из Москвы нам присылали преступный элемент, мы требуем, чтобы этот вопрос был урегулирован“ (354).

Новым в Основных Началах является возможность соединять удаление „с поселением в тех или иных местностях“. Такое поселение возможно и по действующему праву, но предоставлено оно не судебным, а исключительно административным органам.

Отменив внесудебные репрессии 6 февраля 1922 г. декретом о Госуд. Полит. Упр. (С. У., 1922 г., № 16, ст. 10), советская власть ввела административную высылку за границу или в определенные местности РСФСР лиц, „причастных к контр-революционным выступлениям“ (С. У., 1922 г., № 51, ст. 646). В дополнение к этому акту декрет 15 октября того же 1922 г. предоставляет образованной, согласно декрету о высылке, комиссии при НКВД „право высылать и заключать в лагерь принудительных работ на месте высылки на срок не свыше трех лет: а) деятелей антисоветских политических партий (статьи 60, 61, 62 УК) и б) лиц, дважды судившихся за преступления, предусмотренные статьями 76, 85, 93, 140, 170, 171, 176, 180, 182, 184, 189, 190, 191 и 220 УК (С. У., 1922 г., № 65, ст. 844). В этом декрете имеются ссылки на определенные статьи, но Инструкция от 3/1 1923 г. по применению постановления ВЦИК'а, изданная НКВД и ГПУ (С. У., 1923 г., № 8, ст. 108), говорит общим образом об административной высылке лиц, „пребывание коих в данной местности представляется по их деятельности, прошлому, связи с преступной средой с точки зрения охраны революционного порядка опасным“.

28 марта 1924 г. ЦИК'ом Союза ССР издано Положение о правах ОГПУ в части административных высылки, ссылок и заключений в концентрационный лагерь. „На основании этого положения, — говорит проф. Елистратов, — во всеобщее сведение не опубликованного, прежние правила об административной высылке существенно видоизменяются, применение высылки расширяется на валютчиков и прочих лиц, причастных к экономической контр-революции, а также на притонодержателей и другие подобные категории социально-паразитического элемента.

¹ Подтверждено и в реш. УКК, Верховсуда РСФСР от 14/x 1924 г. Сборник определений за 1924 г., стр. 33.

² С запрещением проживания в отдельных местностях или без этого. Срок установлен в 5 лет. Такая высылка (сроком до трех лет) предоставлена по действующему праву административным органам.

В деле применения этой высылки руководящая роль предоставляется органам ОГПУ; законность действия ОГПУ контролируется прокуратурой".¹

Почти в одно время с изданием акта 28 марта, несколько предшествуя ему, происходил V всероссийский съезд деятелей юстиции (10—15 марта 1924 г.) Как известно, в своем докладе „Карательная политика и усиление в ней классового принципа“ Крыленко выдвинул необходимость выделять лиц, не принадлежащих к классу трудящихся и совершивших преступление в силу классовых привычек, взглядов или интересов, и направлять их в изоляторы специального назначения. Но наряду с ними „и лиц, хотя бы из пролетарского класса, но безусловно социально опасных“. „Не будем же мы на основании политического принципа, — сказал докладчик, — не сажать бандитов в эти изоляторы. Мы их тоже туда посадим, какого бы класса пролетарского они ни были. И в этом отношении, — добавил Крыленко, — прав т. Дзержинский, который говорил, что он считает крайне целесообразным поставить вопрос о колонизаторской политике, об Обдорске, об острове Калгуеве и др. таких хороших, но отдаленных местах, в которых их поневоле можно будет заставить заниматься производительным трудом. Этот вопрос должен быть поставлен на обсуждение, и принцип этот должен быть во всяком случае выдвинут“.²

В прениях никто по вопросу о высылке в отдаленные местности не высказывался, но в тезисах, принятых съездом, имеется тезис одиннадцатый (его не было в тезисах, предложенных докладчиком съезду) следующего содержания:

„Признать правильным предложение о введении высылки по суду социально-опасных элементов, взамен заключения их на длительный срок, в особо отдаленные местности, где бы высылаемые были поставлены в необходимость заниматься производительным трудом, в целях пропитания“.

Учитывая постановления съезда, КК внесла в проект м. с. з. в виде удаления, соединенного с поселением „в тех или иных местностях“ (ст. 16, п. „ж“). Проекты КЗП и СНК сохранили эту меру, и она перешла и в Основные Начала. Но, как сразу бросается в глаза, ни проекты ни Основные Начала ничего не говорят об „особо отдаленных местностях“, прибегая к более широкой формуле. Кроме срока — 5 лет, — никаких более определенных указаний на содержание данной м. с. з. Основные Начала не дают.

Совершенно правильно указывает Ширвиндт, что гораздо ближе к понятию лишения свободы, чем удаление из определенной местности, — удаление, соединенное с поселением в определенной местности. „Дальнейшая судьба ссыльного, — говорит автор, — не безразлична для государства; оно не может оставлять его без поддержки и опеки и этим

¹ Административное право РСФСР, 1925 г., стр. 87. „Некоторая неувязка ролей ОГПУ и НКВД, — замечает проф. Елистратов, — в деле административной высылки, в связи с принципиальными юридическими вопросами, возникающими по поводу акта 28 марта 1824 г., побудила НКВД выработать новый проект, задающийся целью строгого законного урегулирования административных высылков в РСФСР, в согласии с требованиями союзного характера“.

² Стенографический отчет, стр. 233.

самым предопределяет установление для ссыльного определенного режима".

Ширвиндт считает, что формы организации „поселения в тех или иных местностях“ могут сильно приближаться к формам организации лишения свободы, установленным И-ТК.¹

УК 1925 г. предусмотрел, конечно, такую м. с. з., как „удаление из пределов данной местности с обязательным поселением в иных местностях“ (ст. 20, п. „ж“). Мест „обязательного поселения“ устанавливаются НКВД по соглашению с НКЮ (ст. 35, последний абзац).

Но, вводя эту меру, идя навстречу требованиям мест не наводнять их преступным элементом в порядке простого „удаления“, ссылка, как сказал докладчик Крыленко, не должна назначаться за любое преступление: „ссылать в Нарымский, Туруханский и Киргизский края без всякого порядка, за всякое преступление нельзя“.

Поэтому УК 1925 г., а за ним и УК 1926 г. точно указывают статьи преступлений, по которым может даваться ссылка. „Внимательный анализ этих статей, — сказал докладчик, — покажет, что здесь мы исходили из принципа наибольшей социальной опасности данных лиц и лишь в отношении тех преступлений, которые развращают, извращают, колеблют и отравляют нашу атмосферу“ (355).

По ст. 36 УК 1926 г. отнесены к числу преступлений, по которым можетлагаться ссылка на поселение, предусмотренные следующими статьями: 58³—58¹³, 1 ч. 59³, 59⁴, 59⁶, 59⁸, 59⁹, 59¹², 2 ч. 74, 104, 107, 129, 155, пп. „в“ и „д“ 162, 2 ч. 164, 3 ч. 165, 166, 167, 193¹⁵ и 193¹⁶.

Большим недостатком Основных Начал (также как и УК 1926 г.) является, что они совершенно не определяют, в чем должен заключаться режим „поселения“.

Не представляет, однако, никаких сомнений, что советская ссылка не может и не должна походить на дореволюционную ссылку на поселение, когда сосланные бросались на произвол судьбы. История дореволюционной ссылки показала всю несостоятельность этой меры, и она явно шла к естественной смерти. Поэтому нелепо было бы возрождать ее в настоящее время. Это противоречило бы и ст. 4 второй ч. Основных Начал.

Но вместе с тем должны быть использованы и „особо удаленные местности“. Подобная ссылка действительно изолировала бы наиболее социально-опасные элементы от преступной среды больших городов, чего не мыслимо достигнуть при содержании этих элементов в местах заключения, находящихся в городах или близ городов. Затем, при таких естественных условиях, в каких, напр., находятся Соловки, возможно введение полусвободного режима, с передвижением на пространстве нескольких десятков квадратных километров. Возможна и изоляция нарушающих этот режим на том или другом небольшом острове, входящем в группу Соловков.

Союз располагает, к сожалению, более или менее значительными островами лишь на севере, а между тем только островное положение гарантирует невозможность побегов. На материке мыслима лишь организация внешних работ в отдаленных местах.

Помимо специального предупреждения, такая ссылка, несомненно будет иметь большее значение, общепредупредительное, чем современные изоляторы.

¹ „Наше исправительно-трудовое законодательство“, 1926 г., стр. 25.

Удаление простое и ссылка могут, согласно Основным Началам, применяться в качестве или самостоятельной, или дополнительной меры социальной защиты (ст. 14). Поскольку речь идет о ссылке в отдаленные местности, ссылке с определенным пенитенциарным режимом, нам казалось бы более предпочтительным применять ее как самостоятельную меру, но в этом случае следовало бы срок ее увеличить до десяти лет (как и при лишении свободы). Впрочем, можно и по действующему праву фактически срок ссылки установить в десять лет, так как закон не запрещает отбывать лишение свободы и в особо удаленной местности. Таким лишением свободы является и ссылка.

При сроке в 10 лет возможно проведение ссылки по началам прогрессивной системы.

О высылке и ссылке на основании Грузинского и других УК см. главу V, 2.

8. Увольнение от должности.

(Ст. 13, п. „з“.)

Ни Основные Начала ни проекты не определяют содержания этой меры. УК в статье 43, послужившей источником п. „з“ ст. 13, определял ее, как меру наказания, „вытекающую из признания судом невозможности оставления обвиняемого в занимаемой им в момент осуждения должности“.

Увольнение от должности может быть применяемо согласно ст. 14 Основных Начал в качестве самостоятельной или дополнительной меры социальной защиты. Само по себе оно не лишает осужденного права поступить вновь на эту же или подобную должность. Последнее предусматривается Основными Началами как особая мера социальной защиты (ст. 13, п. „и“).

Увольнение от должности по суду противопоставляется такому же увольнению в дисциплинарном порядке. Последний определяется или союзным законодательством (в отношении должностных лиц Союза), или законодательством союзных республик.

УК 1926 г. известно увольнение от должности „с запрещением занятия той или другой должности или без такового“ (ст. 20, п. „з“). Предпосылкой применения этой меры, как и в УК 1922 г., является признание судом невозможности оставления осужденного (редакционно более правильно, чем в УК: обвиняемого) на занимаемой им в момент осуждения или совершения преступления должности. Запрещение занимать ту или иную должность назначается на срок не свыше 5 лет (ст. 37). Сходно в Грузинском и Узбекском УК.

9. Запрещение занятия той или иной должности или занятия той или иной деятельностью или промыслом.

(Ст. 13, пункт „и“ ст. 23.)

На Основных Началах сказалось противопоставление: наказание — меры социальной защиты в тесном смысле, свойственное УК 1922 г. Поэтому, вместо того, чтобы отнести такую м. с. з., как запрещение занимать ту или иную должность и т. д., к правопоражениям, Основные Начала отводят им особое место.

Ст. 23 страдает известным редакционным недочетом: в ней не говорится о запрещении занятия той или иной должности. Само собой разумеется, что срок как этого запрещения, так и запрещения заниматься определенной профессией или промыслом не должен превышать пяти лет.

М. с. з., предусмотренные п. „и“ ст. 13, могут быть применяемы как в качестве самостоятельных, так и в качестве дополнительных мер социальной защиты (ст. 14).

Основные Начала не сочли нужным указать предпосылки применения этих мер социальной защиты. Иначе УК 1926 г. Подобно УК 1922 г. он указывает, что запрещение занятия определенной деятельностью или промыслом применяется в тех случаях, когда суд признает невозможным, вследствие установленных злоупотреблений осужденного при занятии своей профессией или промыслом, допустить дальнейшее его занятие таковыми (ст. 38, ч. 1).

Во второй части ст. 38 УК 1926 г. указывает, что „в частности“ суд в праве воспретить осужденному принимать на себя обязательства по государственным подрядам и поставкам, заключать сделки с государственными, общественными и кооперативными предприятиями и учреждениями, руководить от себя или по поручению других лиц торговыми или комиссионными предприятиями.

Грузинский УК дает такую же редакцию, Узбекский — редакцию УК РСФСР 1922 г.

10. Общественное порицание.

(Ст. 13, п. „к“; ст. 24.)

Данная м. с. з., взятая из действующего права, предусматривалась во всех проектах. Основные Начала определяют общественное порицание как выражение приговоренному осуждения за совершенное им преступление.

Проект СНК говорил не только о выражении судом, но и об опубликовании от имени суда этого осуждения.

УК 1925 г. определяет общественное порицание как публичное выражение осуждения от имени суда (статья 20 п. „к“, 39). Сходно Грузинский и Узбекский УК.

11. Конфискация имущества.

(Ст. 13, п. „л“; статьи 25, 26.)

Революционная французская буржуазия не прочь была под тем или другим предлогом экспроприровать земли духовенства и дворянства, но установившийся буржуазный строй не совместим с так называемой общей конфискацией в отличие от специальной — отобрания орудий преступления, вещей, добытых преступлением, или вещей, изъятых из оборота.

Эта мысль очень хорошо была выражена в представлении министра юстиции в государственный совет в 1871 г. по проекту изменения лестницы наказаний: „Самое существование в законе подобного постановления, идущего в разрез с основными началами права собственности, — говорится в представлении, — не может не колебать того доверия к прочности и неприкосновенности имущественных прав, которое должно ле-

жать в основе всякого благоустроенного общества, и затем не может не отразиться на развитии благосостояния и экономического быта страны". „Нельзя при этом, — продолжает представление, — не указать на то, что и в политическом отношении конфискация причиняет почти всегда неисчислимый вред. Не останавливая самих преступников, она в оставшемся на родине населении возбуждает раздражение и неудовольствие против правительства и поддерживает, таким образом, волнение края, потрясенного возмущением, уже после того, как это возмущение подавлено, препятствуя окончательному умиротворению края и приведению его в нормальные условия“.¹

Второй мотив, приводимый министром юстиции, имел в виду, по всей вероятности, те массовые конфискации поместий, которые были произведены правительством Александра II при подавлении польского восстания.

До введения в действие в 1904 г. главы уложения 1903 г. о государственных преступлениях сохраняла свою силу ст. 225 уложения о нак. 1845 г. На основании последней за участие в бунте или заговоре против власти верховной или же государственной измене в некоторых особых обстоятельствах и вследствие особых о том постановлений или распоряжений правительства, делаемых повсюду или в отдельных частях империи перед началом войны или при внутренних смятениях, или же на случай возобновления или возбуждения оных, полагалась конфискация всего родового и благоприобретенного имущества, на основании устанавливаемых в то время для сего подробных правил.

Но никаких особых постановлений после польского восстания не издавалось. Не прибегало правительство к этому виду наказания ни в японскую войну, ни в революцию 1905 г. и обходилось без него в мировую войну. Капитализм рос с каждым годом, и правительство, хотя бы и самодержавное, не могло не считаться с его требованиями.

Октябрьская революция, поставившая в порядок дня экспроприацию экспроприаторов, не могла не провести в самых широких размерах конфискацию имущества бывших привилегированных классов: национализация, муниципализация, конфискация движимого имущества в революционном порядке местной властью. В эпоху гражданской войны конфискация в качестве меры социальной защиты применялась сравнительно редко, потому что мало что уже оставалось доконфисковывать. Более действительное значение имела эта мера в борьбе с дезертирством и нарушениями подразверстки.

Уголовный Кодекс 1922 г. предусматривал общую конфискацию в 55 статьях (28% статей). В этом сказалось как влияние уголовного права предшествующего периода, так и учет возможности накопления имущества в условиях новой экономической политики среди новой буржуазии. Страх потерять свое имущество мог оказать более сильное мотивационное влияние на нее, чем угроза лишением свободы.

На основании ст. 50 УК 1922 г. суду предоставляется присоединить конфискацию и к другому наказанию, непосредственно предусмотренному той или иной статьей, но это ограничено тем условием, что

¹ Цит. по Таганцеву: Лекции, т. II, стр. 1271.

дополнительное наказание, в данном случае конфискация, должно быть менее тяжелым¹, чем основное наказание.¹

В отношении трудящихся, в особенности крестьян, после издания УК 1922 г. конфискация, как мера социальной защиты, потеряла в значительной степени свое значение. Острота положения, вызываемая существованием фронтов, давно миновала, и тем не менее ст. 205 и сл. УК предусматривали обязательную конфискацию на сумму не менее 200 р., не менее 300 р. и за третий побег в мирное время — всего имущества. В литературе указывалось, что, прежде всего, нетрудовой элемент в Красную армию вообще не призывается. Затем, красноармеец, у которого дома есть кому работать, дезертирует редко. Дезертируют, главным образом, маломощные крестьяне, необходимые в семье работники. Наконец, и привести в этих случаях наказание в исполнение зачастую невозможно.²

Союзное Положение о воинских преступлениях 31 октября 1924 г. учло указания практики и отменило конфискацию за побег красноармейца в мирное время (статьи 6, 7).

Сами же Основные Начала 1924 г. по вопросу о конфискации не сказали нового слова. Ст. 14 воспроизвела, прежде всего, ст. 50 УК, предоставляя применять конфискацию в качестве и самостоятельной и дополнительной меры социальной защиты, в последнем случае без указания, что она должна быть менее тяжелой, чем основная мера. Ст. 25 Основных Начал воспроизводит далее почти дословно ст. 38 УК. Законодательству союзных республик предоставляется определить количество необходимого для профессиональной работы инвентаря, предметов питания и денежных сумм, подлежащих оставлению осужденному.³

В ст. 25 отсутствует указание второй части ст. 38 УК. — о праве суда конфисковать инвентарь, необходимый для профессиональной работы осужденного, если он постановит о лишении его права заниматься соответствующей профессией.

Ст. 26 Основных Начал устанавливает пределы ответственности государства по обременяющим имуществом долгам и обязательствам, а равно и очередь претензий, подлежащих удовлетворению за счет конфискуемого имущества. Как и в УК, на первом месте стоят получатели заработной платы. На второе место Основные Начала ставят органы социального страхования, противопоставляя их другим госорганам (третье место). Проект КЗП содержал ценную мысль: в первую очередь должны были быть удовлетворяемы претензии не только по заработной плате, но и потерпевшего от преступления.

¹ Это условие является обязательным и в отношении буржуазии, что упускает из виду Пионтковский (стр. 100). Справедливо, между прочим, замечает Люблинский, что „дейтельная разработка случаев и форм применения конфискации, которую мы наблюдаем в Особенной части, свидетельствует о том, что во всех случаях, когда это наказание является уместным, законодатель сам предусматривает не только возможность назначения его, но и степень обязательности для судьи и даже размер его“. (Комментарий. „Право и Жизнь“, стр. 105).

² Малкис, „Конфискация имущества по ст. ст. 205, 205-а и т. д. УК“ („Еженед. Сов. Юст.“, 1924 г., № 19-20).

³ О „денежных суммах“ УК 1922 г., когда денежное хозяйство только еще начинало развиваться, не упоминал.

Наконец, за конфискацией Основными Началами сохранен характер как самостоятельной, так и дополнительной меры социальной защиты (ст. 14).

III Съезд Советов Союза ССР, обсуждавший с большим вниманием вопросы советского строительства, принял 20 мая 1925 г. постановление, которым на Президиум ЦИК'а Союза возлагалось: „Выработать и издать постановление об ограничении конфискации имущества по суду, а также продажи имущества за неуплату налогов, штрафов и т. п. (С. З., 1925 г., № 35, ст. 247).

До сих пор, однако, союзные нормы об ограничении конфискации по суду не изданы, хотя КЗП выработан проект новой ст. 25 и 25¹ Основных Начал.¹

УК 1925 г. внес существенное ограничение в области применения конфискации, тем, что согласно ст. 23 (УК 1926 г., та же статья) последняя в качестве дополнительной меры может быть назначаема судом лишь в случаях, статьями самого Кодекса оговоренных.² Украинский проект, Узбекский УК поступили точно так же. Иначе Грузинский УК.

По предложению комиссии сессии ВЦИК'а, ст. 40 Кодекса, „существенная для крестьянского быта“, была уточнена указанием, что конфискации подлежит только личное имущество осужденного или доля в общем имуществе (583). „Как ни элементарна эта оговорка,—замечает проф. Мокринский,—она была далеко не лишняя: практика дает примеры, когда наряду с имуществом осужденного конфисковывалось и такое, которое осужденному не принадлежало, но находилось в жилище осужденного или входило в состав оборудования торгового или промышленного предприятия, общего с осужденным“ (указ. статья).

12. Штраф.

(Ст. 13, пункт „м“, ст. 27.)

Руководящие Начала по уголовному праву 1919 г. в перечне наказаний совершенно не упоминали о штрафе. Впервые эту меру вводит УК 1922 г. Основные Начала в своих постановлениях о штрафе сохраняют основные положения УК. Так, штраф должен налагаться в соответствии с имущественным положением осужденного.³ Замена штрафа лишением свободы и лишения свободы штрафом не допускается. Как и УК, Основные Начала указывают, что штраф может (но не должен) быть заменен принудительными работами. Основные Начала предоставляют определить порядок этой замены законодательству союзных республик. Но было бы не излишним в самом союзном законе воспроизвести ценную мысль

¹ Критическое изложение проекта дано проф. Мокринским в его статье „Конфискация общая по суду“ („Ежен. Сов. Юст.“, 1926 г., №№ 5 и 9).

² В краткой обвинительной записке к проекту УК 1925 г. в редакции НКЮ это отступление от ст. 24 Основных Начал мотивируется тем, что „применение столь тяжелой, как конфискация, меры в любом случае приводило бы, в условиях настоящей экономической политики, в ряде случаев, к ослаблению производительных сил“.

³ Этим штраф отличается от частичной конфискации (Пионтковский, стр. 102). Прекрасное политико-догматическое исследование содержит статья проф. Н. Н. Полянского „К вопросу о наказании штрафом“. („Право и Жизнь“, 1925 г., № 9/10, стр. 79—88.)

цирк. Верх. Суда РСФСР от 27 июля 1923 г. о замене штрафа принудительными работами „при установлении судом злостного уклонения осужденного от уплаты штрафа“.

В примечании к ст. 27 Основные Начала указывают, что предметы, не подлежащие конфискации, не могут быть изъяты (в порядке принудительного взыскания) и при наложении штрафа. Эта норма не упоминалась в УК, хотя она, по нашему мнению, могла быть установлена по аналогии со ст. 38 — о конфискации.

Как и УК, Основные Начала допускают штраф и в качестве самостоятельной и в качестве дополнительной меры социальной защиты (ст. 14).

УК 1926 г. в ст. 42 воспроизводит ст. 27 Основных Начал, указывая, что при замене штрафа принудительными работами один месяц принудительных работ зачитывается за 100 рублей штрафа. В виду того, что максимум принудительных работ установлен в один год (Основные Начала, ст. 19; УК 1926 г., ст. 33), принудительные работы при замене ими штрафа не могут превышать этого срока.

Украинский проект предусматривает возможность применять штраф лишь в случаях, в Особенной части указанных. УК РСФСР 1926 г. (ст. 23), Узбекский и Грузинский УК допускают штраф и как дополнительную меру социальной защиты.

13. Предостережение.

(Ст. 13, пункт „н“, ст. 28.)

Упомянув предостережение в числе м. с. з., Основные Начала невольно дали пищу для дискуссии о юридической природе этой меры.¹ Правильнее — дискуссия вызвана ст. 28-й. В последней указывается, что суд может при вынесении оправдательного приговора объявить подсудимому предостережение, если он усмотрит, что поведение подсудимого дает возможность опасаться совершения им преступления в будущем. Эта мера с. з. появилась впервые в проекте СНК. Никаких объяснений в отношении ее докладчиком на сессии не было дано. Неясность усугубляется тем, что согласно ст. 14 предостережение может применяться и в качестве дополнительной м. с. з., т.-е. и при обвинительном приговоре.

По существу было бы более правильным ввести предостережение как последствие осуждения, как более мягкую м. с. з. по сравнению с общественным порицанием.

УК 1926 г. подчеркивает, что предостережение применяется судом лишь при оправдательном приговоре (ст. 43). Возможность применения предостережения в качестве дополнительной меры исключена.

Украинский проект, Грузинский и Узбекский УК допускают предостережение и при обвинительных приговорах.

¹ См. доклад Гродзинского „Основные Начала уголовного законодательства“ в Харьковском Юридическом Обществе и прения по нему („Вестник Сов. Юст.“, 1925 г., №№ 8 и 9).

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Применение мер социальной защиты.

1. Общие начала.

(Статьи 30, 31, 32, 33, 34, 35.)

Вопрос о применении судом м. с. з. является вопросом о пределах т. н. судейского усмотрения.

Эти пределы устанавливаются, прежде всего, санкциями Особенной части.

Основные Начала, продолжая тенденцию советского уголовного права, внесли, как мы видели (IV, 2), новое начало при делении преступных деяний на две „категории“ (ст. 2). Пересмотренные уголовные кодексы союзных республик должны содержать значительно меньшее число статей с санкцией „не ниже“, по сравнению с УК 1922 г.

Правда, и при действии УК 1922 г. суд мог пользоваться ст. 28 и определять наказание ниже низшего предела, указанного в данной статье, или переходить к другому, менее тяжкому роду наказания. Но кассационная инстанция в случаях статьи 437 и 419^а УПК была лишена этого права, а суд первой инстанции не мог не чувствовать себя связанным в значительной мере законодательной оценкой преступного деяния.

На пределы судейского усмотрения влияет и выделение законодателем при тех или иных преступных деяниях квалифицированных или привилегированных видов последних. Но именно в общей части он должен дать указания общего характера, являющиеся для судьи своего рода компасом при разрешении любого дела, при определении м. с. з. в данном случае.

При стремлении законодательства предоставить суду возможно больший простор при определении меры репрессии, уголовные кодексы содержат в общей части лишь немногочисленные указания на те случаи, когда репрессия обязательно должна быть смягчена или усилена, когда закон связывает судью. Основные Начала не знают случаев обязательного усиления репрессии, но удержали указания на некоторые обстоятельства, при наличии которых репрессия обязательно должна быть смягчена. Так, не может быть применен расстрел к не достигшим 18-летнего возраста и к женщинам, находящимся в состоянии беременности (ст. 13, прим. 2). Расстрел подлежит обязательной замене изгнанием из пределов Союза или лишением свободы со строгой изоляцией, если со времени контр-революционного преступления прошло не менее 10 лет (ст. 10 прим. 2).¹ Предварительное заключение обязательно засчитывается в срок лишения свободы, определенный судом (ст. 18, ч. 2). Основные Начала не дают определенных указаний о размерах обязательного смягчения м. с. з. судебно-исправительного характера

¹ За исключением преступлений, о которых говорится в прим. 3 той же статьи (см. главу четырнадцатую „О давности“).

в отношении несовершеннолетних (за исключением расстрела). Но, предоставляя союзным республикам определять „предел смягчения последних“, они тем самым устанавливают обязательность смягчения репрессии для несовершеннолетних (ст. 8, прим.).

Указанные случаи связывают суд при назначении репрессии. В остальном законодатель дает ему общие директивы, которыми он и должен руководствоваться при определении мер социальной защиты.

Основная директива в УК 1922 г. выражена в ст. 9, подчеркивающей, что назначение наказания производится судебными органами по „их социалистическому правосознанию“. Ни Основные Начала ни проекты не воспроизвели почему-то этой нормы.¹ Правда, в Основах Судостройства указывается, что „задачами суда является: а) ограждение завоеваний пролетарской революции, рабоче-крестьянской власти и правопорядка, ею установленного...“ И осуществление этих задач обеспечивается тем, что „судебные учреждения строятся на началах отправления судебной деятельности исключительно трудящимися“ (статьи 1 и 3). Все же УК союзных республик в праве воспроизвести ст. 9 УК 1922 г.

Руководящие Начала 1919 г. не только считали необходимым, чтобы суд вошел в оценку степени и характера опасности как преступника, так и совершенного им деяния (всестороннее выяснение личности преступника и установление, насколько само деяние в данных условиях времени и места нарушает основы государственной безопасности — ст. 11), но и указывали ряд обстоятельств, наличие которых усиливает, или уменьшает социальную опасность преступника и его деяния (ст. 12).

Означенные нормы Руководящих Начал перешли и в УК: статьи 24 и 25. Первая статья с некоторыми редакционными изменениями воспроизведена во всех проектах (КК, ст. 37, ч. 1; КЗП, ст. 34; СНК, ст. 30) и составила ст. 30 Основных Начал. Что касается статьи 25 УК, то, начиная с проекта КК, по вполне правильным редакционным соображениям, обстоятельства, упоминаемые в ней, разбиты на две группы: обуславливающие более строгие м. с. з. с одной стороны, и более мягкие — с другой. В Основных Началах они образуют статьи 31 и 32.

Согласительная комиссия дополнила ст. 31 „вводной частью“: „Суд, при определении мер социальной защиты, прежде всего разрешает вопрос об общественной опасности настоящего преступления, после чего, при определении конкретной меры, принимает более строгую меру социальной защиты“.

Комментарии докладчика Скрыпника не дают, к сожалению, должного разъяснения этого текста, так как противоречат ему. „Этой вводной частью, — читаем мы в стенограмме, — внимание суда сосредоточивается прежде всего не на конкретных условиях, говорящих об отдельном лице, а прежде всего на социальной опасности преступника, совершившего преступление“ (603).

¹ Подробно о социалистическом правосознании, как „революционном и классовом“, см. Чельцова-Бебутова: „Социалистическое правосознание и уголовное право революции“, 1924 г., стр. 65.

По нашему мнению, смысл закона заключается в следующем:

„Генеральная“ оценка данного преступного деяния вообще, оценка степени его общественной опасности дается самим законодателем в санкциях особенной части. В соответствии с общим положением страны, в зависимости от большей или меньшей распространенности преступления в определенных условиях места и времени, суд, в рамках закона, должен остановиться прежде всего на той репрессии, которая при данных социально-политических условиях представлялась бы ему наиболее целесообразной в подобных случаях. Затем уже суд взвешивает обстоятельства, говорящие как за увеличение, так и за смягчение репрессии.

Понимаемая в таком смысле вводная часть ст. 31 получает известное значение. Во всяком случае ее следовало бы выделить в самостоятельную статью, так как она является вводной не только к ст. 31, но и к ст. 32.¹

УК 1926 г. (ст. 45) указывает, что суд при назначении судебно-исправительной меры руководствуется: а) указаниями Общей части настоящего Кодекса, б) пределами, указанными в статье Особенной части, предусматривающей данный вид преступления, в) своим социалистическим правосознанием, исходя из учета общественной опасности совершенного преступления, обстоятельств дела и личности совершившего преступление.

Пункты „а“ и „б“ являются удачными дополнениями к Основным Началам. В пункте „в“ следовало бы упомянуть об учете общественной безопасности „в данных условиях места и времени“. Но даже и при настоящей редакции излишне говорить в ст. 47, что „основным вопросом, подлежащим разрешению в каждом отдельном случае, является вопрос об общественной опасности рассматриваемого преступления“.

По вопросу об обстоятельствах, усиливающих или уменьшающих ответственность и предусмотренных ст. 25 УК, еще в 1924 г. Верх. Суд РСФСР дал разъяснение, что суд должен учитывать все обстоятельства, могущие свидетельствовать о степени и характере опасности как преступника, так и преступления, и в зависимости от результатов изучения всех конкретных данных дела даже при наличии смягчающих вину признаков, указанных в 25 ст. УК, имеет право назначить максимальное наказание, установленное соответствующей статьей Уголовного Кодекса.²

Тем самым и при наличии отягчающих обстоятельств суд все же может, учитывая всю совокупность обстоятельств данного дела, не давать максимального наказания.

Основные Начала, как уже было указано, в ст. 31 указывают на обстоятельства, усиливающие ответственность. „Суд...—говорит закон,—принимает более строгую меру социальной защиты“. Соответственно в ст. 32 говорится, что „более мягкая мера социальной защиты определяется судом“...

Подобная формулировка не означает и не может означать, что суд обязательно должен смягчить или обязательно усилить репрес-

¹ Вообще же было бы более целесообразно мысль, вводной части ст. 31 („прежде всего“ разрешается вопрос об общественной опасности преступления) выразить в самой ст. 30.

² Циркуляр № 2, 1924 г. 8 февраля („Ежен. Сов. Юст.“, 1924 г., № 9).

сию при наличии того или другого обстоятельства. „Степень и характер опасности преступника и совершенного им преступления“ (Основные Начала, ст. 30) учитывается судом на основании и субъективной и объективной стороны дела во всей их совокупности. В статьях 31 и 32 дается вообще не исчерпывающий, а примерный перечень обстоятельств, усиливающих или ослабляющих репрессию. При этом нашему законодательству вообще чужд прием арифметического сложения или вычитания тех или других обстоятельств, итог какого действия является затем связывающим суд.¹

Среди обстоятельств, перечисленных в ст. ст. 31 и 32, особенное внимание — после принятия сессией ЦИК'а Союза Основных Начал — привлекли к себе п. „б“ ст. 31 и п. „б“ ст. 32.

УК 1922 г. предписывал (ст. 25, п. „а“) различать, совершено ли преступление в интересах восстановления власти буржуазии, или в интересах чисто личных. Проект КК (также и КЗП) стал на формально-классовую точку зрения. К обстоятельствам, усиливающим меру репрессии, он относит совершение его лицом, по своему классовому происхождению в прошлом или классовой принадлежности в настоящем подлежащим отнесению к разряду врагов трудящихся (ст. 37, ч. 2, п. „в“). Проект СНК говорил о принадлежности к классу „эксплуатирующих чужой труд“, в какой редакции статья перешла и в Основные Начала.²

С другой стороны, проект КК к смягчающим репрессию обстоятельствам отнес принадлежность правонарушителя к классу трудящихся. В редакции СНК говорилось о „рабочем и трудовом крестьянине“, что перешло и в Основные Начала.

Подобный формально-классовый подход Основных Начал представляется трудно объяснимым. На самой сессии ЦИК'а вопрос не был освещен ни докладчиками ни в прениях. На V же всероссийском съезде деятелей советской юстиции (10—15 марта 1924 г.), происходившем незадолго до составления проекта КК, докладчиком по вопросу о карательной политике Н. В. Крыленко было достаточно выявлено, как следует понимать классовое начало в уголовном праве. „Нельзя сказать, — говорил докладчик, — что пролетарское происхождение всегда должно относиться к смягчающим вину обстоятельствам. Это будет неправильная постановка вопроса, ибо не в этом по существу классовое начало. Классовое начало карательной политики заключается в том, чтобы каждый конкретный шаг оценивался с точки зрения классовых целей, тех целей, для которых он вообще создал свою карательную систему. Классовая политика, это — вовсе не особая политика по отношению к данному представителю этого класса“ (стеногр. отчет, стр. 228).³

¹ Пример такого схоластического приема являет проект Ферри: при наличии одного обстоятельства, указывающего на большую опасность, судья применяет санкцию в размере не ниже половины между минимумом и максимумом, установленными за совершенное преступником деяние, и т. д. (статьи 75—77).

² Независимо от этого Основные Начала среди обстоятельств, усиливающих ответственность, указывают (как и проекты КК и КЗП) и на совершение преступления „в целях восстановления власти буржуазии“ (ст. 31, п. „а“).

³ Подчеркнуто нами.

При переработке УК НАРКОМЮСТ РСФСР, с которым согласился и СНК РСФСР, нашел неправильной формулировку Основных Начал. „Народный комиссариат юстиции полагает, — читаем мы в объяснительной записке к проекту УК 1925 г., — что в определенный момент и в определенных условиях принадлежность в прошлом или настоящем к классу лиц, эксплуатировавших чужой труд, не может быть обязательно признаваема усиливающим репрессию обстоятельством и, наоборот, что могут быть такие условия и такие преступления, при которых совершение их рабочим или трудовым крестьянином должно быть не смягчающим, а отягчающим репрессию обстоятельством. НКЮ полагает, что такого рода категорическое указание суду способно породить лишь ряд недоумений, а то и извращений и отступлений от того основного принципа судебной политики, согласно которого суд прежде всего и раньше всего охраняет интересы государства и рабочего класса в целом, по отношению к которым интересы отдельного рабочего или крестьянина могут быть и должны быть не раз приносимы в жертву. НКЮ усматривает в таком категорическом указании суду извращение правильного понимания классового принципа нашей судебной политики, и поэтому он не счел возможным включение его в текст Общей части в качестве категорической императивы суду“.

Октябрьская сессия ВЦИК'а (1925 г.) признала правильной точку зрения НКЮ и постановила войти в ЦИК Союза с ходатайством о соответствующем изменении ст. ст. 31 и 32 Основных Начал.¹

ЦИК Союза, обсуждавший в апреле 1926 г. проект изменений Основных Начал, согласился с предложением ВЦИК'а.

Характерно, что при обсуждении вопроса именно представители с мест (Чанышев, Русецкий и Моисеев) высказались за изменение статей 31 и 32. Один Скрыпник возражал против теории „равенства перед судом буржуа и рабочего, крестьянина и помещика“, которую, по его мнению, высказал Крыленко в своем докладе. Но все же и Скрыпник считал, что при должностных преступлениях обязательного смягчения быть не должно (Бюлл. № 17, стр. 23). Совершенно правильно указал в заключительном слове Крыленко, что „не важно, какого рода преступление, это разберет суд, но линия должна быть такова, чтобы не допускать извращений классовой политики“ (там же, стр. 36). В своем же докладе Крыленко указал: „по прямому смыслу (Основных Начал) мы получаем следующую картину: два лица совершили в одинаковых условиях одно и то же преступление; один представитель нетрудового класса — нэпман, другой представитель трудящихся — рабочий или крестьянин. Закон говорит: первого карай строже, второго мягче“.

„Сессия ВЦИК'а, — продолжал докладчик, — сказала: так нельзя; нельзя суду наперед сказать: при всех условиях карай первого строже, второго мягче; а может быть — наоборот? Мы не можем требовать того, чтобы представители нетрудового класса питали к нам сугубую любовь, но мы можем требовать от представителей трудящегося класса, чтобы они считали своими интересами интересы государства трудя-

¹ В нашей литературе сторонником „пунктов“ Основных Начал явился С. Булатов в статье „Классовый момент при определении мер социальной защиты“ („Советское Право“ 1926 г., № 2), но и сам автор находит редакцию их „недостаточно четкой, способной породить недоумения и извращения“.

Грузинский Кодекс 1925 г. говорит о совершении преступления „рабочим, трудовым крестьянином или вообще трудящимся“. Узбекский УК — о рабочем и трудовом крестьянине.

щихся в целом. Поэтому, в известных условиях, суд должен разбираться в конкретных обстоятельствах — наперед дать такую директиву нельзя“ („Бюлл.“ № 15, стр. 11).

В этих положениях вряд ли можно усмотреть „теорию равенства перед законом“.

УК 1926 г. вставил в статьи 47 и 48 п. „б“ ст. 31 и п. „б“ ст. 32 Основных Начал.

Проект КК к обстоятельствам, усиливающим репрессию, относил и те случаи, когда преступление направлено против советского государства в целом или против интересов трудящихся. (То же КЗП.) Проект СНК, а затем и Основные Начала в п. „в“ ст. 31 говорят о преступлении, хотя и не направленном непосредственно против интересов трудящихся, но по своим объективным результатам могущем принести ущерб этим интересам.

На первый взгляд может показаться, что Основные Начала имеют в данном случае в виду так называемое объективное вменение. Но подобное толкование противоречило бы общему принципу, установленному в ст. 6 Основных Начал и ставящему условием применения м. с. з. судебно-исправительного характера наличие умысла или неосторожности. По сравнению с проектом КК изменение следует видеть в том, что п. „в“ ст. 31 охватывает не только случаи прямого умысла, но и косвенного, а также и результат, наступления которого правонарушитель не предвидел, хотя и должен был предвидеть, или наступление которого легкомысленно надеялся предотвратить.

На остальных обстоятельствах, усиливающих или уменьшающих репрессию, можно и не останавливаться, тем более, как мы уже указывали, перечень их является примерным, и уголовные кодексы союзных республик в праве пополнить список их.

Так, УК 1926 г. к числу отягчающих обстоятельств относит дополнительно совершение преступления в отношении лиц, подчиненных преступнику или находившихся на его попечении или в особо беспомощном по возрасту или иным условиям состоянию (ст. 47, п. „е“).

УК 1922 г. в ст. 28 дает право суду понижать наказание ниже минимума, указанного в данной статье, и даже перейти к другому, менее тяжкому роду наказания, не предусмотренному статьей. Но условием такого снижения закон ставит наличие „исключительных обстоятельств дела“. Это требование, в особенности по своей неопределенности, не могло не связывать суд во многих случаях.

Основные Начала, следуя всем проектам, отказываются совершенно правильно в ст. 34 от требования исключительности обстоятельств дела, но, с другой стороны, как и проекты, не оговаривают почему-то права суда переходить к иной, менее тяжелой мере социальной защиты. Несмотря на расширение на основании ст. 2 Основных Начал числа статей с максимумом, все же довольно значительное число их останется с санкцией „не ниже“, и суду должна быть предоставлена возможность переходить, напр., от лишения свободы со строгой изоляцией к простому лишению свободы или освобождать от конфискации.

УК 1926 г. воспроизвел полностью ст. 28 УК 1922 г. Ст. 51 говорит и об исключительных обстоятельствах дела и о возможности перехода к другой, менее тяжелой мере. На такое изменение ст. 34 Основных Начал, на наш взгляд, союзные республики не являются уполномоченными. Представление о соответствующем изменении ст. 34 не было внесено в ЦИК в апрельскую сессию 1926 г. Грузинский и Узбекский УК придерживаются редакции Основных Начал.

Проект КК во второй части ст. 38 содержал интересную норму. Законодательству союзных республик предоставлялось определить случаи допущения полного освобождения судом от применения меры социальной защиты в отношении совершившего преступление.

Как известно, правом полного освобождения от наказания суд располагал в РСФСР до издания Положения о народном суде от 21 окт. 1920 г., а в Украине — до издания УПК.

Проект КЗП, имея, несомненно, в виду постановление новейших западноевропейских кодексов о так называемых „особенно легких случаях“, при которых суд может отказаться от применения наказания вообще, еще более полно развил мысль проекта КК. Полное освобождение судом от назначения мер социальной защиты, говорит проект КЗП (ст. 4), допускается при наличии у суда убеждения в том, что преступник не является социально-опасным и что не представляется необходимым применение к нему даже условного осуждения. Освобождение судом от мер социальной защиты, заканчивала статья, не считается судимостью.

СНК отнесся отрицательно к предположениям КК и КЗП. Его проект вернулся к системе УПК, предоставляющего суду право возбуждать лишь ходатайство перед Президиумом ВЦИК'а о полном освобождении от наказания (ст. 326, ч. 2). Вполне понятно, что проект говорит о вхождении с ходатайством в соответствующий ЦИК Советов и во второй части ст. 35 разграничивает компетенцию ЦИК'ов союзных республик от ЦИК'а Союза ССР. Первым принадлежит право в отношении приговоров народных судов, губернских, областных и соответствующих им судов и верховных судов союзных республик, второму — в отношении приговоров Верховуда Союза ССР и военных трибуналов.

Можно не соглашаться с такой точкой зрения, но она вполне понятна. Но представляется совершенно неясным, что имел в виду проект СНК, когда он, наряду с ходатайством суда о полном освобождении от наказания, предоставляет суду ходатайствовать о понижении меры социальной защиты в тех случаях, когда он, хотя и признает это целесообразным, но не считает для себя возможным.

Проект говорит о „понижении“ м. с. з. Очевидно, следовало бы сказать об избрании менее тяжкой м. с. з., не предусмотренной данной статьей. Тогда получилась бы связь с предыдущей ст. 34.

Основные начала в ст. 35 полностью воспроизвели проект СНК.

УК 1925 г. по вопросу о полном освобождении судом осужденного от наказания повторил с некоторым редакционным изменением норму Основных Начал („если суд по обстоятельствам дела и по социалистическому правосознанию признает применение судебно-исправительной меры явно нецелесообразным“).

Но вторая часть ст. 51 УК 1925 г. показывает, что редакция Основных Начал в вопросе о „понижении“ м. с. з. действительно является неудачной и способной ввести в заблуждение. УК возлагает на суд обязанность входить с ходатайством в Президиум

диум ВЦИК'а „и в случаях, если он, хотя и признает нецелесообразным применение к осужденному назначенной по приговору меры, но не считает возможным понизить ее по тем или иным соображениям самостоятельно, в пределах предоставленных ему законом прав“.

УК, как мы видели, в отличие от Основных Начал, предоставляет суду избирать более мягкую м. с. з., и не предусмотренную за данное преступление. О каких же случаях говорит ст. 51, ч. 2? И вообще, в законе предоставленных ему пределах суд сам обязан избрать м. с. з., а не отсылать дело во ВЦИК.

Но, если УК 1925 г. мог вводить ст. 51, рассматривая ст. 4^а УПК как чисто процессуальную норму, то совершенно уже излишним является сохранение ее в УК 1926 г. (ст. 52).

Ст. 52 является мертвой статьей. Прим. к ст. 6 и ст. 8 находятся в полном противоречии со ст. 52 и, тем самым, со ст. 35 Основных Начал. Последняя — не жизненна и она должна быть изменена, ее место должны занять нормы, составляющие ныне содержание примечания ст. 6 и ст. 8 УК 1926 г. Так или иначе, но Союз должен сказать свое слово по поводу этих норм. Они слишком принципиальны, чтобы изменяться только в одной части Союза.

Было бы неполным представление о широких пределах судейского усмотрения, устанавливаемых союзным законодательством, если бы не были отмечены следующие положения. Как и УК 1922 г. (ст. 50), Основные Начала (и все проекты) предоставляют суду применять ряд м. с. з., указанных в ст. 14 в качестве дополнительных. К сожалению, ни проекты ни Основные Начала не оговаривают, как это делает УК 1922 г., что дополнительная м. с. з. должна быть менее тяжкой.

Ответственность при приготовлении или покушении (ст. 11) может быть судом установлена в одинаковой мере с оконченным преступлением. По отношению к разного рода соучастникам (ст. 12) суду предоставляется большой простор.

В отличие от УК 1922 г., знающего зачет предварительного заключения только при лишении свободы, Основные Начала (проекты) предоставляют суду право принимать во внимание предварительное лишение свободы и при применении иных м. с. з., кроме расстрела, объявления врагом трудящихся, штрафа и предостережения (ст. 18, ч. 2). Невнесенный штраф может, но не обязан быть заменен принудительными работами (ст. 27).

Наконец, применение давности при контр-революционных преступлениях предоставляется суду в каждом данном случае.

2. Условное осуждение.¹

(Статьи 36, 37.)

Следуя всем проектам, Основные Начала совершенно правильно исключили условное осуждение из числа м. с. з. (УК 1922 г. упоминал о нем в перечне наказаний) и рассматривают этот институт среди норм о применении м. с. з.

¹ См. проф. П. И. Люблинский, „Условное осуждение в иностранном и советском праве“, 1924 г. — Наиболее полное исследование по советскому праву.

По сравнению с УК 1922 г., допускавшим условное осуждение исключительно при лишении свободы, проекты КК (ст. 34) и КЗП (ст. 39) значительно расширили его применение. Условное осуждение могло применяться ко всем репрессивным мерам за исключением расстрела, объявления врагом трудящихся и лишения свободы со строгой изоляцией.

Основные Начала пошли за проектом СНК (ст. 36), более сдержанно отнесшимся к условному осуждению. Последнее допускается при принудительных работах и лишении свободы. Но представляется непонятным распространение его и на лишение свободы со строгой изоляцией. Правильно отмечает проф. Немировский (189), что „приговор к лишению свободы со строгой изоляцией и условность наказания содержали бы внутреннее противоречие, так как строгая изоляция предполагает опасность осужденного для общежития, а применение условной отсрочки отсутствие опасности“. (Также—Пионтковский и комментари.)

Большим плюсом всех проектов и Основных Начал является отказ от требования (УК 1922 г.), чтобы преступление было учинено „впервые“. Правда, в литературе (Люблинский, Пионтковский) эта предпосылка толкуется ограничительно, требуется совершение в прошлом однородного или тождественного преступления, и тогда только исключена возможность применения условного осуждения. Но допустимо, как указывает проф. Немировский, и такое толкование закона, что предпосылкой условного приговора является вообще осуждение впервые.

Не упоминают Основные Начала и о другой предпосылке условного приговора — о „тяжелом стечении обстоятельств в жизни“ правонарушителя. Основные Начала выдвигают единственным условием — степень общественной опасности осужденного, не требующая его изоляции или назначения на принудительные работы.

Минимум испытательного срока установлен в 1 год. В УК 1922 г., как известно, этот срок устанавливался в 3 года. Проект КК вообще ничего не говорил о минимуме и максимуме. Проекты КЗП и СНК остановились на сроках 1—10 лет, что и стало союзным законом. Понижение минимума испытательного срока нельзя не приветствовать. Трехлетний срок при условном осуждении на несколько месяцев лишения свободы представляется чрезмерным.

Единственным, но вместе с тем обязательно влекущим отмену условного осуждения поводом является по УК 1922 г. совершение в течение испытательного срока „тождественного или однородного преступления“. Проект КК (ст. 34, ч. 2) считал достаточным поводом совершение нового преступления вообще. Проект КЗП говорил об „однородном преступлении“, проект СНК об „однородном по тяжести преступлении“.

Согласительная комиссия сессии ЦИК'а внесла изменение в эту формулировку, поставив условием неприведения приговора в исполнение „несовершение осужденным нового не менее тяжкого преступления“. Докладчик Скрыпник ограничился указанием, что это изменение (проекта СНК) имеет „большое практическое и юридическое значение“ (603).

Как и УК 1922 г., Основные Начала постановляют, что при отмене отсрочки назначенная условно м. с. з. приводится в исполнение независимо от м. с. з., назначенной по новому делу, с тем, что лишение

свободы по совокупности не должно превышать 10 лет. Но наша практика выявила уже чрезмерную жесткость ст. 37 УК. Комиссии Сольца по разгрузке мест заключения пришлось встретиться, напр., с такими фактами, что при новом осуждении за самогон хотя бы к 1 мес. лишения свободы (в связи с общим смягчением репрессии за этого рода преступления) прежний условный приговор в 3 года превращался в безусловный.

Абсурдность этого положения, как замечает Файнблит, подчеркивалась и судом, который, соблюдая ст. 37, входил во ВЦИК с ходатайством о смягчении наказания.¹

К сожалению, в этом отношении работы комиссии не были использованы законодателем.

Из сопоставления статей 36 и 37 Основных Начал со ст. ст. 36 и 37 УК 1922 г. (в редакции до новеллы 9/II 1925 г., о чем см. ниже в главе о восстановлении в правах) видно, что нормы последнего, определяющие условное осуждение, почти полностью перешли и в союзное законодательство. Не упоминает последнее о том, что дополнительная м. с. з. в виде денежного или имущественного взыскания приводится в исполнение независимо от того, что основная м. с. з. назначается условно, что условное осуждение не допустимо, когда осуждение связано с правопоражением (ст. 36). Не говорят Основные Начала и о более льготном применении условного осуждения по отношению к несовершеннолетним (УК ст. 36, прим.).

Возможно, что Основные Начала не касались этих и им подобных вопросов, предоставляя их разрешение законодательству союзных республик. Ст. 37 содержит следующую заключительную часть: „Условия и порядок применения условного осуждения устанавливаются законодательством союзных республик“ — оговорка, появившаяся впервые в проекте КЗП. Но редактирована последняя часть ст. 37 весьма неудачно. Следовало бы сказать: дополнительные условия устанавливаются союзными республиками.

УК 1925 г. в полном противоречии с Основными Началами безгранично расширил область применения условного осуждения. Суд в праве постановить условный приговор, если признает, что степень опасности осужденного не требует обязательной его изоляции или обязательного исполнения им принудительных работ, или применения к нему какой-либо иной из предусмотренных Кодексом судебно-исправительных мер, определенных соответствующими статьями за совершенное им преступление (ст. 52).

По буквальному смыслу получалось, что возможен условный приговор к расстрелу!

Мы считаем желательным расширение области применения условного осуждения, в частности и на денежный штраф и на правопоражения, но для этого требуется соответственно изменить Основные Начала. Между тем, отступление УК 1925 г. от союзного закона даже не было отмечено как таковое на сессии ВЦИК'а. Но УК РСФСР 1926 г. (ст. 53) разрешает применять условное осуждение лишь в отношении лишения свободы и принудительных работ.

Законодательству союзных республик предоставлены широкие возможности разработать дополнительные условия данного института, напр., случаи, в которых отсрочка приведения приговора может быть отменена, обязательства, возлагаемые на условно осужденного, и т. д.

¹ Сольц и Файнблит. „Революционная законность и наша карательная политика“, 1925 г., стр. 45.

К сожалению, УК 1925 г. (как и УК 1926 г.) на этой стороне вопроса совершенно не остановился.

Грузинский и Узбекский Кодексы следуют в вопросе об условном осуждении за Основными Началами.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Досрочное освобождение.

(Статьи 38, 39.)

Проекты, а вслед за ними и Основные Начала воспроизвели в существенных чертах нормы УК 1922 г. о досрочном освобождении. Но все же союзное законодательство внесло и существенные дополнения.

По УК 1922 г. (ст. 53) условно-досрочное освобождение выражается либо в полном освобождении от отбывания лишения свободы, либо в переводе на принудительные работы без содержания под стражей. Основные Начала (проекты) говорят вообще об условно-досрочном освобождении лиц, присужденных к срочным мерам социальной защиты, от дальнейшего отбывания определенной судом м. с. з. Далее указывается, что осужденный либо освобождается от дальнейшего отбывания приговора, либо назначенная по приговору м. с. з. заменяется более мягкой мерой.

Так как Основные Начала, помимо лишения свободы и принудительных работ, знают целый ряд срочных м. с. з. — удаление (ст. 13, пп. „е“ и „ж“), поражение прав (п. „д“), запрещение занятия той или иной должности или занятия той или иной деятельностью или промыслом (п. „и“), то в известной своей части условно-досрочное освобождение переходит в условное восстановление в правах.

Условием отмены досрочного освобождения Основные Начала в ред. 1924 г. ставили совершение в течение неотбытого срока „нового, не менее тяжкого преступления“ (формула согласительной комиссии, как и при условном осуждении).

Установление порядка применения досрочного освобождения предоставляется законодательству союзных республик. Но вместе с тем Основные Начала в ред. 1924 г. (проекты) указывали, что условно-досрочное освобождение применяется судом, вынесшим приговор, или судом того района, где содержится (а также проживает) осужденный.

Основные Начала не учли того, что принятый только что перед ними Исправительно-Трудовой Кодекс РСФСР (16 октября 1924 г.) право условно-досрочного освобождения по отбытии заключенным или отбывающим принудительные работы установленного законом минимального срока предоставляет не суду, а так назыв. распределительным комиссиям (ст. 16, п. 5).¹ Основные Начала в ред. 1926 г. совершенно не говорят о том, кто применяет досрочное освобождение.

¹ В случаях тяжелой неизлечимой или душевной болезни условное освобождение может быть применено — но уже судом — и ранее этого срока (УПК РСФСР, ст. 458). УССР попрежнему сохранила право суда на досрочное освобождение.

В РСФСР—этот минимальный срок наступает по отбытии половины срока наказания (УК 1922 г., ст. 55), в УССР—по отбытии одной трети наказания.

Уже один этот разницей в столь существенном вопросе показывает, что союзное законодательство должно само устанавливать такие условия досрочного освобождения, как отбытие того или иного минимального срока. Этот срок определен в постановлении През. ЦИК'а и СНК Союза от 10/хп 1926 г. как треть срока определенной судом м. с. з., с предоставлением союзным республикам права повысить его.

Если УК 1925 г. в вопросах условного осуждения вышел за рамки Основных Начал (см. выше), то в отношении условно-досрочного освобождения он (также и УК 1926 г.) почему-то сузил их. Последнее может применяться лишь при лишении свободы или принудительных работах (ст. 56). Такое же ограничительное толкование Основных Начал находим в Грузинском УК и—по существу—в Узбекском.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Давность.

(Ст. 10.)

Проект КК центр тяжести разрешения вопросов о давности переносил в уголовное законодательство союзных республик. Согласно ст. 12 проекта пределы и условия применения давностного срока определяются каждой союзной республикой самостоятельно с тем, чтобы его основным условием было выявление обстоятельств, характеризующих прекращение социально-опасного состояния данного лица, и чтобы в общей сложности этот срок не превышал 10 лет. КЗП разделила этот взгляд (ст. 13), но СНК счел необходимым наметить в союзном порядке и давностные сроки и условия применения давности. В своем докладе об Основах судопроизводства (СНК нормы о давности внес в эти Основы, но сессия вернулась к системе КК и КЗП) Винокуров указал, что, „если не будет установлена единая для всего Союза давность, то получится очень странное положение: преступники будут переходить в те союзные республики, в которых законы о давности благоприятны им, т.-е. туда, где меньше давность“ (182).

УК 1922 г. при введении его в действие предусматривал давность преследования (ст. 21) и давность осуждения (ст. 22). Условиями применения первой являлись отсутствие в течение давностного срока дознания или следствия и несовершение в течение этого срока совершившим преступление, покрываемое давностью, какого-либо другого преступления. Сроки давности были установлены в пять лет по преступлениям, за которые УК, как высшее наказание, определяет лишение свободы на срок выше одного года, и в три года по всем остальным преступлениям (ст. 21). Давностные сроки удваивались, если привлеченный к следствию или суду скрылся или уклонился иным способом от таковых (ст. 21).

Таким образом, совершенно не предусматривался случай, когда санкцией преступления являлся расстрел. Постановлением ВЦИК'а

10 июля 1923 г. была поэтому дополнена ст. 33 примечаниями вторым и третьим. Согласно прим. 2 высшая мера наказания подлежит обязательной замене изгнанием или лишением свободы, если со времени совершения преступления прошло не менее пяти лет. В данном примечании закон не употребляет выражения „давность“ и не выдвигает условий, указанных в ст. 21. Даже если бы производство по делу и было начато до истечения пятилетнего срока, или было совершено новое преступление — все равно по первому преступлению не мог быть применен расстрел. Правильнее поэтому говорить здесь о „специальном случае замены смертной казни“ (Ж и ж и л е н к о, Комментарий).

Принимая прим. 2, сама сессия присоединила к ст. 33 и прим. 3. По преступлениям, предусмотренным в ст. 67 УК (активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленная на ответственных или особо-секретных должностях при царском строе), применение давности, как говорит закон, предоставляется усмотрению суда. Нам кажется, что прим. 3 должно рассматриваться как некоторое исключение из действия предыдущего примечания. В пользу такого толкования говорит и сама история появления его.

Таким образом, следует признать, что по УК 1922 г. по преступлениям, за которые полагается расстрел, давности преследования нет.¹ В одних же случаях замена расстрела обязательна, в других — замена предоставлена усмотрению суда.

Мы сочли необходимым остановиться более подробно на догматическом анализе УК 1922 г., потому что постановления его о давности, далеко не отличавшиеся ясностью и вызывавшие в литературе многочисленные споры, послужили источником норм о давности в Основных Началах.

На ряду с давностью преследования („уголовное преследование не может быть возбуждено“) Основные Начала в последней части ст. 10 предусматривают и давность приговора. „Обвинительный приговор не приводится вовсе в исполнение, если он не был приведен в исполнение в течение 10 лет со дня вынесения приговора“. Для давности преступления статьей 10 в редакции 1924 г. устанавливались следующие сроки: 10 лет для преступлений, за которые закон определяет лишение свободы на срок не ниже 5 лет (ст. 10, п. „а“); 5 лет по преступлениям с санкцией в виде лишения свободы не ниже одного года (п. „б“) и в 3 года по всем остальным преступлениям (п. „в“).

Согласно прим. 1 ст. 10 союзным республикам предоставлялось в случаях, указанных в п. „в“, понижать давностные сроки по отдельным видам преступления. Условия давности те же, что и указанные в ст. 21 УК, с тем единственным различием, что говорится о несовершении „однородного или не менее тяжкого преступления“.

Обращаясь к давностным срокам, мы должны признать, что Основные Начала не учли изменения санкций уголовных кодексов союзных

¹ Такой вывод находит подтверждение и в словах докладчика Крыленко на сессии ВЦИК'а: „Примечание (2-е) уясняет и говорит, что если истекло пять лет с момента совершения преступления, за которое полагается высшая мера наказания, то судить можно и должно, но только закон оговаривает, что в этом случае высшая мера наказания должна быть обязательно понижена“ (стеногр. отчет 2 сессии ВЦИК'а X созыва, стр. 50).

республик, которое должно последовать на основании ст. 2 Основных Начал. Посягательства против личности, напр., должны иметь санкцию по формуле „до“, и было бы совершенно недопустимо, чтобы по таким тяжким преступлениям, как квалифицированное убийство, давность наступала через каких-нибудь три года.

Основные Начала увеличили высший давностный срок до 10 лет, ввели давность приговора, но ни слова не сказали о давности осуждения (ст. 22 УК 1922 г.). Получается пробел в законе. Не учел союзный законодатель и случаев перерыва давности. Верховный Суд РСФСР еще циркуляром от 23/II 1923 г. за № 12 („Ежен. Сов. Юст.“, 1923 г., № 11) разъяснил, что в случаях, когда обвиняемый не разыскан, начато производство по делу надлежит приостановить определение распорядительного заседания, давностный же срок исчисляется со дня данного определения.

Таким же обстоятельством, только прерывающим давность, является и совершение нового преступления (Пионтковский, 234). Имея в виду, что Основные Начала ничего не говорят о давности осуждения, следует с тем большим основанием прийти к заключению, что отсутствие условий применения давности, указанных во второй части ст. 10, не исключает давность, а лишь прерывает ее.

Прим. 2 ст. 10 являлось повторением прим. 2 ст. 33 УК 1922 г., с тем различием, что срок истекшего со дня преступления времени увеличен вдвое — до 10 лет, примечание же третье воспроизводило примечание третье ст. 33, но расширяя права суда на факультативное применение „давности“ и на все контр-революционные преступления.

Не трудно видеть, что Основные Начала в редакции 1924 г. почти механически воспроизвели в вопросе о давности нормы УК 1922 г. В значительной мере это должно быть отнесено за счет того, что ни КК ни КЗП не проработали вопроса по существу, предоставив решение его законодательству союзных республик.

УК 1925 г. в сроках о давности допустил известные изменения. Так п. „а“ ст. 13, соответствующий п. „а“ ст. 10 Основных Начал, говорит о преступлениях, за которые санкцией является лишение свободы „не ниже 2 лет“. Это объясняется тем, что УК не указывал более 2 лет при формуле „не ниже“. В п. „б“ наряду с санкцией „не ниже одного года“ указывается и санкция „лишение свободы на срок выше 5 лет“. (Ст. 13).

В примечании к ст. 13 указывалось, что установленные давностные сроки не распространяются на деяния, преследуемые по УК в административном порядке. Наложение взысканий за эти деяния может иметь место только в течение трех месяцев со дня их совершения.

УК говорил не только о том, что „уголовное преследование не может быть возбуждаемо“, но и уточнял, говоря: „а возбужденное подлежит прекращению в порядке, установленном УПК“.

Давность приговора та же, что и в Основных Началах. О давности осуждения УК также ничего не говорит.

Прим. 2-е и 3-е ст. 10 Основных Начал слиты в одну—14 статью. В ней определенно заявляется, что „давность не применяется по преступлениям, совершение которых может влечь за собой расстрел“. Если со времени преступления прошло десять лет, то расстрел обязательно заменяется (при контр-революционных преступлениях замена — факультативна) изгнанием за пределы Союза ССР или лишением свободы на срок не ниже пяти лет со строгой изоляцией.

При обсуждении проекта на сессии ВЦИК'а Винокуров указал, что расстрел полагается не только за контр-революционные преступления, но и за разбой и за другие уголовные преступления. Тем самым суживается применение давности по сравнению с Основными Началами (ст. 377).

Сессия ВЦИК'а постановила войти в ЦИК Союза с ходатайством о соответствующем изменении ст. 10 Основных Начал.

Проект СНК Союза, внесенный на апрельскую сессию (1926 г.) ЦИК'а Союза, согласился с предложением РСФСР о понижении упоминаемых в п. „а“ ст. 10 пяти лет до двух. В примечания 2-е и 3-е он внес большую определенность. Он предоставил суду право применять давность ко всем контр-революционным преступлениям. При отрицательном разрешении этого вопроса расстрел должен обязательно заменяться изгнанием или лишением свободы на срок не ниже 5 лет (прим. 2-е).

В прим. же 3-м с не меньшей определенностью указывалось, что в отношении лиц, привлеченных к ответственности за активные действия и активную борьбу и т. д., давность не применяется, вопрос же о замене расстрела предоставляется усмотрению суда (прим. 3-е).

Вокруг этих примечаний на сессии расгорелась чрезвычайно оживленная дискуссия, при чем высказывались точки зрения, прямо противоположные друг другу. Так, один из представителей Украины (Сердюк) доказывал, что по отношению вообще к контр-революционерам не следует применять давности (Бюлл. № 16, стр. 2), выступавший же вслед за ним Сольц говорил, что „к.р. преступления являются как раз теми преступлениями, для которых давность имеет самое большое значение, ибо в зависимости от изменения обстоятельств преступник может перестать быть преступником“ (там же, стр. 4).

„После детального обсуждения“ комиссии внесли существенное изменение в прим. 3-е проекта СНК. Они пришли к заключению, что и в отношении преступлений, предусмотренных ст. 67 УК 1922 г., давность может иметь место по постановлению суда. Затем комиссии снизили минимальный предел меры социальной защиты при замене расстрела с пяти до двух лет (Бюлл. № 33, стр. 13).

Постановлением Президиума ЦИК'а и СНК Союза от 13/VIII 1926 г. (С. З. 1926 г., № 55, ст. 401) статья 10 Основных Начал изложена в редакции, принятой апрельской сессией (см. текст).

Соответственно этому союзному акту нормы о давности УК РСФСР 1926 г. (статьи 14 и 15) изложены согласно ст. 10 Основных Начал в новой редакции.

Грузинский и Узбекский УК остались пока при старой редакции ст. 10.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Восстановление в правах.

В главе о поражении прав мы отмечали слабое репрессивное значение этой м. с. з. в эпоху военного коммунизма, а вместе с тем и малое значение вопроса о восстановлении в правах. Понятно поэтому, что при издании УК 1922 г. на этот институт не было обращено должного внимания, Кодекс о нем даже и не упоминает, хотя досрочное

освобождение от правопоражений допускалось декретом СНК от 5 мая 1921 г. об ограничении прав по судебным приговорам. (С. У., 1921 г., № 39, ст. 209.)¹

Но институт восстановления в правах настолько близок духу советского законодательства, что пленум Верховного Суда РСФСР разъяснил 9 июля 1924 г., не прибегая ни к какой мотивировке, что „вопрос о сокращении срока поражения в правах при возбуждении таковых ходатайств разрешается судом применительно к ст. 463 УПК“ (т.-е. применительно к порядку разрешения вопроса о досрочном освобождении от лишения свободы).²

Основные Начала не упоминают специально о восстановлении в правах, но, как уже нами отмечалось выше, нормы их о досрочном освобождении молчаливо допускают этот институт. Но все же важность вопроса требовала, чтобы союзный законодатель специально остановился на нем и в союзном же порядке преподал руководящие нормы восстановления в правах.

Законодательство РСФСР после издания Основных Начал дополнило ст. 37 УК 1922 г. (об условном осуждении) новеллой 9/II 1925 г. Согласно последней при несовершении условно-осужденным в течение испытательного срока тождественного или однородного преступления или какого-либо преступления, влекущего за собой лишение свободы, приговор суда считается утратившим силу, и условно-осужденный признается лицом не судившимся (ст. 37, ч. 2).

То же положение применяется к осужденным к лишению свободы на срок не свыше шести месяцев или ко всякой другой, более мягкой мере социальной защиты, если в течение трех лет со дня вступления приговора в законную силу они не совершат какого-либо другого преступления, а также и к осужденным к лишению свободы на срок свыше шести месяцев, но не более трех лет, если они не совершат другого преступления в течение шести лет (ст. 37, ч. 3).³

Новелла 9/II вводит в наше право систему т. н. легальной реабилитации (*réhabilitation de plein droit*) в двух ее видах: связанной с условным осуждением и легальной реабилитации в тесном смысле. Первая введена во Франции законом 26 марта 1891 г., вторая — законом 6 августа 1899 г.⁴

УК 1926 г., как уже было указано, ограничил по сравнению с Основными Началами область применения досрочного освобождения от отбывания м. с. з. и исключил, таким образом, возможность судебного восстановления в правах (система судебной реабилитации). Новелла 9/II (ст. 37, ч. 2 и ч. 3) составила в УК ст. 55 с тем отличием, что УК 1926 г. говорит в первой части ст. 55 о несовершении „нового, не менее тяжкого преступления“.

В связи с изданием новеллы 9/II настоятельная потребность в союзном порядке единообразно установить нормы о реабилитации представляется более чем очевидной. Следовало бы также пойти далее новеллы и не ограничивать легальной реабилитации условием осуждения на срок не свыше 3 лет. Грузинский Кодекс

¹ Декрет такого же содержания был издан на Украине в апреле 1922 г. Чельцов-Вебугтов считает этот декрет сохранившим силу и после издания УК. (Уголовный Кодекс и реабилитация осужденного. „Вестник Сов. Юст.“, 1924 г., № 7.)

² „Ежен. Сов. Юст.“, 1924 г., № 26.

³ Догматический анализ новеллы дан проф. Мокринским: „Погашение судимости“. („Вестник Сов. Юст.“, 1925 г., № 9).

⁴ См. прекрасное исследование проф. Паше-Озерского „Реабилитация осужденного“, 1918 г., стр. 226 и сл. На русском языке единственное исчерпывающее исследование, охватывающее иностранное законодательство и литературу довоенной эпохи.

допускает, напр., погашение судимости по всем преступлениям, кроме контр-революционных, при условии протечения тех же сроков, что установлены и для давности. Узбекский УК перепечатал новеллу 9/II.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Идеальная и реальная совокупность.

(Ст. 33.)

УК 1922 г. различает идеальную и реальную совокупность. В первом случае речь идет о таком случае, когда одно деяние осуществляет состав нескольких преступлений или когда оно вызывает ряд последствий, из которых каждое образует состав преступления. Согласно ст. 29 УК в случаях идеальной совокупности наказание определяется по статье, устанавливающей наибольшую наказуемость.

Ст. 30 УК имеет в виду т. н. реальную совокупность: совершенные подсудимым двух или нескольких (отдельных, самостоятельных) преступлений. В данном случае суд должен, определив наказание за каждое преступление отдельно, приговаривать виновного к тягчайшему из всех назначенных ему наказаний, при чем последнее может быть повышено до высшего предела наказания, установленного статьей, по которой было определено наказание.

УК не предусматривал случая совершения нового преступления после вынесения приговора, но до отбытия по этому приговору наказания. Верховный Суд РСФСР разъяснил циркуляром от 7/xii 1923 г. за № 71 („Ежен. Сов. Юст.“ 1923 г., № 48), что здесь должен быть применен принцип сложения наказаний, по аналогии со ст. 37. Каждое наказание должно отбываться отдельно с тем, чтобы лишение свободы не превышало десяти лет.¹

Проект КК слил статьи 29 и 30 в одну статью (36), не изменив, по существу, норм УК. Но проект КЗП уравнивал в смысле ответственности реальную совокупность с идеальной.

„Когда в совершенном обвиняемым деянии, — говорит ст. 37, — содержатся признаки нескольких преступлений, а равно в случае совершения обвиняемым до вынесения приговора двух или более преступлений, м. с. з. определяется согласно статьи, устанавливающей более строгую меру“.

Проект СНК воспринял точку зрения КЗП (ст. 33), внося в проект последней незначительные чисто редакционные изменения, и стал законом — ст. 33 Основных Начал.

Подобное решение вопроса с точки зрения уголовно-политической вряд ли представляется более правильным, чем система УК 1922 г.

УК 1926 г. с редакционными изменениями воспроизвел в ст. 49 норму Основных Начал. То же Узбекский УК. Грузинский УК предпочел остаться при формуле УК РСФСР 1922 г., дополнив ее указанным выше разъяснением Верховного Суда РСФСР.

¹ Догматический анализ статей 29 и 30 УК см. Жижиленко, Комментарий, а также в курсах Немировского и Пионтковского.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

О несовершеннолетних.

(Статьи 8, 13, прим. 2, ч. 2; 16, 29, 32, п. „и“.)

Как и УК 1922 г., Основные Начала не посвящают несовершеннолетним особого раздела, чего настоятельно требует важность вопроса, имеющего огромное социальное значение. Постановления о несовершеннолетних разбросаны по всем разделам Основных Начал. Они вообще не отличаются многочисленностью.

В союзном порядке устанавливается, прежде всего, обязательность применения м. с. з. медико-педагогического характера к малолетним (ст. 8). Но определение возраста малолетних и несовершеннолетних предоставляется всецело союзным республикам (прим. к ст. 8).

УК 1922 г. устанавливает малолетство до 14 лет, а несовершеннолетних делит на две группы: от 14 до 16 и от 16 до 18 лет.

Исправительно-Трудовой Кодекс РСФСР 1924 г. предусматривает особую возрастную группу от 16 до 20 л. из рабоче-крестьянской молодежи и организует для них особые трудовые дома со специальным педагогическим режимом.

К сожалению, Основные Начала не установили в союзном порядке нормы, которые предусматривали бы необходимость особого подхода (борстальская система) для несовершеннолетних в возрасте до 20 лет. Прим. к ст. 8 указывает, что „предел смягчения“ м.с.з. судебно-исправительного характера, поскольку применение их в отношении несовершеннолетних будет признано в отдельных случаях обязательным уголовными кодексами союзных республик, устанавливается этими кодексами. Тем самым Основные Начала наталкивают на сохранение кодексами не выдерживающих критики норм о смягчении наказания на одну половину для возраста от 14 до 16 лет и на одну треть для 16—18-летних (статьи 18^а и 18^б УК 1922 г.).

Для не достигших 18 лет (при совершении преступления) Основные Начала предписывают обязательность замены расстрела (ст. 13, прим 3). Этот возраст следовало бы повысить хотя бы до 20 лет.

Недостаточно резко подчеркнуто Основными Началами, что в отношении несовершеннолетних в первую голову должны применяться медико-педагогические меры. Редакция же ст. 8 такова, что получается обратное впечатление. Но право применения медико-педагогических мер принадлежит не только „соответствующим органам“ (комиссии по делам о несовершеннолетних УК 1922 г. — ст. 18), но и суду, куда будет передано дело, если последний признает не соответствующим данному случаю применение м. с. з. репрессивного характера (Основные Начала, ст. 29).

В качестве м. с. з. медико-педагогического характера Основные Начала предусматривают (ст. 16): а) отдачу несовершеннолетних (следовало бы сказать: малолетних, а равно несовершеннолетних) на попечение родителям, родственникам или другим лицам, учреждениям и орга-

низациям; б) помещение в специальные заведения. Проекты в скобках говорили: реформатории.

Если мы упомянем, что в ст. 32, в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность, указывается (п. „и“) недостижение совершеннолетия, то этим будут исчерпаны нормы Основных Начал, посвященные несовершеннолетним.

Нельзя не признать, что они по сравнению с УК 1922 г. не сказали нового слова, а по сравнению с исправительно-трудовым законодательством отдельных союзных республик являются уже устарелыми.

УК 1926 г. остался на почве УК₁1922 г. и оказался не согласованным с И.-Т. Кодексом.

СПбГУ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Давая в своей „Общей части“ краткую характеристику Основных Начал, я высказывал убеждение, что ими „вполне обеспечивается принципиальное единство уголовного права Советской России на ряду с возможностью братского сотрудничества союзных республик в дальнейшем развитии уголовного законодательства в духе Основных Начал 1924 г.“

К сожалению, предположение о сохранении единства нашего советского права оказалось несколько смелым. И поразительно — именно сами Основные Начала явились в значительной мере причиной того, что существовавшее до издания их фактическое единство нашего права (УК 1922 г.) сменилось периодом, когда уголовное законодательство отдельных союзных республик перестало идти в ногу. Роковым образом сказалась не выясненность, что представляют собой с формальной стороны Основные Начала: нормы, которые должны быть слово в слово перенесены в общие части уголовных кодексов союзных республик, или только директивы, на основе которых должны быть переработаны эти части. Мы считаем, что ни то ни другое заключение не является правильным. Общей частью Основные Начала не могут явиться уже по одному тому, что в техническом отношении они не являются для этой цели пригодными. Не потому, что ряд вопросов Основные Начала предоставляют на разрешение союзных республик. Некоторые из них и не могут быть разрешены Союзом: например, вопросы о возрасте малолетства и несовершеннолетия, о характере и порядке отбывания принудительных работ без лишения свободы. Но нельзя предоставлять, как это делают Основные Начала, законодательству союзных республик определение основных условий досрочного освобождения или условного осуждения. Благодаря этому получилось следующее: в РСФСР досрочное освобождение возложено на распределительные комиссии (принципиальная реформа в деле пенитенциарной политики) по истечении половины срока. На Украине освобождает суд по истечении $\frac{1}{3}$ срока. Совершенно справедливо задал С о л ь ц на сессии ЦИК'а (апрель 1926 г.) вопрос: „Чем это объясняется? Разве это объясняется какой-либо национальной особенностью Украины? Нет — это просто объясняется обособленностью, совершенно самостоятельными действиями национальных республик“ (Бюлл., № 17, стр. 11).

Относительно лишения свободы как м. с. з. Основные Начала ограничиваются постановлением, что оно „устанавливается на срок не

свыше 10 лет и обязательно соединяется с мерами исправительно-трудового воздействия." Естественно, что такая скудость в союзной нормировке столь серьезной (по существу — самой основной) м. с. з. ставит под вопрос проведение единой линии в союзных республиках.

Такие вопросы, как восстановление в правах, не разрешены Основными Началами. И получилось, что в РСФСР судимость погашается в меньшем объеме, чем в Грузии, и один и тот же гражданин Союза в Москве будет считаться судившимся, а в Тифлисе — нет. В отношении сроков давности Союз избежал этого разнобоя, намечавшегося в проектах КК и КЗП, в отношении восстановления в правах мы имеем этот разнобой налицо.

Если в своем настоящем виде Основные Начала технически не могут стать на место общей части уголовных кодексов, то, с другой стороны, никоим образом нельзя рассматривать все нормы их как чисто директивные указания. В своей „Общей части“ мы отмечали, что среди этих норм необходимо проводить различие. Одни являются жесткими директивами, другие — только директивными указаниями. Более чем бесспорно, что не могут различно определяться такие основные понятия, как умысел и неосторожность, крайняя необходимость и необходимая оборона, вменяемость. Формулы Основных Начал должны быть полностью включены в уголовные кодексы союзных республик. Но для достижения соответствующей цели они должны быть исчерпывающими. Этого не случилось, например, с понятием приготовления и покушения. Основные Начала даже постарались избежать этих терминов. Тем не менее и УК РСФСР 1926 г., и Грузинский УК 1926 г., и украинский проект восстановили их. Узбекский же УК проявил в полной мере консерватизм, перелечатав статьи УК РСФСР 1922 г. И тут же выяснилось, что формула Основных Начал (ст. 11) о „начатом преступлении“ страдает чрезмерной общностью, она ничего не говорит о добровольно оставленном покушении. РСФСР (УК 1926 г.) решила его освободить от ответственности, в Грузинской ССР в этих случаях могут применяться „лишь“ некоторые м. с. з., в том числе высылка и ссылка и поражение политических и гражданских прав. Об „единстве“ советского уголовного права затруднительно говорить после этого. Сравнительно мелочью является расхождение союзных республик по вопросу об уменьшенной вменяемости. Грузинский УК вообще почему-то не счел для себя обязательным воспроизвести соответствующую норму ст. 29 Основных Начал, УК РСФСР 1926 г. „дополнил“ ее, и лишь украинский проект остался „лойальным“.

Из сказанного вытекает, что основные нормы общей части должны быть едиными для всех союзных республик. Дополнительные нормы должны включаться лишь, поскольку это действительно вызывается национальными особенностями отдельных союзных республик.

Нужна ли для достижения единства формально единая общая часть? Нам этот вопрос не представляется столь существенным. С точки зрения Союзной Конституции (см. главу II), до соответствующего изменения ее не может быть во всяком случае и речи о союзном уголовном кодексе. Думаем, что со стороны союзных республик последовали бы возражения и против преподания Союзом „общей части“. Но единство основных положений общей части может быть достиг-

нута в рамках Союзной Конституции. Необходимо предварительное соглашение союзных республик относительно толкования значимости и обязательности тех или иных норм Основных Начал. Высший же союзный законодательный орган санкционирует подобное соглашение, уточнив вместе с тем в союзном порядке те нормы Основных Начал, которые в дальнейшем не должны уже подлежать распространительному или ограничительному толкованию со стороны законодательных палат союзных республик.

До издания Основных Начал советское уголовное законодательство работало с безукоризненной быстротой. Существование их затормозило правотворчество РСФСР. УК 1925 г., получивший санкцию со стороны столь высокоавторитетного законодателя, как ВЦИК, повис в воздухе, и именно потому, что эта союзная республика проявила стремление продолжать работать над развитием советского уголовного права. Решение сессии ЦИК'а в апреле 1926 г. о необходимости „учесть мнение“ всех союзных республик показывает, что последние должны идти в ногу, не вырываясь вперед из общего ряда. Но жизнь не всегда соразмеряется с периодическими сессиями ЦИК'а (их отсрочками и т. п.). При отсутствии союзного НКЮ становятся существенно необходимыми съезды или конференции НКЮ союзных республик, которые намечали бы общую линию уголовно-законодательной политики. Тогда были бы избегнуты такие явления, что в РСФСР дела могут прекращаться судом по мотивам целесообразности, а в Грузии суд, желая от лишения свободы перейти к штрафу, не предусмотренному данной статьей Особенной части, должен ходатайствовать об этом перед своим ЦИК'ом. Нельзя же в качестве „компенсации“ рассматривать право суда в Грузинской ССР привлекать социально-опасного гражданина к ответственности без предъявления обвинения в определенном преступлении и затем лишить его прав, сослать в ссылку, что не предоставлено суду РСФСР.

При наличии нескольких высших судебных центров (верховных судов союзных республик) вообще не так легко проводимо единство судебной политики во всем Союзе, но при законодательном разномое отдельных союзных республик его нельзя и требовать.

Будем надеяться, что дальнейшая работа как Союза, так и союзных республик вернет нас к единству в решении основных вопросов уголовного законодательства.

Постановление ЦИК'а Союза ССР об утверждении Основных Начал 29 октября 1924 г.

ОБ УТВЕРЖДЕНИИ:... основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик;... и положения о воинских преступлениях.

Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет:

2. Поручить Президиуму Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР утвердить и опубликовать: „Основные Начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик“,... и „Положение о воинских преступлениях“ в редакции, принятой согласительной комиссией Союзного Совета и Совета Национальностей.

3. Предложить центральным исполнительным комитетам союзных республик, на основе перечисленных в пп. 1 и 2 настоящего постановления законов, пересмотреть соответствующее законодательство союзных республик.

Председатель Центрального Исполнительного
Комитета Союза ССР М. Калинин.

Секретарь Центрального Исполнительного
Комитета Союза ССР А. Енукидзе.

29 октября 1924 г.
Москва — Кремль.

Постановление Президиума ЦИК'а об утверждении Основных Начал 31 октября 1924 г.

Об утверждении проектов: 1) основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик;... и 3) Положение о воинских преступлениях.

Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР, во исполнение постановления Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР, — постановляет:

Нижеследующие, принятые согласительной Комиссией Союзного Совета и Совета Национальностей Центрального Исполнительного комитета Союза ССР, проекты: основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, ... и положение о воинских преступлениях утвердить и опубликовать.

Председатель Центрального Исполнительного
Комитета Союза ССР М. Калинин.

Секретарь Центрального Исполнительного
Комитета Союза ССР А. Енукидзе.

31 октября 1924 г.
Москва—Кремль.

(С. З. 1924 г., № 24, ст. 204.)

Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик имеет своей задачей судебно-правовую защиту государства трудящихся от общественно-опасных деяний, подрывающих власть трудящихся или нарушающих установленный ею правопорядок.

Задача эта осуществляется путем применения к правонарушителям мер социальной защиты в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР и союзных республик, на основании общих начал, изложенных в следующих статьях:

УК 5; КК 3; КЗП 3; СНК вводная статья.

РАЗДЕЛ I.

Пределы действия уголовного законодательства.

1. Все лица, находящиеся на территории Союза ССР, кроме пользующихся экстерриториальностью иностранных граждан, подлежат за совершенные ими на территории Союза ССР преступления ответственности по уголовным законам места совершения преступления.

УК 1; КК 1, 2; КЗП 1, 2; СНК 1.

Граждане Союза ССР подлежат, кроме того, ответственности за совершенные ими за границей преступления, в случае их задержания на территории Союза ССР, по законам места задержания или предания суду или следствию.

УК 2; КК 1, 2; КЗП 1, 2; СНК 1.

Вопрос об уголовной ответственности иностранных граждан, пользующихся экстерриториальностью, разрешается дипломатическим путем.

СНК 1.

РАЗДЕЛ II.

Общие постановления.

2. Подлежат различию две категории преступлений:

а) направленные против основ советского строя, установленного в Союзе ССР волею рабочих и крестьян, и потому признаваемые наиболее опасными;

б) все остальные преступления.

За первые преступления в уголовных законах Союза и союзных республик подлежит определению предел, ниже которого суд не может назначить меру социальной защиты, по всем же остальным преступлениям подлежит определению в законе лишь высший предел.

УК 27; КК 35; КЗП 5; СНК 2.

3. Отдельные виды преступлений и порядок применения к ним мер социальной защиты определяются уголовными законами союзных республик, за исключением преступлений государственных и военных.

Президиуму Центрального Исполнительного Комитета Союза [ССР предоставляется право в необходимых случаях указывать союзным республикам роды и виды преступлений, по которым Союз ССР считает необходимым проведение определенной линии единой карательной политики.

КК 44; КЗП 45; СНК 3, ч. 1.

Если же общественно-опасные деяния прямо не предусмотрены уголовным законодательством, то основания и пределы ответственности, а также меры социальной защиты определяются судом по аналогии с теми статьями уголовных кодексов, которые предусматривают наиболее сходные по важности и роду преступления.

УК 10; КК 5; КЗП 6; СНК 3, ч. 2.

4. Меры социальной защиты применяются с целью:

а) предупреждения преступлений б) лишения общественно-опасных элементов возможности совершать новые преступления; в) исправительно-трудового воздействия на осужденных.

УК 8; КК 6, ч. 1; КЗП 7, ч. 1; СНК 4, ч. 1.

Задач возмездия и кары уголовное законодательство Союза [ССР и союзных республик себе не ставит. Все меры социальной защиты должны быть целесообразны и не должны иметь целью причинение физического страдания и унижение человеческого достоинства.

УК 26; КК 6, ч. 2; КЗП 7, ч. 2; СНК 4, ч. 2.

5. Меры социальной защиты разделяются на:

- а) меры судебно-исправительного характера;
- б) меры медицинского характера и
- в) меры медико-педагогического характера.

КК 7; КЗП 8; СНК 5.

6. Меры социальной защиты судебно-исправительного характера применяются лишь в отношении лиц, которые: а) действуя умышленно, предвидели общественно-опасный характер последствий своих действий, желали этих последствий или сознательно допуская их наступление, или б) действуя неосторожно, не предвидели последствий своих действий, хотя и должны были их предвидеть, или легкомысленно надеялись предотвратить таковые последствия.

УК 11; КК 8; КЗП 9; СНК 6.

7. Меры медицинского характера подлежат применению в отношении лиц, совершивших преступления в состоянии хронической душевной болезни или временного расстройства душевной деятельности, или в таком болезненном состоянии, когда не могли давать себе отчета в своих действиях или руководить ими, а равно в отношении тех, которые хотя и действовали в состоянии душевного равновесия, но к моменту вынесения приговора заболели душевной болезнью.

УК 17; КК 9; КЗП 10; СНК 7.

8. Меры социальной защиты медико-педагогического характера подлежат обязательному применению к малолетним; в отношении к несовершеннолетним они подлежат применению только в тех случаях, когда соответствующими органами будет признано невозможным применение к этим лицам мер социальной защиты судебно-исправительного характера. Во всех остальных случаях вопрос о применении мер медико-педагогического характера разрешается судом.

УК 18; КК 10; КЗП 11; СНК 8.

Примечание. Определение возраста несовершеннолетних и малолетних, как равно и обязательные случаи применения к несовершеннолетним мер социальной защиты судебно-исправительного характера и предел смягчения последних определяется уголовными кодексами союзных республик.

КК 10, прим.; КЗП 11, прим.; СНК 8, прим.

9. Меры социальной защиты не применяются вовсе к лицам, совершившим действия, предусмотренные уголовными законами, если судом будет признано, что эти действия совершены лишь в состоянии необходимой обороны против посягательства на советскую власть и революционный порядок, либо на личность и права обороняющегося или другого лица, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны. Меры социальной защиты не применяются, когда те же действия совершены для отвращения опасности, которая была неотвратима при данных обстоятельствах другими средствами, если причиненный при этом вред является менее важным по сравнению с предупрежденным вредом.

УК 19, 20; КК 11; КЗП 12; СНК 9.

10. [В редакции 1926 г.] Уголовное преследование не может иметь места:

а) когда со времени совершения преступления, за которое судом может быть назначено лишение свободы на срок свыше пяти лет или определено в законе лишение свободы на срок не ниже одного года, прошло десять лет;

б) когда со времени совершения преступления, за которое судом может быть назначено лишение свободы на срок свыше одного года, но не свыше пяти лет, или определено в законе лишение свободы на срок не ниже шести месяцев, прошло пять лет;

в) по всем остальным преступлениям, когда со времени совершения преступления прошло три года.

Давность применяется, если за все это время не было никакого производства или следствия по данному делу и если притом совершивший преступление, покрываемое давностью, не совершил за указанный в настоящей статье срок какого-либо другого однородного или не менее тяжкого преступления.

Обвинительный приговор не приводится вовсе в исполнение, если он не был приведен в исполнение в течение десяти лет со дня вынесения приговора.

Примечание 1. Союзным республикам предоставляется в случаях, указанных в пп. „б“ и „в“ настоящей статьи, понижать давностные сроки по отдельным видам преступлений.

Примечание 2. В случаях привлечения к уголовной ответственности за преступления контр-революционные, применение давности в каждом отдельном случае предоставляется усмотрению суда; однако, если суд не найдет возможным применение давности, то при назначении им за данное преступление расстрела таковой обязательно заменяется объявлением врагом трудящихся с лишением гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда или лишением свободы на срок не ниже двух лет.

Примечание 3. В отношении лиц, привлеченных к уголовной ответственности за активные действия и активную борьбу против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных или особо-секретных должностях при царском строе или у контр-революционных правительств в период гражданской войны, как применение давности, так и замена расстрела предоставляются усмотрению суда.

(Пост. През. ЦИК'а и СНК Союза от 13/VII 1926 г. С. З., 1926 г., № 55, ст. 401).¹

¹ Редакция 31/X 1924 г.:

10. Уголовное преследование не может быть возбуждено:

а) когда со времени совершения преступления, за которое уголовными законами в качестве меры социальной защиты определено лишение свободы не ниже 5 лет, прошло 10 лет;

11. Если начатое преступление не было доведено до конца, т.е. если преступный результат по каким-либо причинам не наступил, то суд при выборе мер социальной защиты, назначенных уголовным законом за данный вид преступления, руководствуется степенью опасности лица, совершившего преступление, и степенью осуществления преступного намерения.

УК 12, 13, 14; КК 13, 14; КЗП 14, 15; СНК 11.

12. Меры социальной защиты применяются в отношении всех соучастников (подстрекателей, исполнителей, пособников) в зависимости как от степени их социальной опасности, так и от степени участия в преступлении.

УК 15, 16; КК 15; КЗП 16; СНК 12.

РАЗДЕЛ III.

Меры социальной защиты и их применение судом.

13. Мерами социальной защиты судебно-исправительного характера являются: а) объявление врагом трудящихся с лишением гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда;

УК 32, п. „а“; КК 16, п. „а“; СНК 13, пп. „а“ и „б“.

б) лишение свободы со строгой изоляцией;

УК 32, п. „б“; КК 16, п. „б“; КЗП 17, п. „б“; СНК 13, п. „в“.

в) лишение свободы без строгой изоляции;

УК 32, п. „б“; КК 16, п. „в“; КЗП 17, п. „в“; СНК 13, п. „г“

г) принудительные работы без лишения свободы;

УК 32, п. „в“; КК 16, п. „г“; КЗП 17, п. „г“; СНК 13, п. „д“.

б) когда со времени совершения преступления, за которое определено лишение свободы не ниже одного года, прошло 5 лет;

в) по всем остальным преступлениям устанавливается давность в три года.

Давность применяется: а) если за все это время не было никакого производства или следствия по данному делу и б) если притом совершивший преступление, покрываемое давностью, не совершил за указанный в настоящей статье срок какого-либо другого, однородного или не менее тяжкого преступления.

УК 21; КК 12; КЗП 13; СНК 10. Основы угол. судопр. 7.

Обвинительный приговор не приводится вовсе в исполнение, если он не был приведен в исполнение в течение 10 лет со дня вынесения приговора.

СНК 7.

Примечание 1. Союзным республикам предоставляется в случаях, указанных в п. „в“, понижать давностные сроки по отдельным видам преступления.

Внесено сессией.

Примечание 2. Высшая мера социальной защиты (расстрел) подлежит обязательной замене, по выбору суда, изгнанием из пределов Союза ССР или лишением свободы со строгой изоляцией, если со времени совершения преступления прошло не менее 10 лет.

УК 33, прим. 2; КЗП 17, прим. ч. 3; СНК 7, прим. 1.

Примечание 3. В случаях привлечения к уголовной ответственности за активные действия и активную борьбу против рабочего класса и революционного движения, проявленную на ответственных или особо-секретных должностях при царском строе, а равно в случае совершения контр-революционного преступления — применение давности в каждом случае предоставляется усмотрению суда.

УК 33, прим. 3; СНК 7, прим. 2. Основные Начала 10. Основы угол. судопроизводства.

д) поражение прав;

УК 32, п. „ж“; КК 16, пп. „д“ и „е“; КЗП 17, пп. „д“ и „е“; СНК 13, п. „е“.

е) удаление из пределов Союза ССР на срок;

УК 32, п. „а“; КК 16, п. „ж“.

ж) удаление из пределов союзной республики или из пределов отдельной местности с поселением в тех или иных местностях или без такового, с запрещением проживания в тех или иных местностях или без такового запрещения;

УК 46, п. „г“; КК 16, п. „ж“; КЗП, 17 п. „ж“; СНК 13, п. „ж“.

з) увольнение от должности;

УК 32, п. „з“; КК 16, п. „з“; КЗП 17, п. „з“; СНК 13, п. „з“.

и) запрещение занятия той или иной должности или занятия той или иной деятельностью или промыслом;

УК 46, п. „в“; КК 16, п. „з“; КЗП 17, п. „и“; СНК 13, п. „и“.

к) общественное порицание;

УК 32, п. „и“; КК 16, п. „и“; КЗП 17, п. „к“; СНК 13, п. „к“.

л) конфискация имущества;

УК 32, п. „д“; КК 16, п. „к“; КЗП 17, п. „л“; СНК 13, п. „л“.

м) штраф и

УК 32, п. „е“; КК 16, п. „л“; КЗП 17, п. „м“; СНК 13, п. „м“.

н) предостережение.

СНК 13, п. „в“.

Примечание 1. Союзным республикам принадлежит право устанавливать и иные меры социальной защиты в соответствии с настоящими основами и общими принципами уголовного законодательства Союза ССР.

КК 20.

Примечание 2. Временно в качестве высшей меры социальной защиты впредь до полной ее отмены Центральным Исполнительным Комитетом Союза ССР, для борьбы с наиболее тяжкими видами преступления, угрожающими основам советской власти и советского строя, допускается расстрел.

УК 33; КК 16 прим.; 17 прим.; СНК 13, прим.

Применение в качестве меры социальной защиты расстрела по суду подлежит особому регулированию законодательством Союза ССР и союзных республик, — последними в соответствии с директивными указаниями Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР.

СНК 13, прим.

Расстрел не может применяться к не достигшим 18-летнего возраста и к женщинам, находящимся в состоянии беременности.

УК 33, прим. 1; КК 16, прим.; КЗП 17, прим.; СНК 13, прим.

14. Меры социальной защиты: поражение прав, удаление из пределов Союза ССР на срок, удаление из пределов союзной республики или из пределов отдельной местности с поселением в тех или иных местностях или без такового, с запрещением проживания в тех или иных местностях или без такового запрещения, увольнение от должности, запрещение занятия той или иной должности или занятия той или иной деятельностью или промыслом, общественное порицание, конфискация имущества, штраф, предостережение (пп. „д“, „е“, „ж“, „з“, „и“, „к“, „л“, „м“ и „н“ ст.13) могут быть применяемы судом как в качестве самостоятельных, так и в качестве дополнительных мер социальной защиты.

УК 50; КК 17; КЗП 18; СНК 14.

15. Мерами социальной защиты медицинского характера являются: принудительное лечение и помещение в медико-изоляционные учреждения.

УК 46, пп. „а“ и „б“; КК 18; КЗП 19; СНК 15.

16. К мерам медико-педагогического характера относятся:

- а) отдача несовершеннолетних на попечение родителям, родственникам или другим лицам, учреждениям и организациям;
- б) помещение в специальные заведения.

УК 46, п. „д“; КК 19; КЗП 20; СНК 16.

17. Объявление врагом трудящихся, а равно изгнание из пределов Союза ССР с лишением гражданства Союза ССР навсегда применяются в качестве мер социальной защиты лишь в отношении лиц, осужденных за преступления, угрожающие основам советского строя. В случае самовольного возвращения лица, изгнанного по судебному приговору из пределов Союза ССР, а равно в случае невозможности фактически привести в исполнение приговор об изгнании, суд применяет к нему иную меру социальной защиты не ниже, однако, лишения свободы со строгой изоляцией на пять лет.

УК 71; КК 21; КЗП 21; СНК 17.

18. Лишение свободы устанавливается на срок не свыше десяти лет и обязательно соединяется с мерами исправительно-трудового воздействия.

УК 34; КК 22; КЗП 22; СНК 18.

Время предварительного заключения, а также время, проведенное в заключении с момента объявления приговора, до вступления его в законную силу, обязательно зачитывается в срок лишения свободы, определенный судом. При применении иных мер социальной защиты, указанных в пп. „г“, „д“, „е“, „ж“, „з“, „и“, „к“, „л“ ст. 13 настоящего закона, суду предоставляется право принимать во внимание предварительное лишение свободы до суда.

Порядок зачета предварительного лишения свободы определяется законодательством союзных республик.

УК 31; КК 22; КЗП 22; СНК 18.

Примечание. Военнослужащие рядового и младшего начальствующего состава кадров рабоче-крестьянской Красной армии, приговоренные подлежащими судами за воинские или общеуголовные преступления к лишению свободы на срок не более одного года без строгой изоляции и без поражения прав, направляются в штрафные части.

Содержание в штрафных частях на срок, не превышающий двух месяцев, отбывается в порядке, установленном для дисциплинарных арестов.

(Пост. През. ЦИК и СНК Союза от 5/III 1926. Собр. Зак., 1926 г., № 15, ст. 106).

19. Принудительные работы без лишения свободы назначаются на срок не свыше одного года. Характер и организация принудительных работ, а равно и порядок замены принудительных работ лишением свободы определяется законодательством союзных республик.

УК 35; КК 23; КЗП 23; СНК 19.

Примечание. Принудительные работы без лишения свободы в отношении военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава кадров рабоче-крестьянской Красной армии заменяются лишением свободы на срок, равный одной шестой подлежащего применению срока принудительных работ (Пост. През. ЦИК и СНК Союза от 5/III 1926. Собр. Зак. 1926 г., № 15, ст. 106).¹

¹ Редакция 31/X 1924: Военнослужащие отбывают принудительные работы в штрафных воинских частях.

20. Поражение прав заключается в лишении:

а) активного и пассивного избирательного права;

б) [Исключен пост. През. ЦИК и СНК Союза от 13/VIII 1926 г. (С. 3. 1926 г., № 55, ст. 55)].¹

в) права занимать те или иные государственные должности, исполнять общественные обязанности и носить почетное звание.

Лишение прав назначается на срок не свыше 5 лет. В случаях, когда лишение прав присоединяется в качестве дополнительной меры социальной защиты при одновременном назначении лишения свободы, таковое распространяется на все время отбытия заключения и, сверх того, на срок, указанный судом.

УК 40; КК 24, 25; КЗП 24, 25; СНК 20.

21. При поражении прав суд обязан войти с представлением в соответствующий центральный исполнительный комитет о лишении осужденного знаков отличия, назначаемых Центральным Исполнительным Комитетом Союза ССР и центральными исполнительными комитетами союзных республик.

УК 41; КК 26; КЗП 26; СНК 21.

Примечание. Лишение прочих знаков отличия или почетных званий производится постановлением суда.

КК 26., прим.

22. Удаление из пределов союзной республики или из пределов отдельной местности с поселением в тех или иных местностях или без такового, с запрещением проживания в тех или иных местностях или без такового запрещения назначается судом в отношении лиц, признанных по своей преступной деятельности или по связи с преступной средой в данной местности социально-опасными. Эта мера может быть применяема судом по предложению органов прокуратуры к указанной категории лиц как независимо от привлечения их к судебной ответственности за совершение определенного преступления, так и в том случае, когда они, будучи привлечены по обвинению в совершении определенного преступления, будут судом оправданы, но признаны социально-опасными.

Удаление из пределов союзной республики допускается лишь в порядке, особо определяемом общесоюзным законодательством; удаление из отдельной местности в пределах одной и той же союзной республики допускается в порядке, определяемом законодательством союзной республики.

Меры социальной защиты, упоминаемые в настоящей статье, назначаются на срок не свыше 5 лет.

УК 49; КК 27; КЗП 27; СНК 22.

23. Запрещение заниматься определенной профессией или промыслом применяется судом как мера социальной защиты на срок не свыше 5 лет.

УК 48; КК 28; КЗП 28; СНК 23.

24. Общественное порицание заключается в выражении приговоренному осуждения за совершенное им преступление.

УК 44; КК 29; КЗП 29; СНК 24.

25. Конфискация имущества состоит в принудительном и безвозмездном отчуждении государством всего или точно определенной судом части имущества осужденного. Конфискации не подлежат необходимые для осужденного и его семьи предметы домашнего обихода и служащие средством к существованию орудия мелкого кустарного, ремесленного или сельскохозяйственного производства. Количество необходимого для профессиональной работы инвентаря, предметов питания и денежных сумм, подлежащих оставлению осужденному, устанавливается законодательством союзных республик.

УК 38; КК 30; КЗП 30; СНК 25.

¹ В редакции 31/X 1924 г.: б) права быть членом общественных и профессиональных организаций.

26. При конфискации имущества государство не отвечает по обременяющим имущество долгам и обязательствам, если таковые возникли после принятия следственными властями мер по охране имущества и притом без согласия охраняющего органа.

В отношении претензий, подлежащих удовлетворению за счет конфискуемого имущества, государство отвечает лишь в пределах актива, с соблюдением следующего порядка очередности: в первую очередь подлежат удовлетворению получатели заработной платы, во вторую — претензии органов социального страхования по социальному страхованию, в третью — претензии других государственных органов и в четвертую — все остальные претензии.

УК 38-а; КК 31; КЗП 31; СНК 26.

27. Штраф налагается судом в соответствии с имущественным положением осужденного. В случае невнесения штрафа, штраф может быть заменен принудительными работами, при чем порядок такой замены определяется законодательством союзных республик. Замена штрафа лишением свободы и лишения свободы штрафом не допускается.

УК 39; КК 32; КЗП 32; СНК 27.

Примечание. Предметы, не подлежащие конфискации, согласно ст. 25, не могут быть изъяты и при наложении штрафа.

КЗП 32, прим.; СНК 32, прим.

28. Если суд при вынесении оправдательного приговора усмотрит, что поведение подсудимого дает возможность опасаться совершения им преступления в будущем, то судом может быть объявлено подсудимому предостережение.

СНК 28.

29. Меры социальной защиты медико-педагогического и медицинского характера, если таковые не были применены соответствующими органами до судебного разбирательства, могут быть применены судом в случае, если он признает не соответствующим данному случаю применение мер социальной защиты судебно-исправительного характера.

КК 33; КЗП 33; СНК 29.

30. При определении судом мер социальной защиты учитывается степень и характер опасности преступника и совершенного им преступления, личность преступника, мотивы преступления, а также насколько само преступление в данных условиях места и времени является общественно-опасным.

УК 24; КК 37, ч. 1; КЗП 34; СНК 30.

31. Суд при определении мер социальной защиты прежде всего разрешает вопрос об общественной опасности настоящего преступления, после чего при определении конкретной меры принимает более строгую меру социальной защиты:

Внесено сессией.

а) если преступление совершено в целях восстановления власти буржуазии;

УК 25, п. „а“; КК 37, п. „а“; КЗП 35, п. „а“.

б) если преступление совершено лицом, в той или иной мере связанным с принадлежностью в прошлом или настоящем к классу лиц, эксплуатирующих чужой труд;

КК 37, п. „в“; КЗП 35, п. „в“; СНК 31, п. „а“.

в) если преступление, хотя и не направлено непосредственно против интересов советского государства или интересов трудящихся, но по своим объективным результатам может принести ущерб этим интересам;

УК 25, п. „б“; КК 37, п. „б“; КЗП 35, п. „б“; СНК 31, п. „б“.

г) если преступление совершено группой, бандой или рецидивистом;

УК 25, пп. „е“, „ж“; КК 37, п. „г“; КЗП 35, п. „г“; СНК 31, п. „в“.

д) если преступление совершено из корыстных или иных низменных побуждений;

УК 25, п. „г“; КК 37, п. „д“; КЗП 35, п. „д“; СНК 31, п. „г“.

е) если оно совершено с особой жестокостью, насилием или хитростью.

УК 25, пп. „з“ „и“; КК 37, п. „е“; КЗП 35, п. „е“; СНК 31, п. „г“.

32. Более мягкая мера социальной защиты определяется судом, если преступление было совершено:

а) хотя и с превышением мер необходимой обороны, но для защиты от посягательств на советскую власть, революционный правопорядок или личность и права оборонявшегося либо другого лица;

СНК 32, п. „а“.

б) рабочим или трудовым крестьянином;

КК 37, ч. 2, п. „а“; КЗП 36, п. „б“; СНК 32, п. „б“.

в) в первый раз;

УК 25, п. „е“; СНК 32, п. „в“.

г) по мотивам, лишенным корысти и каких бы то ни было низменных побуждений;

УК 25, п. „г“; КЗП 36, п. „г“; СНК 32, п. „г“.

д) под влиянием угрозы, принуждения, служебной или экономической зависимости;

УК 25, п. „и“; КК 37, ч. 2, п. „в“; КЗП 36, п. „д“; СНК 32, п. „д“.

е) под влиянием сильного душевного волнения;

УК 25, п. „и“; КК 37, ч. 2, п. „г“; КЗП 36, п. „е“; СНК 32, п. „е“.

ж) в состоянии голода, нужды и вообще под влиянием стечения тяжелых личных или семейных условий;

УК 25, п. „в“; КК 37, ч. 2, п. „д“; КЗП 36, п. „ж“; СНК 32, п. „ж“.

з) по невежеству, неосознанности или случайному стечению обстоятельств;

УК 25, п. „д“; КК 37, ч. 2, п. „б“; КЗП 36, п. „з“; СНК 32, п. „з“.

и) лицом, не достигшим совершеннолетия, или в состоянии беременности.

УК 25, п. „к“; КК 37, ч. 2, п. „з“.

33. Когда в совершенном обвиняемым деянии содержатся признаки нескольких преступлений, а равно в случае совершения обвиняемым до вынесения приговора двух или более преступлений, меры социальной защиты определяются по тому преступлению, которое влечет за собой более строгую меру.

УК 29, 30; КК 36; КЗП 37; СНК 33.

34. В случае, если, по мнению суда, из обстоятельств дела вытекает целесообразность назначения меры социальной защиты ниже низшего предела, установленного законом в соответствующей статье, такое понижение допускается исключительно с приведением соответствующих мотивов.

УК 28; КК 38; КЗП 38, ч. 1; СНК 34.

35. В случаях, когда суд, по тем или иным соображениям, признает целесообразным совершенно освободить совершившего преступление от применения меры социальной защиты, или хотя и признает целесообразным, но не считает для себя возможным понизить меру социальной защиты, суду предоставляется право войти с ходатайством о том в подлежащий центральный исполнительный комитет.

Право освобождать осужденных от применения мер социальной защиты и понижать установленную законом меру социальной защиты принадлежит: в отношении приговоров народных судов, а равно губернских, областных и соответствующих им судов и верховных судов союзных республик — центральным исполнительным комитетам последних по принадлежности, а в отношении приговоров Верховного Суда Союза ССР и военных трибуналов — Центральному Исполнительному Комитету Союза ССР.

УПК 326, ч. 2; КК 38, ч. 2; КЗП 41; СНК 35.

36. Если при вынесении приговора, присуждающего к принудительным работам или к лишению свободы со строгой изоляцией или без нее, окажется, что степень общественной опасности осужденного не требует изоляции его или назначения ему принудительных работ, то суду предоставляется право постановить о неприведении приговора в исполнение под условием несовершения осужденным нового не менее тяжкого преступления в течение установленного судом срока, который не может быть менее года и более 10 лет.

УК 36; КК 34, ч. 1; КЗП 39; СНК 36.

37. В случае совершения условно-осужденным в течение испытательного срока нового не менее тяжкого преступления условно отсроченная мера социальной защиты приводится в исполнение, независимо от меры социальной защиты, назначенной по новому делу, но с тем, что, если в последнем случае определено лишение свободы, таковое по совокупности не должно превышать 10 лет.

УК 37; КК 34, ч. 2; КЗП 40, ч. 1; СНК 37, ч. 2.

Условия и порядок применения условного осуждения устанавливаются законодательством союзных республик.

КЗП, 40, ч. 2; СНК 37, ч. 2.

РАЗДЕЛ IV.

Об условно-досрочном освобождении осужденного от применения определенной судом меры социальной защиты.

38. [В редакции 1926 г.] К лицам, присужденным к срочным мерам социальной защиты и обнаруживающим исправление, по отбытии не менее одной трети срока определенной судом меры социальной защиты может быть применено условно-досрочное освобождение.

Условно-досрочное освобождение выражается либо в освобождении от дальнейшего отбывания меры социальной защиты, либо в замене определенной судом меры социальной защиты более мягкой мерой.

Порядок применения условно-досрочного освобождения в отношении лиц, осужденных судебными учреждениями Союза ССР, определяется законодательством Союза ССР, а в отношении лиц, осужденных судебными учреждениями союзных республик — законодательством союзных республик.

Примечание. В порядке законодательства союзных республик минимальный срок, установленный абзацем первым настоящей статьи, может быть повышен.

Пост. През. ЦИК'а и СНК Союза от 10/XII 1926 г. Опубл. в „Известиях“ от 31 XII 1926 г.).¹⁾

¹⁾ (В редакции 31/XII 1924.)

38. К лицам, присужденным к срочным мерам социальной защиты и обнаруживающим исправление, может быть применено условно-досрочное освобождение от дальнейшего отбывания определенной судом меры социальной защиты.

Оно выражается либо в освобождении от дальнейшего отбывания приговора, либо в замене определенной судом меры социальной защиты более мягкой мерой и применяется судом, вынесшим приговор, или судом того района, где содержится осужденный. Порядок применения условно-досрочного освобождения определяется законодательством союзных республик.

УК 52, 53; КК 39; КЗП 42; СНК 38.

39. Если условно-досрочно освобожденный совершит в течение неотбытого срока новое, не менее тяжелое преступление, то неотбытая им часть срока присоединяется к мере социальной защиты, принятой судом в отношении его за новое, не менее тяжкое преступление. Если в качестве меры социальной защиты определено судом лишение свободы, то общий срок не может превышать 10 лет.

УК 54; КК 40; КЗП 43; СНК 39.

Председатель ЦИК Союза ССР М. Калинин.

Секретарь ЦИК Союза ССР А. Енукидзе.

31 октября 1924 г.

(С. З. 1924 г., № 24, ст. 205.)

СПбГУ

**Проект постановления ЦИК'а Союза ССР о введении
в действие Основных Начал.**

К 2-й сессии ЦИК Союза ССР 2-го созыва
Проект (СНК).

Согласно постановления Президиума ЦИК Союза ССР от 16 октября 1924 г., раздается членам ЦИК Союза ССР, как материал.

Постановление

Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР.

О введении в действие положений... об основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, о воинских преступлениях...

Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет:

II

5. Утвердить положение об основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и положение о воинских преступлениях.
6. Постановления уголовных кодексов союзных республик о воинских преступлениях отменить.
7. Поручить Президиуму ЦИК и СНК Союза ССР выработать и ввести в действие, с последующим внесением на утверждение ЦИК Союза ССР в ближайшую сессию:
 - а) положения о государственных и других преступлениях, подлежащих, согласно ст. 3 положения об основных началах уголовного законодательства, нормированию в порядке общесоюзного законодательства;
 - б) постановление о случаях и порядке, в которых временно допускается применение расстрела в качестве высшей меры социальной защиты (примеч. к ст. 13 положения об основных началах уголовного законодательства);
 - в) постановление о порядке применения, в качестве меры социальной защиты, удаления из пределов отдельной союзной республики или местности (ст. 22 положения об основных началах уголовного законодательства).

8. Предоставить Президиуму ЦИК и СНК Союза ССР право впредь при утверждении общесоюзных законов устанавливать в случае необходимости меры социальной защиты против нарушителей указанных законов, на основе положения об основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

VII

20. Предложить ЦИК'ам союзных республик не позднее 1 января 1925 г. внести необходимые изменения в законодательство упомянутых республик, в целях согласования его с положениями, указанными в ст. ст. . . . 5 . . . настоящего постановления.

21. В виду особо важного значения законов, разграничивающих, на основе Конституции Союза ССР, сферы законодательной компетенции Союза ССР и союзных республик, для обеспечения единства политики Союза ССР при полном ограждении прав союзных республик, — поручить центральным и местным органам Союза ССР и союзных республик внимательно изучать опыт применения вышеупомянутых положений с целью внесения в них в установленном порядке необходимых улучшений и поправок. Вместе с тем, в целях дальнейшего уточнения упомянутых положений, предоставить Президиуму ЦИК и СНК Союза ССР право издания постановлений в развитие этих положений с внесением в подлежащих случаях на утверждение ЦИК Союза ССР.

Проект Основных Начал в редакции СНК.

К II сессии ЦИК'а Союза ССР 2-го созыва.
Проект.

ОСНОВНЫЕ НАЧАЛА УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК.

Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик имеет своей задачей судебную-правовую защиту государства трудящихся от общественно-опасных деяний, подрывающих власть трудящихся или нарушающих установленный ею порядок.

Задача эта осуществляется путем применения к правонарушителям мер социальной защиты в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР и союзных республик на основании общих начал, изложенных в следующих статьях.

РАЗДЕЛ I.

Пределы действия уголовного законодательства.

1. Все лица, находящиеся на территории Союза ССР, кроме пользующихся экстерриториальностью иностранных граждан, подлежат за совершенные ими на территории Союза преступления ответственности по уголовным законам места задержания или предания суду.

Граждане СССР подлежат, кроме того, ответственности по тем же законам за совершенные ими за границей преступления, в случае их задержания на территории Союза.

Вопросы об уголовной ответственности иностранных граждан, пользующихся экстерриториальностью, разрешаются дипломатическим путем.

РАЗДЕЛ II.

Общие постановления.

2. Подлежат различию две категории преступлений:

- а) направленные против основ советского строя, установленного в Союзе ССР волею рабочих и крестьян, и потому признаваемые наиболее опасными;
- б) все остальные преступления.

За первые преступления в уголовных законах Союза и союзных республик подлежит определению предел, ниже которого суд не может назначить меру социальной защиты, по всем же остальным преступлениям подлежит определению в законе лишь высший предел.

3. Отдельные виды преступлений и порядок применения к ним мер социальной защиты определяются уголовными законами союзных республик, за исключением преступлений государственных, воинских и тех, которые, как нарушающие правопорядок, установленный общесоюзным законодательством, определяются законами Союза ССР.

Если же общественно-опасные деяния прямо не предусмотрены уголовным законодательством, то основания и пределы ответственности, а также меры социальной защиты определяются судом по аналогии с теми статьями уголовных кодексов, которые предусматривают наиболее сходные по важности и роду преступления.

4. Меры социальной защиты применяются с целью:

а) предупреждения преступлений; б) лишения общественно-опасных элементов возможности совершать новые преступления; в) исправительно-трудового воздействия на осужденных.

Задач возмездия уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик не ставит. Все меры социальной защиты должны быть целесообразны и не должны иметь целью причинение физического страдания и унижения человеческого достоинства.

5. Меры социальной защиты разделяются на:

- а) меры карательного характера;
- б) меры медицинского характера и
- в) меры медико-педагогического характера.

6. Меры социальной защиты карательного характера применяются лишь в отношении лиц, которые:

- а) действуя умышленно, предвидели общественно-опасный характер последствий своих действий, желали этих последствий или сознательно допускали их наступление, или,
- б) действуя неосторожно, не предвидели последствий своих действий, хотя и должны были их предвидеть, или легкомысленно надеялись предотвратить таковые последствия.

7. Меры медицинского характера подлежат применению в отношении лиц, совершивших преступления в состоянии хронической душевной болезни или временного расстройства душевной деятельности, или в таком болезненном состоянии, когда не могли давать себе отчета в своих действиях или руководить ими, а равно в отношении тех, которые хотя и действовали в состоянии душевного равновесия, но к моменту вынесения приговора заболели душевной болезнью.

8. Меры социальной защиты медико-педагогического характера подлежат обязательному применению к малолетним; в отношении несовершеннолетних они подлежат применению только в тех случаях, когда соответствующими органами будет признано невозможным применение к этим лицам мер социальной защиты карательного характера. Во всех остальных случаях вопрос о применении мер медико-педагогического характера решается судом.

Примечание. Определение возраста несовершеннолетних и малолетних, как равно и обязательные в случае применения к несовершеннолетним меры социальной защиты карательного характера и предел смягчения последних определяются уголовными кодексами союзных республик.

9. Меры социальной защиты не применяются вовсе к лицам, совершившим действия, предусмотренные уголовными законами, если судом будет признано, что эти действия совершены лишь в состоянии необходимой обороны против незаконных посягательств на советскую власть и революционный порядок, либо на личность и права обороняющегося или другого лица, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны. Меры социальной защиты не применяются, когда те же действия совершены для отращения опасности, которая была неотвратима при данных обстоятельствах другими средствами, если причиненный при этом вред является менее важным по сравнению с охраненным благом.

10. Меры социальной защиты не применяются, если со времени совершения преступления истек давностный срок, исчисляемый согласно правил, установленных ст. 7 „Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик“.¹

11. Если начатое преступление не было доведено до конца, т.-е. если преступный результат по каким-либо причинам не наступил, то суд при выборе мер социальной защиты, назначенных уголовным законом за данный вид преступления, руководствуется степенью опасности лица, совершившего преступление, и степенью осуществления преступного намерения.

12. Меры социальной защиты применяются в отношении всех соучастников (подстрекателей, исполнителей, пособников) в зависимости как от степени их социальной опасности, так и от степени участия в преступлении.

РАЗДЕЛ III.

Меры социальной защиты и их применение судом.

13. Мерами социальной защиты карательного характера являются:

а) объявление врагом трудящихся с лишением гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР;

б) изгнание из пределов Союза ССР с лишением или без лишения гражданства Союза ССР;

в) лишение свободы со строгой изоляцией;

г) лишение свободы без строгой изоляции;

д) принудительные работы без содержания под стражей;

е) поражение прав;

ж) удаление из пределов отдельной местности с поселением в тех или иных местностях или без такового с запрещением проживания в тех или иных местностях или без такового запрещения;

з) увольнение от должности;

и) запрещение занятия той или иной должности или занятия той или иной деятельностью или промыслом;

к) общественное порицание;

¹ Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик:

7. Уголовное преследование не может быть возбуждено, когда со времени совершения преступления, за которое уголовными законами определяется в качестве меры социальной защиты лишение свободы на срок не ниже одного года, прошло не менее пяти лет или когда со времени совершения менее тяжелого преступления прошло три года, — при условии: а) если за все это время не было никакого производства или следствия по данному делу и б) если притом совершивший преступление, покрываемое давностью, не совершил за указанный в настоящей статье срок какого-либо другого, однородного преступления.

Обвинительный приговор не приводится вовсе в исполнение, если он не был приведен в исполнение в течение десяти лет со дня вынесения приговора.

Примечание 1. Высшая мера наказания подлежит обязательной замене, по выбору суда, изгнанием из пределов Союза ССР или лишением свободы со строгой изоляцией, если со времени совершения преступления прошло не менее пяти лет.

Примечание 2. В случаях привлечения к уголовной ответственности за активные действия или активную борьбу против рабочего класса и революционного движения, проявленную на ответственных или особо-секретных должностях при царском строе, применение давности в каждом случае предоставляется усмотрению суда.

- л) конфискация имущества;
- м) штраф и
- н) предостережение.

Примечание. Временно, в качестве высшей меры социальной защиты для борьбы с наиболее тяжкими преступлениями, угрожающими основам советского строя, может быть применяем расстрел, в случаях и порядке, устанавливаемых ЦИК Союза ССР.

Расстрел не может применяться к не достигшим 18-летнего возраста и к женщинам, находящимся в состоянии беременности.

14. Меры социальной защиты: поражение прав, удаление из пределов отдельных местностей с поселением в тех или иных местностях или без такового, с запрещением проживания в определенных местностях или без такового запрещения, увольнение от должности, запрещение занятия той или иной должности или занятия той или иной деятельностью или промыслом, общественное порицание, конфискация имущества, штраф, предостережение (пункты „д“, „е“, „ж“, „з“, „и“, „к“, „л“, „м“ и „н“ ст.13) могут быть применяемы судом как в качестве самостоятельных, так и в качестве дополнительных мер социальной защиты.

15. Мерами социальной защиты медицинского характера являются принудительное лечение и помещение в медико-изоляционные учреждения.

16. К мерам медико-педагогического характера относятся:

- а) отдача несовершеннолетних на попечение родителям, родственникам или другим лицам и учреждениям;
- б) помещение в специальные заведения (реформаториумы).

17. Объявление врагом трудящихся, а равно изгнание из пределов Союза ССР с лишением гражданства Союза ССР или без такового применяется в качестве мер социальной защиты лишь в отношении лиц, осужденных за контр-революционные преступления. В случае самовольного возвращения лица, изгнанного по судебному приговору из пределов Союза ССР, а равно в случае невозможности фактически привести в исполнение приговор об изгнании, суд применяет к нему иную меру социальной защиты, не ниже, однако, лишения свободы со строгой изоляцией на пять лет.

18. Лишение свободы устанавливается на срок не свыше 10 лет и обязательно соединяется с мерами исправительно-трудового воздействия.

Время предварительного заключения, а также время, проведенное в заключении с момента объявления приговора до вступления его в законную силу, обязательно засчитывается в срок лишения свободы, определенный судом. При применении иных мер социальной защиты, указанных в пп. „г“, „д“, „е“, „ж“, „з“, „и“, „к“, „л“ ст. 18 настоящего закона, суду предоставляется право принимать во внимание предварительное лишение свободы до суда.

Порядок зачета предварительного лишения свободы определяется законодательством союзных республик.

19. Принудительные работы без лишения свободы назначаются на срок не свыше одного года. Характер и организация принудительных работ, а равно и порядок замены принудительных работ содержанием под стражей определяется законодательством союзных республик.

20. Поражение прав заключается в лишении:

- а) активного и пассивного избирательного права;
- б) права быть членом общественных и профессиональных организаций;
- в) права занимать те или иные государственные должности, исполнять общественные обязанности и носить почетное звание.

Лишение прав назначается на срок не свыше пяти лет. В случаях, когда лишение прав присоединяется в качестве дополнительной меры социальной защиты при

одновременном назначении лишения свободы, таковое распространяется на все время отбытия заключения и сверх того на срок, указанный судом.

21. При поражении прав, суд обязан войти с представлением в соответствующий ЦИК о лишении осужденного знаков отличия, назначаемых ЦИК Союза ССР и ЦИК'ами союзных республик.

22. Удаление из пределов отдельной союзной республики или местности с поселением в другой местности или без такового, с запрещением проживания в определенных местностях или без такового, назначается судом в отношении лиц, признанных по своей преступной деятельности или по связи с преступной средой в данной местности социально-опасными. Эта мера может быть применяема судом по предложению органов прокуратуры к указанной категории лиц как независимо от привлечения их к судебной ответственности за совершение определенного преступления, так и в том случае, когда они, будучи привлечены по обвинению в совершении определенного преступления, будут судом оправданы, но признаны социально-опасными.

Удаление из пределов отдельной союзной республики или местности допускается лишь в порядке, особо определяемом общесоюзным законодательством. Меры социальной защиты, упоминаемые в настоящей статье, назначаются на срок не свыше 3 лет.

23. Запрещение заниматься определенной профессией или промыслом применяется судом, как мера социальной защиты, на срок не свыше 3 лет.

24. Общественное порицание заключается в выражении судом и опубликовании от имени суда приговоренному осуждения за совершенное им преступление.

25. Конфискация имущества состоит в принудительном и безвозмездном отчуждении государством всего или точно определенной судом части имущества осужденного. Конфискации не подлежат необходимые для осужденного и его семьи предметы домашнего обихода и служащие средством к существованию орудия мелкого, кустарного, ремесленного или сельскохозяйственного производства. Количество необходимого для профессиональной работы инвентаря, предметов питания и денежных сумм, подлежащее оставлению осужденному, устанавливается законодательством союзных республик.

26. При конфискации имущества государство не отвечает по обременяющим имущество долгам и обязательствам, если таковые возникли после принятия следственными властями мер по охране имущества и при том без согласия охраняющего органа.

В отношении претензий, подлежащих удовлетворению за счет конфискуемого имущества, государство отвечает лишь в пределах актива, с соблюдением следующего порядка очередности: в первую очередь подлежат удовлетворению получатели заработной платы, во вторую — претензии органов соцстраха по социальному страхованию, в третью — претензии других госорганов и в четвертую — все остальные претензии.

Порядок и характер указанных в настоящей статье мер обеспечения и порядок удовлетворения претензий определяются общесоюзным законодательством.

27. Штраф налагается судом в соответствии с имущественным положением осужденного. В случае невнесения штрафа, штраф может быть заменен принудительными работами, при чем порядок такой замены определяется законодательством союзных республик. Замена штрафа лишением свободы и лишения свободы штрафом не допускается.

Примечание. Предметы, не подлежащие конфискации, согласно ст. 27, не могут быть изъяты и при наложении штрафа.

28. Если суд при вынесении оправдательного приговора усмотрит, что поведение подсудимого дает возможность опасаться совершения им преступления в будущем, то судом может быть объявлено подсудимому предостережение.

29. Меры социальной защиты медико-педагогического и медицинского характера, если таковые не были применены соответствующими органами до судебного разбирательства, могут быть применены судом в случае, если он признает не соответствующим данному случаю применение мер социальной защиты карательного характера.

30. При определении судом мер социальной защиты учитывается степень и характер опасности преступника и совершенного им преступления, личность преступника, мотивы преступления, а также, насколько само преступление в данных условиях места и времени является общественно-опасным.

31. Суд избирает более строгую меру социальной защиты:

- а) если преступление в той или иной мере связано с принадлежностью совершившего преступление в прошлом или настоящем к классу эксплуатируемых чужой труд;
- б) если преступление, хотя и не направлено непосредственно против интересов советского государства или интересов трудящихся, но по своим объективным результатам может принести ущерб этим интересам;
- в) если преступление совершено группой, шайкой, бандой или преступником по профессии;
- г) если преступление совершено из корыстных или иных низменных побуждений;
- д) если оно совершено с особой жестокостью, насилием или хитростью.

32. Более мягкая мера социальной защиты определяется судом, если преступление было совершено:

- а) хотя и с превышением мер необходимой обороны, но для защиты от незаконных посягательств на советскую власть, революционный правопорядок или личность и права оборонявшегося, либо другого лица;
- б) рабочим или трудовым крестьянином;
- в) в первый раз;
- г) по мотивам, лишенным корысти и каких бы то ни было низменных побуждений;
- д) под влиянием угрозы, принуждения, служебной или экономической зависимости;
- е) под влиянием сильного душевного волнения;
- ж) в состоянии голода, нужды и вообще под влиянием стечения тяжелых, личных или семейных условий;
- з) по невежеству, неосознанности или случайному стечению обстоятельств.

33. Когда в совершенном обвиняемом деянии содержатся признаки нескольких преступлений, а равно в случае совершения обвиняемым до вынесения приговора двух или более преступлений, меры социальной защиты определяются по тому преступлению, которое влечет за собой более строгую меру.

34. В случае, если, по мнению суда, из обстоятельств дела вытекает целесообразность назначения меры социальной защиты ниже низшего предела, установленного законом в соответствующей статье, такое понижение допускается исключительно с приведением соответствующих мотивов.

35. В случаях, когда суд по тем или иным соображениям признает целесообразным совершенно освободить совершившего преступление от наказания, или хотя и признает целесообразным, но не считает для себя возможным понизить меру социальной защиты, — суду предоставляется право войти с ходатайством о том в подлежащий центральный исполнительный комитет советов.

Право освобождать осужденных от наказания и понижать установленную законом меру социальной защиты принадлежит: в отношении приговоров народных судов, а равно губернских, областных и соответствующих им судов и верховных судов союзных республик — ЦИК'ам последних по принадлежности, а в отношении приговоров Верховного Суда Союза ССР и военных трибуналов — ЦИК'у Союза ССР.

36. Если при вынесении приговора, присуждающего к принудительным работам или к лишению свободы со строгой изоляцией или без нее, окажется, что степень социальной опасности осужденного не требует изоляции его или назначения ему принудительных работ, то суду предоставляется право постановить о неприведении приговора в исполнение под условием несовершения осужденным однородного или более тяжкого преступления в течение установленного судом срока, который не может быть менее года и более 10 лет.

37. В случае совершения условно-осужденным в течение испытательного срока однородного по тяжести преступления, условно отсроченная мера социальной защиты приводится в исполнение, независимо от меры социальной защиты, назначенной по новому делу, но с тем, что если в последнем случае определено лишение свободы, такое по совокупности не должно превышать 10 лет.

Условия и порядок применения условного осуждения устанавливаются законодательством союзных республик.

РАЗДЕЛ IV.

О досрочном освобождении осужденного от применения определенной судом меры социальной защиты.

38. К лицам, присужденным к срочным мерам социальной защиты и обнаруживающим исправление, может быть применено досрочное освобождение от дальнейшего отбывания определенной судом меры социальной защиты.

Оно выражается либо в освобождении от дальнейшего отбывания приговора, либо в замене определенной судом меры социальной защиты более мягкой мерой и применяется судом, вынесшим приговор, или судом того района, где содержится осужденный. Порядок применения досрочного освобождения определяется законодательством союзных республик.

39. Если досрочно-освобожденный совершит в течение не отбытого срока новое однородное или более тяжкое преступление, то не отбывая им часть срока присоединяется к мере социальной защиты, принятой судом в отношении его за новое однородное преступление. Если в качестве меры социальной защиты определено судом лишение свободы, то общий срок не может превышать 10 лет.

Примечание. Точное определение порядка досрочного освобождения, а равно перечень преступлений, при которых досрочное освобождение не допускается, устанавливаются законодательством Союза ССР и союзных республик по принадлежности (ст. 3).

40. Законодательство союзных республик должно содержать правила попечительного надзора за условно-осужденными и досрочно-освобожденными (патронат).

Проект Основных Начал в редакции Комиссии законодательных предположений.

ОСНОВНЫЕ НАЧАЛА УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК.

Каждая союзная республика имеет свой самостоятельный уголовный кодекс, исходящий из нижеследующих общих и обязательных для законодательства каждой из союзных республик основных положений.

РАЗДЕЛ 1-й.

Пределы действия уголовного законодательства.

Ст. 1. Каждый гражданин Союза ССР подлежит ответственности за преступные действия, им совершенные, по законам той союзной республики, на территории которой последние совершены, а если они были совершены им за пределами Союза ССР, то по законам той союзной республики, гражданином которой он является.

В тех случаях, когда преступление начато на территории одной союзной республики и продолжено на территории другой, дело рассматривается по законам той республики, где дело начато. В случае же разногласия — вопрос разрешается Верховным Судом Союза ССР.

Ст. 2. Иностранцы, находящиеся на территории Союза ССР и не пользующиеся правом экстерриториальности, несут ответственность за преступления, ими совершенные, по законам той республики, на территории которой они были ими совершены.

За преступления, совершенные за пределами Союза ССР и направленные против основ государственного строя или военной мощи Союза ССР или основ государственного строя союзных республик, иностранцы несут ответственность по законам той республики, на территории которой они были задержаны, если преступление направлено против Союза ССР, или по законам той республики, против которой они совершили преступление.

РАЗДЕЛ 2-й.

Общие постановления.

Ст. 3. Уголовные законы союзных республик имеют задачей защиту рабоче-крестьянского государства от общественно-опасных лиц и от преступлений, совершенных как классовыми его противниками, так и трудящимися, которые нарушают установленный рабоче-крестьянской властью революционный правопорядок. Задача эта осуществляется путем применения к нарушителям мер социальной защиты.

Ст. 4. Преступлением признается всякое общественно-опасное действие или бездействие, подрывающее власть трудящихся или правопорядок, ею установленный, или им угрожающее.

Ст. 5. Подлежат различению две категории преступлений:

- а) направленные против установленных в Союзе Советских Социалистических Республик основ нового строя и потому признаваемые наиболее опасными;
- б) все остальные преступления.

За первые преступления в уголовных кодексах союзных республик подлежит определению предел, ниже которого суд не может назначить меру социальной защиты; по всем остальным преступлениям подлежит определению в законе лишь высший предел.

Ст. 6. Отдельные виды преступлений указываются в Уголовных Кодексах союзных республик. Если же общественно-опасные действия в смысле ст. 3-й настоящих основных начал прямо не предусмотрены уголовным законодательством, то основания и пределы ответственности, а также меры социальной защиты определяются судом по аналогии с теми статьями уголовных кодексов, которые предусматривают наиболее сходные по важности и роду преступления.

Ст. 7. Меры социальной защиты применяются с целью:

- а) предупреждения новых преступлений как со стороны совершивших их, так и со стороны неустойчивых элементов общества;
- б) лишения преступника и общественно-опасных элементов возможности совершать преступления;
- в) приспособления нарушителей к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия.

В соответствии с этим меры социальной защиты должны быть целесообразны и не должны причинять бесполезных и лишних страданий. Задач возмездия уголовное законодательство себе не ставит.

Ст. 8. Меры социальной защиты разделяются на:

- а) меры репрессивного характера;
- б) меры медицинского характера и
- в) меры медико-педагогического характера, могущие быть применяемыми как в связи с судебным приговором, так и независимо от него.

Ст. 9. Меры социальной защиты репрессивного характера применяются в отношении лиц, которые, действуя умышленно, предвидели общественно-опасный характер последствий своих действий, желали этих последствий, или сознательно допускали их наступление, или которые, действуя неосторожно, не предвидели последствий своих действий, хотя и должны были их предвидеть, или легкомысленно надеялись предотвратить таковые последствия.

Ст. 10. Меры медицинского характера подлежат применению в отношении лиц, совершивших преступление в состоянии хронической душевной болезни или временного расстройства душевной деятельности или в таком болезненном состоянии, когда не могли давать себе отчета в своих действиях или руководить ими, а равно в отношении тех, которые, хотя и действовали в состоянии душевного равновесия, но к моменту вынесения приговора заболели душевной болезнью.

Ст. 11. Меры социальной защиты медико-педагогического характера обязательно применяются к малолетним, а в отношении несовершеннолетних только в случаях, когда соответствующими органами будет признано невозможным применение к ним мер социальной защиты репрессивного характера. Во всех остальных случаях вопрос о применении мер медико-педагогического характера решается судом.

Примечание. Определение возраста несовершеннолетних и малолетних, как равно и обязательные, в случае применения к ним мер социальной защиты репрессивного характера, пределы смягчения последних определяются уголовными кодексами союзных республик.

Ст. 12. Меры социальной защиты не применяются вовсе к лицам, совершившим действия, которые хотя и были предусмотрены уголовными кодексами союзных республик, но были совершены в состоянии необходимой обороны против незаконных посягательств на личность и право обороняющегося или другого лица, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны. Меры социальной защиты не применяются, когда те же действия совершены для отвращения опасности, которая была неотвратима при данных обстоятельствах другими средствами, если причиненный при этом вред является менее важным по сравнению с охраненным благом.

Ст. 13. Меры социальной защиты не применяются, если со времени совершения преступления истек давностный срок. Давностные сроки устанавливаются законодательством союзных республик, но ни при каких условиях не должны превышать 10-ти лет.

Ст. 14. Покушением на преступление признается действие, направленное на совершение преступления, но не повлекшее за собой преступного результата по причинам, от совершившего данное действие не зависящим.

Покушение на преступление влечет за собой, по общему правилу, применение тех же мер социальной защиты, что и при оконченном преступлении.

Ст. 15. Приготовлением к преступлению признается приспосабливание или приспособление орудий и средств к совершению преступления или создание условий, облегчающих его совершение.

Приготовление к преступлению является основанием для применения мер социальной защиты лишь в случаях, указанных в особенной части уголовных кодексов союзных республик.

Ст. 16. Меры социальной защиты применяются в отношении всех соучастников (подстрекателей, исполнителей, пособников), в зависимости как от степени их социальной опасности, так и от степени участия в преступлении.

РАЗДЕЛ 3-й.

Меры социальной защиты и их применение судом.

Ст. 17. Мерами социальной защиты репрессивного характера являются:

- а) изгнание из пределов Союза ССР;
- б) лишение свободы со строгой изоляцией;
- в) лишение свободы без строгой изоляции;
- г) принудительные работы без содержания под стражей;
- д) поражение прав;
- е) поражение отдельных прав;
- ж) удаление из пределов отдельной союзной республики или отдельной местности, с запрещением проживания в отдельных местностях и без такового запрещения;
- з) увольнение от должности;
- и) запрещение занятия той или иной должности или занятия той или иной деятельностью или промыслом;
- к) общественное порицание;
- л) конфискация имущества полная или частичная;
- м) штраф.

Примечание. Временно, в качестве высшей меры социальной защиты впредь до полной отмены ее ЦИК'ом Союза ССР, для борьбы с наиболее тяжкими видами преступлений, угрожающими основам советской власти и совет-

ского строя, допускается расстрел, в порядке и случаях, особо законами определенных.

Эта мера не применяется к не достигшим 18-летнего возраста, а также к женщинам, находящимся в состоянии беременности.

Высшая мера социальной защиты подлежит обязательной замене, по выбору суда, мерой социальной защиты, предусмотренной п. „б“ ст. 17-й, если со времени совершения преступления прошло не менее пяти лет.

Ст. 18. Меры социальной защиты: поражение прав, поражение отдельных прав, удаление из пределов отдельных союзных республик или отдельных местностей с запрещением проживания в определенных местностях или без такового запрещения, увольнение от должности, запрещение занятия той или иной должности или занятия той или иной деятельностью или промыслом, общественное порицание, конфискация имущества полная или частичная, штраф (пп. „д“, „е“, „ж“, „з“, „и“, „к“, „л“ и „м“ ст. 17-й) могут быть применяемы судом как в качестве самостоятельных, так и в качестве дополнительных мер социальной защиты.

Ст. 19. К мерам социальной защиты медицинского характера относятся:

- а) помещение в учреждения для умственно-и морально-дефективных;
- б) принудительное лечение.

Ст. 20. К мерам медико-педагогического характера относятся:

- а) отдача несовершеннолетних на поруки родителям, родственникам или другим лицам;
- б) помещение в специальные учреждения (реформаториумы).

Ст. 21. Изгнание из пределов Союза ССР применяется в качестве меры социальной защиты в отношении наиболее опасных преступников. В случае самовольного возвращения лица, изгнанного по судебному приговору из пределов Союза ССР, к нему судом применяется лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже пяти лет, а при наличии отягчающих обстоятельств — расстрел.

Ст. 22. Лишение свободы устанавливается на срок от 3-х месяцев до 10 лет и обязательно соединяется с мерами приспособления осужденного к общежитию путем исправительно-трудового воздействия.

Предварительное заключение под стражу обязательно засчитывается в срок лишения свободы, определенный судом. Суду предоставляется право при применении иных мер социальной защиты, указанных в пп. „г“—„м“ включительно ст. 17 настоящего закона, также по обстоятельствам дела зачитывать в определенную им меру социальной защиты предварительное содержание под стражей до суда.

Порядок зачета предварительного содержания под стражей определяется законодательством союзных республик.

Ст. 23. Принудительные работы без содержания под стражей назначаются на срок не свыше одного года. Характер и организация принудительных работ, равно как и порядок замены принудительных работ содержанием под стражей определяются законодательством союзных республик.

Ст. 24. Поражение прав заключается в лишении:

- а) прав политических;
- б) членства в общественных и профессиональных организациях;
- в) права занимать государственные должности и исполнять общественные обязанности.

Лишение прав назначается на срок не свыше пяти лет. В случаях, когда лишение прав присоединяется в качестве дополнительной меры социальной защиты при одновременном назначении лишения свободы, таковое распространяется на все время отбывания заключения и, сверх того, на срок, указанный судом.

Ст. 25. Условия и порядок поражения отдельных прав устанавливаются законодательством союзных республик.

Ст. 26. При поражении прав, согласно п. „д“ ст. 17-й, суд обязан, а при поражении некоторых прав, согласно п. „е“ ст. 17-й, может войти с представлением в соответствующий ЦИК о лишении оужденного ордена Красного и Трудового Знамени и иных знаков отличия, назначаемых ЦИК'ами союзных республик.

Ст. 27. Удаление из пределов отдельной союзной республики или местности с запрещением проживания в определенных местностях или без такового назначается судом в отношении лиц, признанных по своей преступной деятельности или по связи с преступной средой в данной местности социально-опасными. Эта мера может быть применяема к указанной категории лиц как независимо от привлечения их к судебной ответственности за совершение определенного преступления, так и в том случае, когда они, будучи привлечены по обвинению в совершении определенного преступления, будут судом оправданы.

Удаление из пределов отдельной союзной республики или местности допускается лишь в порядке, особо определяемом общесоюзным законодательством. Меры социальной защиты, упоминаемые в настоящей статье, назначаются на срок не свыше 3-х лет.

Ст. 28. Запрещение заниматься определенной профессией или промыслом применяется судом как мера социальной защиты на срок не свыше пяти лет.

Ст. 29. Общественное порицание заключается в выражении судом от имени государства приговоренному осуждения за совершенное им преступление.

Ст. 30. Конфискация имущества состоит в принудительном и безвозмездном отчуждении государством всего или точно определенной судом части имущества осужденного. Конфискация не подлежат необходимые для осужденного и его семьи предметы домашнего обихода и служащие средством к существованию орудия мелкого, кустарного, ремесленного или с.-х. производства. Количество необходимого для профессиональной работы инвентаря, предметов питания и денежных сумм, подлежащее оставлению осужденному, устанавливается законодательством союзных республик.

Ст. 31. При конфискации имущества государство не отвечает по обременяющим имущество долгам и обязательствам, если таковые возникли после принятия следственными властями мер по охране имущества. В остальных случаях претензии третьих лиц удовлетворяются из конфискованного имущества, при чем преимущество перед всеми претендентами по выдаче в первую очередь заработной платы и удовлетворении потерпевшего отдается государственным органам.

Ст. 32. Штраф есть денежное взыскание, налагаемое судом в соответствии с имущественным положением осужденного. В случае уклонения от внесения штрафа, штраф может быть заменен принудительными работами. Порядок замены определяется законодательством союзных республик. Замена штрафа лишением свободы и лишения свободы штрафом не допускается.

Примечание. Предметы, не подлежащие конфискации, согласно ст. 30, не могут быть изъяты и при наложении штрафа.

Ст. 33. Меры социальной защиты медико-педагогического и медицинского характера, если таковые не были применены соответственными органами до судебного разбирательства, могут быть применены судом в случае, если он признает не соответствующим данному случаю применение мер социальной защиты репрессивного характера.

Ст. 34. При определении судом меры социальной защиты учитывается степень и характер опасности как самого преступника, так и совершенного им преступления, для чего выясняется обстановка совершенного преступления, личность преступника, мотивы преступления, а также насколько само преступление в данных условиях места и времени является общественно-опасным.

Ст. 35. Суд назначает более строгую меру социальной защиты:

- а) если преступление совершено в интересах восстановления власти буржуазии;
- б) если оно направлено против советского государства в целом или против интересов трудящихся;
- в) если оно было совершено лицом, по своему классовому происхождению или классовой принадлежности в настоящем могущим быть отнесенным к врагам трудящихся;
- г) если преступление совершено группой, шайкой, бандой, преступником по профессии или по привычке;
- д) если преступление совершено из корыстных или иных низменных побуждений;
- е) если оно совершено с особой жестокостью, насилием или хитростью.

Ст. 36. Более мягкая мера социальной защиты определяется судом, если преступление было совершено:

- а) в интересах трудящихся;
- б) лицом, по своему классовому происхождению или по своей классовой принадлежности в настоящем могущим быть отнесенным к трудящимся;
- в) случайным преступником;
- г) по мотивам, которые сами по себе заслуживают уважения;
- д) под влиянием угрозы, принуждения, служебной или экономической зависимости;
- е) под влиянием сильного душевного волнения;
- ж) в состоянии голода, нужды и вообще под влиянием стечения тяжелых личных или семейных условий;
- з) по невежеству или неосознанности.

Ст. 37. Когда в совершенном обвиняемым деянии содержатся признаки нескольких преступлений, а равно в случае совершения обвиняемым до вынесения приговора двух или более преступлений, мера социальной защиты определяется согласно статьи, устанавливающей более строгую меру.

Ст. 38. В случае, если, по мнению суда, из обстоятельств дела вытекает целесообразность назначения меры социальной защиты ниже низшего предела, установленного законом в соответствующей статье, такое понижение допускается исключительно с приведением соответствующих мотивов.

Ст. 39. Все меры социальной защиты репрессивного характера, кроме указанных в пп. „а“, „б“ ст. 17, а равно в примечании к ст. 17, могут применяться условно.

Условное осуждение состоит в постановлении о неприведении обвинительного приговора в исполнение при условии несовершения осужденным нового однородного преступления в течение определенного судом срока (не менее года и не более десяти лет).

Условное осуждение может иметь место, если суд установит, что степень опасности осужденного для общества не требует обязательно немедленного применения мер социальной защиты репрессивного характера.

Однородным преступлением считается преступление одинаковое по составу.

Ст. 40. В случае совершения условно осужденным в течение испытательного срока однородного преступления, условно отсроченная мера социальной защиты приводится в исполнение независимо от меры социальной защиты, назначенной по новому делу, но с тем, что, если в последнем случае определено лишение свободы, такое по совокупности не должно превышать 10 лет.

Условия и порядок применения условного осуждения устанавливаются законодательством союзных республик.

Ст. 41. Полное освобождение судом от назначения мер социальной защиты допускается при наличии у суда убеждения в том, что преступник не является со-

циально-опасным и что не представляется необходимым применение к нему даже условного осуждения. Освобождение судом от мер социальной защиты не считается судимостью.

РАЗДЕЛ 4-й.

Об условно-досрочном освобождении осужденного от применения определенной судом меры социальной защиты.

Ст. 42. К лицам, приговоренным к срочным мерам социальной защиты и обнаруживающим исправление, может быть применено условно-досрочное освобождение от дальнейшего отбывания определенной судом меры социальной защиты.

Оно выражается либо в полном освобождении от отбывания приговора, либо в замене определенной судом меры социальной защиты более мягкой мерой и применяется судом, вынесшим приговор, или судом того района, где содержится осужденный. Порядок применения досрочного освобождения определяется законодательством союзных республик. Ходатайство о досрочном освобождении может быть возбуждаемо не ранее отбытия осужденным половины срока.

Ст. 43. Если досрочно освобожденный совершит в течение не отбытого срока новое однородное преступление, то неотбытая им часть срока присоединяется к мере социальной защиты, принятой судом в отношении его за новое однородное преступление. Если в качестве меры социальной защиты определено лишение свободы, то общий срок не может превышать 10-ти лет.

Примечание. Точное определение порядка досрочного освобождения, а равно перечень преступлений, при которых досрочное освобождение не допускается, устанавливаются законодательством союзных республик.

Ст. 44. Законодательство союзных республик должно содержать правила попечительного надзора за условно-осужденными и досрочно-освобожденными (патронат).

**Проект Основных Начал в редакции
Конституционной Комиссии.**

**ОСНОВНЫЕ НАЧАЛА УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
СОЮЗА ССР.**

Каждая союзная республика имеет свой самостоятельный уголовный кодекс, исходящий из нижеследующих общих и обязательных для законодательства каждой из союзных республик основных положений.

РАЗДЕЛ 1-й.

Пределы действия уголовного законодательства.

Ст. 1. Каждый гражданин Союза ССР подлежит ответственности за действия, им совершенные, по законам той республики, на территории которой они были им совершены, а если они были совершены им за пределами Союза ССР, то по законам той республики, гражданином которой он является.

Ст. 2. Иностранцы, находящиеся на территории Союза ССР и не пользующиеся правом экстерриториальности, несут ответственность за преступления, ими совершенные, по законам той республики, на территории которой они были ими совершены, а если они были ими совершены за пределами Союза ССР и при том были направлены против основ государственного строя или военной мощи Союза ССР или союзных республик, то по законам той республики, на территории которой они были задержаны, или против которой они совершили преступление.

РАЗДЕЛ 2-й.

Общие положения.

Ст. 3. Уголовные законы союзных республик имеют задачей защиту рабоче-крестьянского государства от общественно-опасных лиц и от преступлений, совершенных как классовыми его противниками, так и теми трудящимися, которые нарушают установленный рабоче-крестьянской властью революционный правопорядок. Задача эта осуществляется ею путем применения к нарушителям мер социальной защиты.

Ст. 4. Преступлением признается всякое общественно-опасное действие или бездействие, подрывающее власть трудящихся или правопорядок, ею установленный, или им угрожающее.

Ст. 5. Если отдельные виды преступлений не определены вовсе в уголовном кодексе союзной республики, или не указаны точно, то основания и пределы ответственности, а также меры социальной защиты определяются судом по аналогии со статьями уголовного кодекса, предусматривающими наиболее сходные по важности и роду преступления.

Ст. 6. Меры социальной защиты применяются с целью: а) предупреждения новых преступлений как со стороны совершивших их, так и со стороны неустойчивых элементов общества; б) лишения преступника возможности совершать дальнейшие преступления; в) приспособления нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового на него воздействия.

В соответствии с этим, меры социальной защиты должны быть целесообразны и лишены мучительства. Задач возмездия и кары уголовное законодательство республики себе не ставит.

Ст. 7. Меры социальной защиты разделяются на:

а) меры судебного характера, определяемые судом при вынесении приговора

б) меры медицинского характера и

в) меры медико-педагогического характера, могущие быть применяемыми как в связи с приговором, так и независимо от него.

Ст. 8. Меры социальной защиты судебного характера применяются в отношении лиц, которые, действуя умышленно, предвидели общественно-опасный характер последствий своих действий, желали этих последствий, или сознательно допускали их наступление, или которые, действуя неосторожно, не предвидели последствий своих действий, хотя и должны были их предвидеть, или легкомысленно надеялись предотвратить таковые последствия.

Ст. 9. Меры медицинского характера подлежат применению в отношении лиц, совершивших преступление в состоянии хронической душевной болезни или временного расстройства душевной деятельности, или в таком болезненном состоянии, когда не могли давать себе отчета в своих действиях или руководить ими, равно в отношении тех, кто хотя и действовал в состоянии душевного равновесия, но к моменту вынесения приговора заболел душевной болезнью.

Ст. 10. Меры социальной защиты медико-педагогического характера обязательно применяются к малолетним, а в отношении несовершеннолетних только в случаях, если соответствующими органами будет признано невозможным применение к ним мер социальной защиты судебного характера. Во всех остальных случаях вопрос о применении мер медико-педагогического характера решается судом.

Примечание. Определение возрастов несовершеннолетних и малолетних, как равно и обязательные, в случае применения к ним мер социальной защиты судебного характера, пределы смягчения последних определяются уголовными кодексами каждой из союзных республик самостоятельно.

Ст. 11. Меры социальной защиты не применяются вовсе к лицам, совершившим действия, которые хотя и были предусмотрены уголовным кодексом союзной республики, но были совершены в состоянии необходимой обороны против незаконных посягательств на советскую власть и революционный правопорядок, а равно и на личность и права обороняющегося или другого лица, если при этом не было допущено превышение пределов необходимой обороны. Меры социальной защиты не применяются, когда те же действия совершены для отвращения опасности, которая была неотвратима при данных обстоятельствах другими средствами, если причиненный при этом вред представляется менее важным по сравнению с охраненным благом.

Ст. 12. Меры социальной защиты не применяются, если со времени совершения преступления истек давностный срок, при чем пределы и условия применения этого срока определяются каждой республикой самостоятельно с тем, чтобы его основным

условием было выявление обстоятельств, характеризующих прекращение социально опасного состояния данного лица и чтобы в общей сложности этот срок не превышал 10-ти лет.

Ст. 13. Покушением на преступление признаются действия, направленные на совершение преступления, когда совершающий сделал все, что было существенно необходимо для приведения своего намерения в исполнение, и когда, несмотря на это, преступные результаты не наступили, по причинам от него не зависящим, или были остановлены по собственному побуждению покушавшегося.

Приготовлением к преступлению признается приискание или приспособление орудий и средств к совершению преступления или создание условий, облегчающих его совершение.

Ст. 14. Меры социальной защиты при покушении определяются нормами в той же мере, что и при совершении преступления.

Приготовление к преступлению является основанием для применения мер социальной защиты в случаях, особо указанных уголовными кодексами союзных республик.

Ст. 15. Меры социальной защиты применяются равно как в отношении исполнителей, так и соучастников. Меры социальной защиты каждому из соучастников преступления определяются в зависимости как от степени его социальной опасности, так и от степени соучастия его в совершенном им преступлении.

РАЗДЕЛ 3-й.

Меры социальной защиты и их применение.

Ст. 16. Мерами социальной защиты судебного характера являются:

- а) объявление врагом трудящихся с изгнанием из пределов Союза ССР навсегда;
- б) лишение свободы со строгой изоляцией;
- в) лишение свободы без строгой изоляции;
- г) принудительные работы без содержания под стражей;
- д) поражение всех прав;
- е) поражение отдельных прав;
- ж) удаление из пределов Союза ССР или пределов отдельной союзной республики, или отдельной местности с поселением в тех или иных местностях или с запрещением проживания в ряде местностей и без запрещения;
- з) увольнение от должности и запрещение занятия той или иной должности или занятия той или иной деятельностью или промыслом;
- и) общественное порицание;
- к) конфискация имущества полная или частичная;
- л) штраф.

Примечание. Временно, в качестве высшей меры социальной защиты впрямь до полной ее отмены ЦИК'ом Союза ССР, для борьбы с наиболее, тяжкими видами преступлений, угрожающими основам советской власти и советского строя, допускается расстрел, в порядке и случаях, особо законами определенных.

Эта мера не применяется к не достигшим 18-летнего возраста, а также женщинам, находящимся в состоянии беременности.

Ст. 17. Меры социальной защиты: поражение всех прав, поражение отдельных прав, удаление из пределов Союза ССР или отдельных союзных республик или отдельной местности с поселением в тех или иных местностях или с запрещением проживания в ряде местностей и без запрещения, увольнение от должности и запрещение занятия той или иной должности или занятия той или иной деятельностью или

промыслом, общественное порицание, конфискация имущества полная или частичная штраф (пп. „д“, „е“, „ж“, „з“, „и“, „к“, „л“ ст. 16) могут быть применяемы судом, как в качестве самостоятельных, так и в качестве дополнительных мер социальной защиты.

Ст. 18. К мерам социальной защиты медицинского характера относятся:

- а) помещение в учреждения для умственно-и морально-дефективных;
- б) принудительное лечение.

Ст. 19. К мерам медико-педагогического характера относятся:

- а) отдача несовершеннолетних на поруки родителям, родственникам или другим лицам;
- б) помещение в специальные учреждения (реформаториумы).

Ст. 20. Союзным республикам принадлежит право устанавливать иные меры социальной защиты в соответствии с общими принципами уголовного законодательства.

Ст. 21. Объявление врагом трудящихся и изгнание из пределов Союза ССР применяется в качестве меры социальной защиты в отношении наиболее опасных преступников, без срока, при чем в случаях самовольного возвращения лица, в отношении которого оно было применено, к нему в качестве меры социальной защиты применяется — расстрел.

Ст. 22. Лишение свободы обязательно соединяется с мерами приспособления к общежитию путем исправительно-трудового воздействия и не может превышать 10-ти лет. Предварительное заключение под стражу обязательно засчитывается в срок мер социальной защиты, определенных в виде лишения свободы.

Порядок зачета предварительного содержания под стражей и предельный минимум приговоров к лишению свободы определяется законодательством каждой союзной республики.

Суду предоставляется право также при применении иных мер социальной защиты, указанных в пп. „г“ — „л“ включительно ст. 16-й настоящего закона, засчитывать в качестве меры социальной защиты предварительное содержание под стражей до суда в каждом отдельном случае.

Ст. 23. Принудительные работы без содержания под стражей назначаются на срок не свыше одного года. Характер и организация принудительных работ, равно как и порядок замены принудительных работ содержанием под стражей, определяется законодательством союзных республик.

Примечание. Принудительные работы в отношении военнослужащих заключаются в содержании их в штрафных воинских частях.

Ст. 24. Поражение всех прав заключается в лишении:

- а) прав политических;
- б) членства в общественных и профессиональных организациях;
- в) права занимать государственные должности и исполнять общественные обязанности и
- г) прав имущественных.

Лишение прав назначается на срок не свыше пяти лет. В случаях, если лишение прав присоединяется в качестве дополнительной меры социальной защиты при одновременном назначении лишения свободы, таковое распространяется на все время отбывания заключения и сверх того на срок, указанный судом.

При назначении лишения всех прав в качестве дополнительной меры при изгнании, лишение всех прав назначается бессрочно.

Ст. 25. Поражение отдельных прав как в отношении перечня, так и в отношении порядка поражения устанавливается законодательством союзных республик.

Ст. 26. При поражении всех прав суд обязан, а при поражении некоторых — может войти с представлением в соответствующий ЦИК о лишении осужденного ордена Красного и Трудового Знамени и иных знаков отличий, назначаемых ЦИК'ами союзных республик.

Примечание. Лишение прочих знаков отличий или почетных званий производится постановлением суда.

Ст. 27. Удаление из пределов Союза ССР или пределов отдельной республики или определенной местности с поселением в другой местности и без такового и с запрещением проживания в других местностях или без такового назначается судом в отношении лиц, признанных по своей преступной деятельности или по связи с преступной средой в данной местности социально-опасными. Эта мера может быть применяема судом и в том случае, если суд оправдает их в том преступлении, по которому они привлекались в качестве обвиняемых.

Установление района высылки в пределах территории союзных республик, а также и список этих местностей устанавливаются законодательством каждой союзной республики; высылка за пределы Союза ССР или на территорию другой союзной республики допускается лишь в порядке, особо определяемом общесоюзным законодательством.

Ст. 28. Увольнение от должности, запрещение заниматься определенной профессией или промыслом применяются судом, как мера социальной защиты, на срок не свыше пяти лет.

Ст. 29. Общественное порицание заключается в выражении судом от имени государства приговоренному осуждения за совершенное им преступление.

Ст. 30. Конфискация имущества состоит в принудительном безвозмездном отчуждении государством всего или точно определенной судом части имущества осужденного. Конфискации не подлежат необходимые для осужденного и его семьи предметы домашнего обихода и служащие средством к существованию орудия мелкого, кустарного и ремесленного или с.-х. производства. Количество необходимого для профессиональной работы инвентаря, предметов питания и денежных сумм, подлежащее оставлению, определяется законодательством каждой союзной республики.

Примечание. Настоящая статья распространяется и на случаи взыскания штрафов.

Ст. 31. При конфискации имущества государство не отвечает по обременяющим имущество долгам и обязательствам, если таковые возникли после принятия следственными властями мер по охране имущества от отчуждения с целью сокрытия от конфискации. В остальных случаях претензии третьих лиц удовлетворяются в пределах актива, при чем преимущество перед всеми претендентами отдается государственным органам. Причитающаяся получателям заработная плата выдается им во всех случаях.

Ст. 32. Штраф есть денежное взыскание, налагаемое судом в соответствии с имущественным положением осужденного. В случае уклонения от внесения штрафа или несостоятельности, штраф может быть заменен принудительными работами. Пределы замены штрафа и порядок замены определяются законодательством союзных республик. Замена штрафа лишением свободы и лишения свободы штрафом не допускается.

Ст. 33. Меры социальной защиты медико-педагогического и медицинского характера, если таковые не были применены соответственными органами до судебного разбирательства, могут быть применены судом в случае, если он признает не соответствующим данному случаю применение мер социальной защиты судебного характера.

Ст. 34. В отношении всех мер социальной защиты, кроме поименованных в пп. „а“ и „б“ и в примечании ст. 16-й, допускается применение их условно. Условное осуждение может иметь место, если суд установит, что степень опасности осужденного для общества не требует обязательного немедленного приведения мер социальной защиты в исполнение и состоит в постановлении о неприведении обвинительного приговора в исполнение при условии несовершения осужденным нового преступления в течение определенного судом срока.

В случае совершения нового преступления в течение назначенного срока мера социальной защиты применяется к осужденному при вступлении в силу обвинительного приговора по новому делу независимо от меры социальной защиты, назначенной этим последним приговором, но с тем, что, если в обоих случаях в качестве меры социальной защиты определено лишение свободы, таковое по совокупности не должно превышать 10-ти лет.

Ст. 35. Подлежат различению две категории преступлений;

- а) направленные против установленных в Союзе Советских Социалистических Республик основ нового строя и потому признаваемые наиболее опасными;
- б) все остальные преступления.

За первые преступления в уголовных кодексах союзных республик подлежит определению предел, ниже которого суд не может назначать применение мер социальной защиты; по всем остальным преступлениям подлежит определению в законе лишь высший предел.

Ст. 36. Когда в совершенном обвиняемым деянии содержатся признаки не скольких преступлений, меры социальной защиты определяются судом по статье, устанавливающей более строгую меру. В случае совершения обвиняемым до вынесения приговора двух или более преступных деяний, мера социальной защиты определяется согласно статье, устанавливающей более строгую меру, при чем последняя может быть повышена до высшего допускаемого уголовным кодексом по этой статье предела.

Ст. 37. При установлении мер социальной защиты за те или иные преступления учитывается степень и характер опасности как самого преступника, так и совершенного им преступления, для чего судом выясняется обстановка совершенного преступления, личность преступника, мотивы преступления, а также насколько само преступление в данных условиях места и времени является общественно-опасным.

Подлежат применению более строгие меры социальной защиты, если совершивший преступление совершил его: а) в интересах восстановления власти буржуазии б) если оно направлено против советского государства в целом, или если преступление было направлено против интересов трудящихся; в) если оно было совершено лицом по своему классовому происхождению в прошлом или классовой принадлежности в настоящем подлежащим отнесению к разряду врагов трудящихся; г) если преступление совершено группой, шайкой (бандой) или профессиональным преступником (рецидивистом); д) из низменных корыстных побуждений; е) с особой жестокостью, насилием или хитростью.

Более мягкие меры социальной защиты подлежат применению, если преступление совершено было: а) в интересах трудящихся или лицом, по своей настоящей классовой принадлежности относящимся к классу трудящихся; б) по невежеству или неосознанности; в) под влиянием угрозы или принуждения; г) сильного душевного волнения; д) в состоянии голода или нужды; е) по неосторожности; ж) лицом, не достигшим совершеннолетия.

Ст. 38. В том случае, если, по мнению суда, из обстоятельств дела вытекает целесообразность назначения меры социальной защиты ниже низшего предела, установленного законом в соответствующей статье, допускается такое понижение исключительно с приведением мотивов такого понижения.

Случаи допущения полного освобождения судом от применения меры социальной защиты в отношении совершившего преступление определяются законодательством союзной республики.

РАЗДЕЛ 4-й.

Об условно-досрочном освобождении осужденного от применения установленной приговором меры социальной защиты.

Ст. 39. К лицам, к которым применены срочные меры социальной защиты, обнаруживающим исправление, может быть применено условно-досрочное освобождение от дальнейшего отбывания определенной судом меры социальной защиты.

Оно выражается либо в полном освобождении от отбывания приговора, либо в замене определенной судом меры социальной защиты более мягкой мерой и применяется судом, вынесшим приговор, или судом того района, где содержится осужденный. Порядок применения досрочного освобождения определяется законодательством каждой союзной республики. Ходатайство о досрочном освобождении может быть возбуждено не ранее отбытия осужденным половины срока.

Ст. 40. Если досрочно освобожденный совершит в течение не отбытого срока новое преступление, то не отбытая им часть срока присоединяется к мере социальной защиты, принятой судом в отношении его за новое преступление, с тем, чтобы общий срок, если в качестве меры социальной защиты определено судом лишение свободы по обоим делам, не превышал 10-ти лет.

Примечание. Точное определение порядка, а равно перечень преступлений, безусловно влекущих за собой отбытие первоначально определенной меры социальной защиты, определяется законодательством союзных республик.

**Проект изменений Основных Начал, внесенный СНК
Союза на сессию ЦИК'а (апрель 1926 г.).**

К 2-й сессии ЦИК Союза ССР 3-го созыва.

ПРОЕКТ,
вносимый СНК Союза ССР.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИ-
ТЕТА СОЮЗА ССР.**

**Об изменении основных начал уголовного законодательства
Союза ССР и союзных республик.**

Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет:

Внести следующие изменения в основные начала уголовного законодательства
Союза ССР и союзных республик (Собр. Зак. СССР, 1924 г., № 24, ст. 205):

1. Статью 3 изложить в следующей редакции:

„3. Отдельные виды преступлений и порядок применения к ним мер социальной
защиты определяются уголовными законами союзных республик, за исключением пре-
ступлений контр-революционных, военных и тех преступлений против порядка управле-
ния, которые ЦИК Союза ССР, в силу их особой опасности, признает необходимым
нормировать в порядке общесоюзного законодательства.

Президиуму Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР предоста-
вляется право в необходимых случаях указывать союзным республикам роды и виды
преступлений, по которым Союз ССР считает необходимым проведение определенной
линии единой карательной политики.

Если же общественно-опасные деяния прямо не предусмотрены уголовным зако-
нодательством, то основания и пределы ответственности, а также меры социальной
защиты определяются судом по аналогии с теми статьями уголовных кодексов, кото-
рые предусматривают наиболее сходные по важности и роду преступления“.

2. Ст. 9 изложить в следующей редакции:

„9. Меры социальной защиты не применяются вовсе к лицам, совершившим
действия, предусмотренные уголовными законами, если судом будет признано, что эти
действия совершены лишь в состоянии необходимой обороны против посягательства
на советскую власть, либо на личность и права обороняющегося или другого лица,
если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны. Меры
социальной защиты не применяются, когда те же действия совершены для отвраще-
ния опасности, которая была неотвратима при данных обстоятельствах другими
средствами, если причиненный при этом вред является менее важным по сравнению
с предупрежденным вредом“.

3. Изложить ст. 10 и примечания к ней в следующей редакции:

„10. Уголовное преследование не может быть возбуждено, а возбужденное не может быть продолжено и подлежит прекращению во всякой стадии процесса:

а) когда со времени совершения преступления, за которое уголовными законами в качестве меры социальной защиты определено лишение свободы на срок не ниже 2 лет, прошло 10 лет;

б) когда со времени совершения преступления, за которое определено лишение свободы не ниже одного года, прошло 5 лет;

в) по всем остальным преступлениям, когда со времени совершения их прошло три года.

Давность применяется: а) если за все это время не было никакого производства или следствия по данному делу, и б) если притом совершивший преступление, покрываемое давностью, не совершил за указанный в настоящей статье срок какого-либо другого однородного или не менее тяжкого преступления.

Обвинительный приговор не приводится в исполнение, если он не был приведен в исполнение в течение 10 лет со дня вынесения приговора.

Примечание 1. Союзным республикам предоставляется в случаях, указанных в п. „в“, понижать давностные сроки по отдельным видам преступления.

Примечание 2. В случаях привлечения к уголовной ответственности за преступления контр-революционные, применение давности в каждом отдельном случае предоставляется усмотрению суда; однако, если суд не найдет возможным применение давности в том или ином случае, то при назначении им расстрела за данное преступление таковой обязательно заменяется объявлением врагом трудящихся с лишением гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда или лишением свободы на срок не ниже 5 лет.

Примечание 3. В отношении лиц, привлеченных к уголовной ответственности за активные действия и активную борьбу против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных или особо-секретных должностях при царском строе или у контр-революционных правительств в период гражданской войны, давность не применяется, вопрос же о замене расстрела предоставляется усмотрению суда“.

4. Пункт „6“ статьи 20 исключить.

5. Пункт „6“ статьи 31 исключить.

6. Пункт „6“ статьи 32 исключить.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Во время печатания книги состоявшаяся в феврале 1927 г. сессия ЦИК Союза внесла следующие изменения в Основные Начала (Постановление 25/II 1927 г.).

Ст. 3 (см. стр. 102), ч. 1. После слов: „союзных республик“, говорится: „при чем разделы о преступлениях государственных (контр-революционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) и воинских подлежат включению в Уголовные Кодексы Союзных Республик в текст Положений, издаваемых Центральным Исполнительным Комитетом Союза ССР.“

Часть 2 той же статьи. После слов: „определенной линии единой“, говорится: „судебной политики, со внесением на утверждение сессии Центрального Исполнительного комитета Союза ССР“.

Ст. 9 (см. стр. 103). Исключено указание на „революционный правопорядок.“

Ст. 10 (см. стр. 103) изложена в следующей редакции:

„Уголовное преследование не может иметь места:

а) когда со времени совершения преступления, за которое судом может быть назначено лишение свободы на срок свыше 5 лет, — прошло 10 лет;

б) когда со времени совершения преступления, за которое судом может быть назначено лишение свободы на срок не свыше 5 лет, — прошло 5 лет;

в) когда со времени совершения преступления, за которое судом может быть назначено лишение свободы на срок до 1 года, или в законе определена более мягкая, чем лишение свободы, мера социальной защиты, — прошло 3 года.

Давность применяется, если в течение соответствующего срока не было никакого производства по данному делу. Течение давности прерывается, если совершивший преступление во время течения соответствующего срока давности совершит другое однородное или не менее тяжкое преступление, либо скроется от следствия или суда; исчисление сроков давности в этих случаях начинается со дня совершения второго преступления или со дня возобновления приостановленного производства.

Примечание 1. Союзные Республики могут в случаях, указанных в пунктах „б“ и „в“, понижать давностные сроки по отдельным видам преступления.

Примечание 2. В случаях привлечения к уголовной ответственности за преступления контр-революционные применение давности в каждом отдельном случае предоставляется усмотрению суда; однако, если суд не найдет возможным применение давности, то при назначении им расстрела за данное преступление таковой обязательно заменяется объявлением врагом трудящихся, с лишением гражданства Союзной Республики и тем самым гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда или лишением свободы со строгой изоляцией на срок не ниже 2 лет.

Примечание 3. В отношении лиц, привлеченных к уголовной ответственности за активные действия и активную борьбу против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных или секретных должностях при царском строе или у контр-революционных правительств в период гражданской войны, применение давности и вопрос о замене высшей меры социальной защиты — расстрела — предоставляется усмотрению суда“.

Введена дополнительная ст. 10¹.

„10¹. Не имеющими судимости признаются:

- а) лица, по суду оправданные;
- б) лица, условно-осужденные, которые в течение назначенного судом испытательного срока не совершили нового преступления;
- в) лица, приговоренные к лишению свободы на срок не свыше шести месяцев или ко всякой иной, более мягкой мере социальной защиты, которые в течение 3 лет со дня отбытия примененной к ним соответствующей меры социальной защиты не совершили нового преступления, а равно приговоренные к лишению свободы на срок свыше шести месяцев, но не более трех лет, которые не совершили нового преступления в течение шести лет.“

Ст. 20 (см. стр. 107) изложена в следующей редакции:

„20. Поражение прав заключается в лишении:

- а) активного и пассивного избирательного права;
- б) права занимать выборные должности в общественных организациях;
- в) права занимать те или иные государственные должности и
- г) носить почетные звания.“

Вторая часть ст. 20 сохранила прежнюю редакцию.

Ст. 22 (см. стр. 107). Во второй части статьи после слов: „удаление из пределов Союзной Республики“, вставлены слова: „на срок.“

В ст. ст. 31 и 32 (см. стр. 108, 109) исключен п. „б“.

Ст. 38 (см. стр. 110) изложена в следующей редакции:

„38. К лицам, присужденным к срочным мерам социальной защиты и обнаруживающим исправление, может быть применено условно-досрочное освобождение от дальнейшего отбывания определенной судом меры социальной защиты.

Оно выражается либо в освобождении от дальнейшего отбывания приговора, либо в замене определенной судом меры социальной защиты более мягкой мерой. Порядок применения условно-досрочного освобождения определяется законодательством Союзных республик.“

Той же сессией (постановление 25/II 1927 г.) принято и Положение о преступлениях государственных (контр-революционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) (см. стр. 14 — 16).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3
Глава первая. Образование Союза ССР и необходимость выделения общесоюзных основ уголовного права..	7
Глава вторая. Пределы союзного уголовного законодательства	9
1. Вопрос на сессии ЦИК'а Союза в октябре 1924 г.	—
2. На сессии ВЦИК'а РСФСР в октябре 1925 г. и апрельской сессии ЦИК'а Союза в 1926 г.	14
Глава третья. Пределы действия уголовных законов.....	16
1. Действие уголовного закона во времени	—
2. Действие уголовного закона в пространстве.....	17
Глава четвертая. Декларативные статьи Основных Начал.	19
1. Задачи уголовного законодательства	—
2. Определение понятия преступления	21
3. Цели, преследуемые мерами социальной защиты	23
Глава пятая. Понятие о социальной опасности преступного деяния и преступника.....	25
1. Социальная опасность деяния	27
2. Социальная опасность деятеля.....	30
Глава шестая. Понятие о невменяемости. Вопрос об уменьшенной вменяемости	34
Глава седьмая. Умысел и неосторожность	38
Глава восьмая. Необходимая оборона. Крайняя необходимость. Другие обстоятельства, исключающие противоправность	46
Глава девятая. Приготовление и покушение.....	50
Глава десятая. Соучастие	55
Глава одиннадцатая. Отдельные меры социальной защиты судебно-исполнительного характера	57
1. Общая характеристика.....	—
2. Расстрел.....	58

	Стр.
3. Объявление врагом трудящихся	59
4. Лишение свободы	60
5. Принудительные работы без лишения свободы	62
6. Поражение прав	63
7. Высылка и ссылка	66
8. Увольнение от должности	71
9. Запрещение занятия той или иной должности или занятия той или иной деятельностью или промыслом	—
10. Общественное порицание	72
11. Конфискация имущества	—
12. Штраф	75
13. Предостережение	76
Глава двенадцатая. Применение мер социальной защиты.	77
1. Общие начала	—
2. Условное осуждение	84
Глава тринадцатая. Досрочное освобождение.	87
Глава четырнадцатая. Давность	88
Глава пятнадцатая. Восстановление в правах	91
Глава шестнадцатая. Идеальная и реальная совокупность.	93
Глава семнадцатая. О несовершеннолетних	94
Заключение	96

ПРИЛОЖЕНИЯ.

№ 1. Постановление ЦИК'а Союза об утверждении Основных Начал 29 октября 1924 г.	99
№ 2. Постановление Президиума ЦИК'а Союза об утверждении Основных Начал 31 октября 1924 г.	100
№ 3. Основные Начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик	101
№ 4. Проект (СНК Союза) постановления ЦИК'а Союза ССР о введении в действие основных начал	112
№ 5. Проект Основных Начал в редакции СНК	113
№ 6. Проект Основных Начал в редакции КЗП.	121
№ 7. Проект Основных Начал в редакции КК	128
№ 8. Проект изменений Основных Начал, внесенный СНК Союза на сессию ЦИК'а (апрель 1926 г.)	129
Послесловие	137
Оглавление	139

